

II Международная научная конференция

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Пермь

Главный редактор: *Ахметова Г. Д.*

Редакционная коллегия сборника:

*М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, Т. И. Алиева,
В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова,
Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров,
С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, У. А. Мусаева, М. О. Насимов,
Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина*

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

*З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина),
Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан),
А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан),
Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), О. А. Козырева (Россия),
Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия),
Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия),
Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан),
А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)*

История и археология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Пермь, май 2014 г.). —
И90 Пермь: Зебра, 2014. — iv, 90 с.
ISBN 978-5-88187-468-1

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Алимов Д.Х., Джалилов М.Ш., Наботов Ф.С.

Вклад россиян в восстановление оросительных систем и развитие ирригационного строительства Хатлонской области Республики Таджикистан (1924–1930 гг.) 1

Бабаджанов Х.Б.

Обзор документов хранившихся под грифом «секретно» в научных публикациях 1989–1995 годов на тему «История Второй мировой войны» 5

Войнаровская Ю.В., Трифонова К.В.

Социальный состав населения малых городов Поволжья в 1920-е годы 7

Гойибов Б.С.

Sogd and China: priority trade ties 9

Царихин В.А.

История развития государственной молодёжной политики до 1991 года 12

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Имгрунт Е.В.

Противостояние Персии и Османской Империи за контроль над Закавказскими территориями в XVI–XVIII веках. 15

Крючкова В.Н.

Партизанское движение Малоярославецкого района Калужской области в годы Великой Отечественной войны. 16

Лукьянов Н.В.

Судостроение ВМФ США перед Второй мировой войной 18

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Адаменко А.А.

Традиционное хозяйство народа акха в Северном Таиланде. Этнографический очерк. 21

Нуриддинов А.О.

Вопросы социальной справедливости в учении Махдуми Аъзам. 28

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Баранова С.Б.**

Информационная деятельность Пермского Губвоенкома и Губкомдезертира в процессе борьбы с дезертирством на период 1920 г. 31

Давлетов С.Р.

Некоторые вопросы экологической истории Узбекистана во второй половине XX и начале XXI века ... 35

Давыдов А.Ю. Влияние Василия Великого на рост личностного начала в духовной культуре Руси XIV века – первой половины XV века.	38
Забелин В.М. Благодарненский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом.	43
Закиров А.Ф. Мероприятия Казанского филиала Академии наук по оказанию научной помощи промышленности Татарии в начале 1950-х гг.	45
Коробова Н.А. История развития пожарно-прикладного спорта в России	48
Красавин В.А. Генерал Власов.	52
Мамадалиев Х.И. Социально-экономические и административно-территориальные изменения в городе Маргилан (конец XIX века и начало XX века)	54
Мансуров У.У. Changes in the administrative-political and regional administrative system of the cities of Fergana valley (in the example of 1917–1924 years).	57
Мудрова Н.П. Организация научно-исследовательской деятельности Русского географического общества.	61
Муллаев А.Ш. To the history of relations between countries of Central Asia and the Russian Federation	63
Олешкова А.М. Институционализация красно-крестного движения на Урале.	65
Осокина М.О. Деятельность астраханской милиции по охране общественного порядка в годы индустриализации и коллективизации	68
Титоренко Е.Э. Власть и Русская православная церковь в 20–30 гг. на примере Кемеровской области.	70
Фаистов Т.Н. Артиллерийский боезапас г. Тара в конце XVI–XVII вв.	73
Чиркунов И.В. Политика губернского земства по отношению к кустарным промыслам Нижегородской губернии в конце XIX в. (на основе материала работы «Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства»)	77

5. АРХЕОЛОГИЯ

Карелин В.Г. Семантическая общность древнего искусства: от палеолита до уральских писаниц.	80
Кузнецова О.В. Культовое значение керамики в ташковской культуре.	83

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Андреев В.Н. Первые письменные свидетельства о новокрещенских поселениях в Среднем Поволжье (по писцовым материалам Казанского и Свияжского уездов 1565–1568 годов).	87
---	----

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Вклад россиян в восстановление оросительных систем и развитие ирригационного строительства Хатлонской области Республики Таджикистан (1924–1930 гг.)

Алимов Давлатали Халилович, кандидат исторических наук, старший преподаватель;

Джалилов Махмадулло Шамсуллоевич, аспирант;

Наботов Файзиддин Сайфиддинович, аспирант

Курган-Тюбинский государственный университет имени Носира Хусрава (Республика Таджикистан)

Проблема ирригационного строительства, проведения мелиоративных работ и освоения орошаемого земледелия в Таджикистане являлась одной из центральных задач в развитии сельского хозяйства и осуществлении политики коллективизации. Наиболее знаменательной ее страницей в годы довоенных пятилеток служило орошение засушливых земель Вахшской долины. [8]

Благодаря специалистов Российской Федерации в республике Таджикистане в годы первой пятилетки начались планомерные работы по изучению водно-земельных ресурсов, что дало возможность в дальнейшем перейти к осуществлению крупных проектов водохозяйственного строительства. [2]

Трудящиеся Российской Федерации совместно с таджикскими рабочими к 1929 году восстановили существовавшие ирригационные системы и довели площадь орошаемых земель до 226 тысяч гектаров. [2]

На ирригационном строительстве Хатлонской области руководящую роль играла рабочий класс, прибывших из Российской Федерации. Трудящиеся Российской Федерации являлись передовиками производства, увлекали за собой широкие массы рабочих, боролись с недостатками, способствовали выполнению и перевыполнению производственных планов. [2]

На стройке работали посланцы всех союзных республик, прежде всего Российской Федерации, показывающие примеры самоотверженного труда. «Мне довелось. — пишет в своих воспоминаниях В.Г. Коночкин, — быть очевидцем того, как прораб головного сооружения С.Г. Запрометов (он же автор его проекта) вытряхнул с вертикального обрыва прямо в бурный Вахш первую тачку грунта из котлована головного сооружения». К концу второй пятилетки Вахшская ирригационная система уже обеспечила устойчивый водозабор и самоотечное орошение 72 тыс. га земли Вахшской долины. [8]

Таджикистан представляет собой горную страну где 93 % территории республики занимают горные системы Алая и Памира. Долинные земли составляют 9,9 тыс. кв. км или 7 % территории. Поэтому основную часть своей

народнохозяйственной жизни, особенно орошаемого земледелия, республика сосредоточила на имеющихся незначительных равнинных пространствах, представляющих в большинстве случаев расширенные участки речных долин. По данным 1929 года, годными к орошению и сельскохозяйственному использованию земель числилось свыше одного миллиона гектаров. [7]

Приведенные данные почти совпадают, хотя они относятся к разным, значительно отдаленным друг от друга, периодам. Таким образом, возможный прирост орошаемой площади был и есть немалым. Из общей площади, пригодных для полива земель, примерно на 600 тыс. гектарах возможно возделывание хлопчатника. [4]

Благоприятные климатические условия Таджикистана в долинных землях позволяют возделывать все основные сельскохозяйственные культуры. Здесь впервые в Средней Азии получили постоянную прописку советские длинноволокнистые сорта хлопчатника. Продолжительность активной вегетации здесь составлял от 200 до 240 дней. [2]

Вся территория Таджикистана густо покрыта как крупными, так и мелкими реками, ручьями, саями и родниками. По данным литературы, общее протяжение рек республики составляет более 28,5 тыс. км, а их годовой сток равняется 80,5 млрд. куб. м. [6] Основные источники питания поливного земледелия здесь находятся в бассейнах двух великих рек Средней Азии — Амударьи и Сырдарьи.

По характеру источников питания все оросительные системы Таджикистана делятся на речные и родниковые, а по характеру использования источников орошения — на самотечное и машинное. В период образования Таджикской Автономной республики и последующие годы восстановления, оросительная сеть некоторых районов республики. [2]

В начале 1925 года было организовано Управление водного хозяйства (УВХ) при Совнарком Таджикиской АССР. С 1925 года оно в течение пяти лет вело работу на правах Народного Комиссариата. Его водно-административное деление почти совпадало с областным тер-

риториальным делением, что имело положительное значение для организации работ. Вахшский водный округ соответствовал Курган-Тюбинскому областу, Кизилсуйский — Кулябскому, Кафирниганский-Гиссарскому, Сурхобский-Гармскому, Истравшанский — Ура-Тюбинскому и Пенджикентскому, Горно-Бадахшанский — ГБАО. В вою очередь водные округа делились на водные районы, а они на водные участки и мирабства.

Под непосредственным влиянием революции в Бухаре 30 сентября 1920 г. было принято «Декрет о землеустройстве и землепользовании в БСНР». [8] Все земли, принадлежавшие эмиру, баям, казиям и крупным чиновникам, становились всенародным достоянием и передавались безземельным и малоземельным дехканам. В Хатлонской области (бывшие Курган-Тюбинский и Кулябские области) тоже простые дехканы получали клочки земли.

После свержения эмира острая классовая борьба переросла в гражданскую войну, которая привела к запущению орошаемых земель и ирригационных систем. В 1924 году на территории Таджикской АССР орошаемая площадь сократилась в три раза (с 328 тыс. десятин до 102 тыс.). [5]

В годы гражданской войны сильно пострадала ирригационная сеть хлопковых полей. В автономной республике она сократилась с 35 тыс. (1915 г.) до 400 десятин (1925 г.). [3]

Гражданская война в Таджикистане продолжалась дольше. Поэтому к капитальному ремонту каналов и сооружений здесь приступили значительно позже и вели его с 1925 по 1930 год. Всего за годы гражданской войны и басмачества в южных районах республики, в том числе в районах Хатлонской области было разрушено 80 % всех ирригационных сооружений. Были совершенно выведены из строя такие магистрали, как Джуйбор, Катта, Сангова, Янги, Каланчи и десятки других. [9]

Важнейшим условием подъема хлопководства и развития сельского хозяйства было не только восстановление старой ирригационной сети, но и строительство новой. В этих целях была организована Таджикская изыскательная партия. В Арал-Тугае и Кулябе она работала под усиленной охраной военных. Здесь свирепствовали басмаческие банды.

Несмотря на первые мероприятия советской власти по подъему поливного земледелия, она еще медленно развивалась. К осени 1924 г. на территории Таджикистана орошалось 113 тыс. гектаров земель, в том числе: по Вахшскому водному округу — 6,7 тыс. и Кизилсуйскому водному округу — 6,6 тыс. [9]

В результате проведенных массовых водохозяйственных строительно-восстановительных работ за 1924–1925 годы в Автономной республике было восстановлено более 20 тыс. гектаров заброшенных земель. Учитывая благоприятные естественные и климатические условия для развития хлопководства, правительство (Ревком) Таджикской АССР уделяли главное внимание

Курган-Тюбинскому области, где обследование узбекского хлопкового комитета и правительственной комиссии установили достаточное количество годной к орошению и использованию под хлопчатник земли. Здесь к осени 1925 года количество поливных земель достигло почти 12 тыс. гектаров. [2]

Особое внимание правительство республики в 1925 году уделяли развитию хлопководства. Оно являлось важным источником подъема благосостояния дехканских масс и обеспечения текстильной промышленности республики сырьем. Для посева этой культуры в 1926 году республика отводила 10 тыс. гектаров, в том числе по Курган-Тюбинскому области 5 тыс. и Кулябскому области 2,5 тыс. гектаров. [10]

На заседание Исполнительной комиссии Оргбюро ТАССР (16 апреля 1926 г.) отмечалось, что как в целом в народное хозяйство, так и в ирригацию в частности, затрачены крупные капитальные вложения. Отмечая удовлетворительные темпы по восстановлению оросительных систем на этом заседании отмечалось о необходимости и в дальнейшем продолжать интенсивное восстановление систем с тем, чтобы затем их перестроить на инженерной основе и проводить новые оросительные работы. [10]

Выполняя решения правительства республики УВХ ТАССР направляло все усилия на увеличение поливных площадей в хлопковых районах. Проводились крупные работы по восстановлению каналов Джуйбор, системы Арала. Несмотря на недостаток рабочей силы и технического персонала средней квалификации, был обеспечен нужный темп работы. Люди работали с полной отдачей силы. [2]

В 1928 году планировалось довести площадь посева хлопчатника до 32 тыс. гектаров. Это явилось замечательной победой по восстановлению почти дореволюционного уровня хлопководства.

На заседании исполнительного бюро обкома Таджикистана было принято специальное постановление «О ходе ирригационного строительства», в котором подвергая критике недостатки в этом деле, определялись задачи с целью обеспечения водохозяйственных мероприятий необходимыми силами и средствами. [10]

В результате осуществления этого решения уже в конце 1928 года на многих оросительных объектах произошли положительные сдвиги. Так, в Вахшском водном округе были закончены работы в головной части канала Ходжакала (Арал) и по отводам канала Джуйбор. [10]

В приросте поливных земель значительное место занимало трудовое участие населения в восстановлении оросительных систем. Оно делом отвечало на призыв правительства, — скорее оросить пустующие земли, засеять их ценными сельскохозяйственными культурами, и прежде всего хлопчатником.

Трудности и успехи восстановительных работ на ирригационных системах можно проследить на примере водных округов — Вахшского и Кизилсуйского.

Вахшский водный округ (соответствовал Курган-Тюбинскому области), делился на Курган-Тюбинский, Кабодианский, Саройкамарский и Аральский водные участки.

Курган-Тюбинский участок обслуживал канал Джуйбор, который был заилен, во многих местах разрушен. В декабре 1925 года началось его восстановление. Трудность работы заключалась в том, что в его головной части у реки Вахш, образовалось несколько островков, которые мешали проходу воды в сооружение. Специалисты решили построить головное сооружение на новом месте — в 1,5 км ниже прежнего.

Работа на Джуйборе велась энергично. С декабря 1925 по май 1926 года было выполнено, по тому времени, огромное количество работ. От Вахша до Джуйбора проложен канал со средней глубиной 6 метров, длиной 104 метра, расширено старое русло Джуйбора на протяжении 750 метров и проведено каменное укрепление. Кроме того, произведена очистка арыков Джиликуль, Узун, Каунтубе, Таирмали, Хатиги и др. из них было вынуто 150 тыс. кубометров грунта. На это мероприятие израсходовано 56,5 тыс. рублей. В результате всех этих работ в Курган-Тюбинском водном участке получено 7 тыс. гектаров новых поливных земель, а здесь имелось 22,4 тыс. гектаров годных к орошению земель. [9]

Аральский участок подчинялся непосредственно Вахшскому водному округу, в административно-территориальном — Гиссарскому области. Площадь равнинной части участка 185 кв. км. Весь земельный массив подразделялся на две части: центральный, так называемый «остров Арал» — площадью 118 кв. км. Другая часть территории, расположенная между Вахшем и отходящим от него полукругом на север, рукавом Ходжакала, окаймляющим «остров» с северо-востока на юго-запад до кишлака Кизилкала включительно. Площадь этой части составляет 67 кв. км.

Годы гражданской войны и борьбы с басмачеством пагубно сказались на хозяйстве острова Арал. Лишь с конца 1924 и начала 1925 гг. началось его возрождение к жизни: эмигрировавшее население возвращалось и приступало к восстановлению разрушенного хозяйства. Уже к концу 1925 года были частично отремонтированы и эксплуатировались три арыка: Катаган, Яримбек и Кум.

С 1926 года на Аральском участке начались крупные строительно-восстановительные работы. При участии дехкан были построены каменно-хворостные дамбы в головной части канала Ходжакала, восстанавливался арык Кум, ремонтировались другие арыки. Это позволило на три тысячи гектаров увеличить площадь орошенных земель. И уже к 1927 году было восстановлено орошение на 4428 гектарах, т. е. третья часть годных для этих целей земель. [9] Но здесь еще много староорошенных площадей оставалось заболоченными, заросшими камышом и кустарником. К этому времени в районе находились 1279 хозяйств, из них 165 были переселенцы из Гармского области. Благодаря реэмиграции и переселению росло число хозяйств. Это позволило ускорить восстанов-

ление каналов, расширить посевы. Но и тогда еще трудно было своими силами очищать каналы от наносов. [2]

В 1927—1928 гг. развитие орошения в Вахшском водном округе велось тремя строительными участками Главного управления водного хозяйства республики. Однако они в полной мере не справлялись с делом. Масштабы работы были огромными. Очистка каналов здесь велась на протяжении 836 км с объемом земляных работ почти в четверть миллиона кубометров.

Анализ состояния оросительных систем двух водных участков Вахшского водного округа — Курган-Тюбинского и Аральского — показывает, что, несмотря на восстановительные работы, ирригационные системы оставались примитивными. Для полного их восстановления и переустройства на основе современных гидротехнических знаний потребовалось много времени, сил и средств. Под руководством правительства эти задачи решались ускоренными темпами.

В Кулябской области долино-равнинная часть занимала сравнительно небольшое пространство. Здесь можно было оросить только 52 тыс. гектаров. Вследствие неправильной эксплуатации каналов, Кулябская долина была сильно заболочена и в значительной мере покрыта камышами и другими зарослями. [9]

Состояние ирригационной системы Кизилсуйского водного округа (Кулябская область) можно было определить по двум его водным участкам: Фархарскому и Чубекскому. Первый из них — южный долинный район Кулябского области. Здесь состояние ирригационной сети оставалось крайне неудовлетворительным. Головные части каналов и дамбы были примитивными. Полуразрушенные арыки не имели регулировочных сооружений. Приведение всего этого хозяйства в порядок, требовало громадных средств и рабочей силы. Особенно в неудовлетворительном состоянии находился самый мощный канал Зулум, протяженностью до 35 км. Он должен был подавать воду на 20 тыс. гектаров, а фактически — на 600. В Фархарском водном участке в 1927 году площадь орошаемой земли составляла всего 5,4 тыс. гектаров, из них засевалось немногим более трети. [2]

Состояние ирригационной сети Чубекского водного участка также считалось неудовлетворительным. Головные части каналов и дамбы были разрушены, вся сеть заиlena.

Правительство республики особое внимание обращало на восстановление орошаемых площадей Кизилсуйского водного округа. 15 августа 1927 года на заседании Исполкомиссии Оргбюро ЦК КП (б) Узбекистана в ТАССР, отмечалось халатное отношение Водхоза республики к нуждам Кулябской области. Крупные расходы на ирригацию здесь не давали ощутимых результатов. Некоторое улучшение оросительных систем было достигнуто самим населением. Предлагалось УВХ республики немедленно приступить к укреплению водного аппарата в Кулябской области с тем, чтобы в 1928 году обеспечить рост орошаемых земель и довести хлопковые посеы до 8 тыс. гектаров. [10]

Осуществляя это задание правительства, УВХ республики развернуло большую ирригационно-восстановительную работу. В результате устройства головного сооружения на канале Зулум и насыпки дамб и других работ прирост орошенных земель достиг 3750 гектаров. [10] И все же, несмотря на серьезные недостатки в изысканиях, восстановление оросительных систем обеспечило рост орошаемых земель этой области.

Важное место в развитии ирригационного строительства занимали научно-исследовательская и изыскательская работы. Ярким проявлением заботы правительства о развитии мелиорации явилось создание научных учреждений. В 1926 году в Ташкенте открылся Среднеазиатский научно-исследовательский институт ирригации (САНИИРИ). Исследования велись с целью научного обоснования нового орошения и переустройства существующей сети каналов. Такие работы в 1925 г. развернулись и на территории Хатлонской области. Оно определила, что можно оросить в бассейнах Вахша 68 тыс. гектаров, на Кизилсу и Яхсу — 50 тыс., в верховьях Пянджа — 5 тыс. гектаров. [1]

В январе 1925 г. Средазводхоз снарядил экспедиционный отряд из нескольких партий для обследования ирригационных систем Явана, Даганакиика, урочище Арала, Курган-Тюбе, Джиликуля, Сарайкамара, Чубека, Пархара, Куляба с площадью 25 тыс. квадратных верст. [10] Эти партии находили широкую поддержку у населения, которое было кровно заинтересовано в восстановлении каналов и сооружений.

В 1927 году в Вахшском водном округе в зоне крупного канала Джуйбор были закончены топографические и нивелировочные работы с целью выявления способов увеличения воды на орошение 16 тыс. гектаров. Успешно завершалось обследование острова Арала. Материалы изыскания дали возможность составить проект переустройства сети, обеспечивающий увеличение посевов на 7 тыс. гектаров. Значительный объем изысканий был выполнен

на Фархоро-Чубекском участке. В результате этих работ посевная площадь здесь увеличивалась на 5,7 тыс. гектаров. [10] На всех этих объектах за изысканиями и составлением проектов приступали к строительным работам.

Первая мелиоративная кооперация в Таджикистане была организована в начале 1925 года под названием «Джиликульское мелиоративное товарищество». А в 1930 году количество мелиоративных коопераций увеличилось до 55. [2] Если в 1925 году им было выдано более 10 тыс. рублей кредита, то в 1930 году — почти 180 тыс. [10]

В восстановлении и улучшении водного хозяйства республики важное значение имели и другие мероприятия правительства Таджикистана. 1 августа 1927 года на заседании Исполкомиссии Оргбюро КП (б) Узбекистана в ТАССР был заслушан вопрос «О работе с водопользователями» и было принято постановление о съездах водопользователей. Исходя из этого 17 января 1928 года были приняты «Положение о мирабах» и «Положение о водных обществах и съездах водопользователей». [10] В «Положении о мирабах» говорилось, что мираб заведует отдельным арыком, избирается водопользователями данного арыка и утверждается окружным отделом водного хозяйства. Мираб охранял воду от хищения и небрежного обращения, участвовал в организации и проведении натуральной повинности, учета произведенных работ, чистка канала водопользователями и др. В «Положении о водных обществах и съездах водопользователей» определено значение этих съездов в деле привлечения дехкан к активному участию в строительстве и эксплуатации ирригационных систем. [2]

Таким образом, все эти меры в восстановительный период способствовали развитию ирригационного строительства и расширению орошаемых земель, оказали огромное влияние на подъем народного хозяйства, улучшению материального благосостояния и культурного уровня таджикского народа.

Литература:

1. Виноградов, Г. Водные изыскания в Восточной Бухаре и перспективы. // Вестник ирригации. — № 3. — 1925. — с. 49.
2. Касимов, А., Хамраев М. Развитие орошения земель Советского Таджикистана. — Душанбе: Ирфон, 1985. — 192 С.
3. Тромбачев, С. П. Предварительные материалы к «Вопросу о развитии ирригационного строительства в Средней Азии». // Вестник ирригации. — № 12. — 1925. — с. 20.
4. Рязанцев, С. Н. Таджикская ССР. // В кн.: «Средняя Азия». — М., 1968. — с. 417.
5. Рыкунов, М. В. Ближайшие задачи ирригации Средней Азии/Вестник ирригации. — № 4. — 1925. — с. 5.
6. Шредер, В. В. Реки, используемые для орошения в Таджикской ССР. // Изд. отд. еств. наук АН Тадж. ССР. Вып. 1 (28). — Сталинабад, 1959. — с. 103–105.
7. Ходжибаев, А. Таджикистан. Краткий политико-экономический очерк Таджикской ССР. — М., 1929. — с. 31.
8. История таджикского народа, т. 111, кн. 1. — М., 1964. — с. 96.
9. ЦГА РТ. — Ф. 20. — Оп. 2. — Д. 978. — Л. 1.
10. ЦПИ КП РТ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 387. — Л. 71.

Обзор документов хранившихся под грифом «секретно» в научных публикациях 1989–1995 годов на тему «История Второй мировой войны»

Бабаджанов Хасан Бахтиёрович, ассистент
Ташкентский университет информационных технологий (Узбекистан)

Babadjanov Kh. B
The Tashkent University of Information Technology, Tashkent, Uzbekistan

Вторая Мировая война стало невиданно чудовищной и огромной по масштабам трагедией и жесточайшим испытанием для человечества. Эта война для Узбекистана, как и для многих других народов мира, стала временем мужества и скорби, невосполнимых человеческих потерь и тяжелого ущерба в экономике.

В Второй Мировой войне, которая длилась шесть лет (1939–1945), участвовало 61 государство и четыре пятых населения земли. Численность непосредственно участвовавших в войне составила 110 млн. человек, погибло свыше 50 млн. человек [1].

В годы советской власти правящая коммунистическая партия использовала историю, особенно историю Второй Мировой войны (официально в годы советской власти «Великая Отечественная война») в своих идеологических целях, превратив её в оружие партийной пропаганды. Поэтому в советское время изучение истории Второй Мировой войны происходило в большинстве случаев однобоко. Это привело к искажению исторических свидетельств и событий, к представлению выводов соответствовавших требованиям коммунистической идеологии. Опубликованные по данной теме научные, научно-популярные работы по своему концептуальному состоянию, поставленным задачам и методическому характеру разрабатывались на основе утверждённых сверху шаблонов.

К середине 80-х гг. XX в. в СССР усилился экономический кризис, охватив все аспекты общественной жизни. Именно в этих условиях застоя в середине 80-х гг. в советском обществе началась «перестройка». В результате этого пошатнулась позиция КПСС в жизни общества, а её руководящей роли был нанесён разрушительный удар. В изменившихся условиях появилась возможность частично получить доступ к изучению тем, прежде находившихся под запретом. В различных научных журналах появились публикации, в которых обсуждались вопросы, затрагивающие так называемые «белые пятна» в истории Второй Мировой войны.

В 1989–1995 гг. произошли ряд изменений и в исторической науке. Однако в эти годы в условиях продолжающегося единовластия коммунистической идеологии всё ещё не имелось возможности полностью осветить закрытые темы. В эти годы значимость работ по историографии Второй Мировой войны определяется не новыми исследованиями, а публикацией множества секретных до-

кументов, которые могли бы стать для них источниковой основой.

На протяжении этих лет были открыты многие фонды различных центральных архивов, материалы которых обозначенные грифом «секретно» вышли в научный свет в таких журналах, как «Военно-исторический журнал», «Исторический архив», «Новая и новейшая история», «Советские архивы», «Военно-исторические архивы России». Важные исторические источники, введённые в научный оборот расширили возможности для объективного изучения истории Второй Мировой войны.

В этих журналах были опубликованы документы из ЦХИДК (Центр хранения историко-документальных коллекций), ЦАМО (Центральный архив министерства обороны РФ), АВП РФ (Архив внешней политики РФ), ГА РФ (Государственный архив РФ), РГВА (Российский государственный военный архив), АП РФ (Архив президента РФ), РГАЭ (Российский государственный архив экономики), РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории) и других архивов Российской Федерации.

Подготовка фашисткой Германии к войне в Европе началась задолго до Второй Мировой войны. 23 августа 1939 г. в Москве был заключен советско — германский договор о ненападении.

У данного договора имелись секретные пункты, обнародованные лишь в начале 90-х гг. прошлого века [2]. Засекреченные пункты касались раздела Польши между двумя государствами. Также в соответствии с секретными пунктами договора Советскому Союзу мог присоединить к себе прибалтийские государства — Литву, Латвию и Эстонию, включая ещё и Бессарабию. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом имел решающее значение в начале советско-германской войны.

Вторая Мировая война началась 1 сентября 1939 г., с вторжением войск фашисткой Германии в Польшу. В период с 1 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. Германия и её союзники захватили почти все государства Европы за исключением Великобритании. Вероломное вторжение фашистских войск оказалось полной неожиданностью для советского правительства. Ошибка советского политического руководства привела к неподготовленности советской армии, повлекшей за собой несоразмерные бессмысленные потери.

Рассекреченные архивные документы свидетельствуют о том, что Сталин и другие советские руководители высшего ранга были осведомлены о готовящемся вторжении, но не предприняли мер для подготовки к войне [3]. Кроме того, начиная с декабря 1940 г. в Германии началась разработка плана «Барбаросса», в котором планировалось нападение на Советский Союз. К плану «Барбаросса» прилагался большой пакет приложений, в котором содержались планы завоевания СССР и действий на оккупированных территориях [4].

Стремительное наступление войск Вермахта оказалось сокрушительным для армии и мирного населения, а также для экономики страны. В СССР не были разработаны директивы об отражении удара вражеской армии. В первые месяцы войны из 4.5 млн. воинов западных частей Советской армии погибло 2.5 млн. человек, от 15 тыс. танков уцелело всего 700. С 22 июня 1941 г до декабря того же года силами Вермахта было оккупировано 1543 тыс. квадрат километров, т.е. 7% территории Советского Союза [5]. С началом военных действий промышленные предприятия из западных частей СССР, в сжатые сроки были эвакуированы на Восток, в том числе и в Узбекистан, где наряду с местными предприятиями начали выпускать продукцию

для обороны страны. В научный оборот введено несколько документов, в которых нашли отражение боевые действия первого периода войны и трудности возникшие при переводе экономики на военные рельсы, а также сведения об истинных масштабах понесенных потерь [6].

Публикация секретных документов в вышеуказанных журналах значительно расширила масштабы и содержание исторических источников по изучаемой теме. Кризис тоталитарного советского государства, образование суверенных государств и демократического развития создали огромные возможности для исследований учёных-историков. Введённый в научный оборот внушительное число архивных документов обогатило базу источников для исследований Второй Мировой войны.

Ранее недоступные исторические документы и источники позволяют исследователям покончить с необъективностью и восполнить пробелы в освещении истории этой войны.

В качестве основного научного направления на передний план поставлены критерии историзма и объективности, на основе которых появилась возможность дать объективную оценку историческим свидетельствам, событиям и всему историческому процессу в целом.

Литература:

1. Вторая Мировая война. Краткая история. — Москва: «Наука». 1985, с. 5.
2. Секретные дополнительные протоколы к Договору о ненападении между Германией и СССР // 1939. АП РФ. Военно-исторические архивы России. 1993. № 1. с. 114—122; Советско-германские документы 1939—1941 гг. // 1939—1941. АП РФ. Новая и новейшая история. 1993. № 1. с. 83—95.
3. Готовил ли СССР превентивный удар? (Акт о приеме Народного комиссариата обороны СССР С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова) // 1940. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1992. № 1. с. 7—29.; Восточный пакт и планы Германии // 1940—1941. ЦХИДК. Военно-исторический журнал. 1991. № 4. с. 5—7.; Фашистская агрессия (сообщения дипломатов и военных разведчиков) // 1941. АВП РФ. Военно-исторический журнал. 1991. № 6. с. 24—27.; Военные разведчики докладывали... (из документов ГРУ РККА) // 1941. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1992. № 2. с. 36—41; № 3. с. 40—42.
4. Документы вермахта (инструкция спецштабу «Ф») // 1941. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1987. № 12. с. 55—56.; Документы вермахта (документы командования войсками группы армии «Центр») // 1941. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1989. № 9. с. 19—21.; Двенадцать заповедей поведения немцев на востоке и их обращение с русскими // 1941. ГА РФ. Военно-исторический журнал. 1991. № 8. с. 10—13.; Стратегические просчеты Верховного (документы по подготовке Германии войны против СССР) // 1941. РГВА. Исторический архив. 1995. № 2. с. 4—22.; Теперь главный враг — Россия (документы о кануне вторжения Германии в пределы СССР) // 1941. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1995. № 3. с. 66—70.; Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью А. М. Василевского) // 1941. АП РФ. Новая и новейшая история. 1992. № 6 с. 3—11.
5. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Статистический сборник. — М.: Информационно-издательский центр Госкомстата СССР, 1990. — с. 20.
6. Меморандум МИД Германии Правительству СССР // 1941 АВП РФ Военно-исторический журнал. 1991. № 6. с. 32—40.; Первые дни войны в документах (донесения Управления политической пропаганды Северо-западного фронта) // 1941. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1989. № 4. с. 42—58.; Жаркое лето сорок первого года (документы ГКО и Ставки периода Смоленского сражения) // 1941. АП РФ. Исторический архив. 1993. № 1. с. 45—67.; НКВД о подготовке железнодорожного транспорта // 1941. РГАЭ. Исторический архив 1995. № 2. с. 103—107.; Начальный период Великой Отечественной войны: развитие промышленной базы на востоке страны // 1941. РГАЭ. Советские архивы. 1991. № 5. с. 43—49.; Первые месяцы войны: эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б)) // 1941. РГАСПИ. Отечественные архивы. 1995. № 2. с. 28—37.; Бездействовал ли Сталин в первые дни войны? ... (из тетрадей записи лиц, принятых И. В. Сталиным) //

1941. АП РФ. Военно-исторический журнал. 1994. №6. с. 27–30.; Они не сдались ... (учетные карточки советских военнопленных) // 1941–1945. ЦАМО. Военно-исторический журнал. 1989. №12. с. 81–84.; Советские военнопленные: бухгалтерия по фашистски // 1941–1945. ГА РФ. Военно-исторический журнал. 1991. №9. с. 31–44.; В совете по эвакуации (неопубликованные рукописи А. И. Микояна) // 1942–1945. РГАСПИ. Военно-исторический журнал. 1989. №3. с. 31–38.

Социальный состав населения малых городов Поволжья в 1920-е годы

Войнаровская Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет, Сызранский филиал

Трифорова Кристина Викторовна, учащийся
СОШ №19 (г. Сызрань, Самарская обл.)

Восстановление городской жизни в период новой экономической политики происходило под знаком возрождения дореволюционной социальной структуры и модернизации образа жизни горожан. Всесоюзная перепись 1926 г. определила состав населения и основные занятия людей [1]. Некоторые города Поволжского региона, такие как Балаково, Мелекес, Сызрань, Троцк были сосредоточением рабочего класса. В его внутренней структуре выделялись рабочие государственной и частной промышленности [2]. Частная промышленность представлена в этих городах мелкими маслобойнями, пивоваренными, кожевенными, стекольными заводами и мельницами.

В небольших поселениях, имевших статус города в Среднем Поволжье — Аткарске, Ртищево, Буинске пролетарские слои не играли определяющей роли в социальном облике. Фабрично-заводская промышленность здесь развивалась очень слабо, мелкие же промыслы имели лишь второстепенное значение. Основным занятием для горожан являлось земледелие.

В малых городах Ульяновской области выращивали в основном картофель. В Пензенской области осуществлялось производство зерновых, крупяных, бобовых и фуражных культур. Такие города как Инсар, Краснослободск, Мокшан, Наровчат специализировались на производстве цельного молока, овощей, фруктов и ягод [3]. Скотоводство находилось в тесной связи с земледелием. Пережив большое сокращение за годы войны и голода, оно быстро восстанавливалось. В Николаевске, Кузнецке, Сызрани, Елабуге скотоводство догнало и даже превысило довоенный уровень [4].

Другим занятием горожан Среднего Поволжья в 1920-е годы было садоводство. За 1923–1925 гг. обработка почвы в садах, уход за деревьями, борьба с вредителями значительно улучшились. По сравнению с довоенным временем огородничество стало на уровень ниже. Причина — отсутствие чистосортных и доброкачественных семян. Пчеловодство имело распространение более всего в Самарской Луке, где наблюдался недостаток в липовых лесах, появлялась возможность заниматься пчеловодством с промышленной целью [5].

Малые города Поволжья издавна отличались своей торговой деятельностью. Например, в 1925 г. в г. Сызрани было 1169 торговых предприятий [6]. В 1926 г. в Кузнецке находилось 95 торговых палаток. Развита были базары и ярмарки: в Балашове «торги устраивались раз в неделю», в Сызрани — три раза в неделю. В Мелекесе регулярно проводились ежегодные выставки-продажи, традицией были многолюдные еженедельные базары [7]. На ярмарках торговали всевозможными товарами фабричного и кустарного производства, а также продуктами сельского хозяйства.

Ярмарки являлись не только торговыми, но и своеобразными культурно-просветительными и общественными центрами того или иного Поволжского города. Здесь всегда были народные гуляния. Там всегда стоял несмолкаемый шум, что придавало неповторимое своеобразие празднику. Принимали участие акробаты, танцовщицы, песенники и певицы, одетые в русские национальные костюмы.

В некоторых отраслях производства в процентном отношении кустарная промышленность до середины 1920-х гг. играла преобладающую роль, являясь монопольным поставщиком товаров на потребительский рынок. Например, ей производилось 97 % продукции швейного производства, 94 — обувного, 83 — деревоотделочного. По данным Татарского совета в 1924–1925 гг. объем производства трестированной промышленности составлял 18,5 млн. рублей, а кустарно-ремесленной — 8 млн. Причем, только за два года последняя цифра увеличилась более чем в 2,5 раза.

Развитие ремесел в городах обуславливало многообразие занятий кустарей и ремесленников. Среди «хозяев-одиночек», связанных с кустарными промыслами, самыми распространенными в Елабуге, Вольске, Троцке были профессии сапожников, портных, ювелиров, часовщиков, парикмахеров [8]. В эту категорию входили и мелкие торговцы, занимавшиеся единолично торговлей, производимой с рук, из корзин, мешков, ведер. В Мелекесе в 1926 г. была развита кустарная промышленность, представленная различными отраслями — кузнечным,

деревообделочным, корзиночным и др. [9]. В Сызрани различали три вида кооперации: потребительскую, сельскохозяйственную и кустарно-промысловую. Наиболее развитой была потребительская кооперация. Например, на 1 января 1926 года в городе имелось 65 кооперативов и 158 торговых лавок [10].

Формируется социалистический сектор торговли: в малых городах появляются государственные торговые предприятия. В Сызрани продажа населению товаров велась главным образом через потребительское общество и непосредственно из розничного магазина. В основном торговля осуществлялась мануфактурой, солью, оконным стеклом, мылом, спичками, посудой, кожевенными изделиями [11]. В Татарии потребкооперация начала развиваться сравнительно поздно. Но Елабужский кантон на фоне других выглядел достаточно выигрышно. Так уже в 1923 г. в нем действовало 20 потребительских обществ, причем только 7 из них были отнесены к работающим хорошо.

В городах Поволжья (Аткарск, Елабуга, Мелекес, Сызрань, Балаково) существовал нэпманский слой, который состоял главным образом из хозяев ремесленных заведений с наемной рабочей силой, крупных торговцев, владельцев лавок, ресторанов, чайных [12]. Фактически вся мелкая торговля в будках, палатках сосредотачивалась в руках частного торговца, обеспечивающего значительную часть потребностей городского населения в бакалее, галантерее, скобяной, кожевенной, мясной, табачной, хлебной продукции.

В состав городского населения 1921–1936 гг. была включена и довольно своеобразная категория: иждивенцы государственных и общественных учреждений, куда относились студенты, получавшие стипендии, лица, живущие на пособия, беспризорные, находящиеся в детских домах [13]. Например, медленно развивавшаяся промышленность в г. Сызрани «не предъявляла зна-

чительного спроса на рабочие руки» [14], поэтому появлялось немало безработных. В газете «Красный Октябрь» в 1923 году отмечалось: «Безработица в городе растет и принимает угрожающие размеры. Безработные считаются тысячами...» [15]. Этот фактор ошутимо сказывался на материальном положении народных масс. Но при всех сложностях многие безработные получали пособие от профсоюзов. Создавались различные артели — пекарей, колбасников, рабочих по очистке города и т. д.

Среди нетрудящихся было много нищих и бродяг [16]. В основном это были люди, осуществлявшие в начале 1930-х годов миграцию из села в город. Втянутые в городскую жизнь эпохой первых пятилеток и форсированной индустриализации, они оказались наименее ценными кадрами для производства и, не имея средств к существованию, пополняли ряды бродяг, нищих, проституток и безработных. Много безработных было и среди «бывших» социальных слоев населения — детей дворян, нэпманов, торговцев.

Несмотря на преобразования в структуре городского населения в 1930-е гг. малый провинциальный город еще не успел до конца отделиться от деревни и во многом сохранял в себе ее уклад. Это проявлялось в социально-бытовых условиях, ментальности, образе жизни людей. Занятия горожан и сельских жителей имели плотное соприкосновение, традиционные культурные обычаи, духовные связи, схожие интересы и устремления.

Таким образом, с приходом новой власти изменился социальный состав населения малых городов Поволжья. С развитием «государственного капитализма» в СССР появились слои торгового населения («нэпманы»), кустари. Однако в народном хозяйстве страны сохранилось устойчивое преобладание сельскохозяйственных отраслей производства.

Литература:

1. Баскин, Г. И. Всесоюзная перепись населения [Текст]/Г. И. Баскин. — Самара: Самполиграфпром, 1926. — с. 4.
2. Классификация занятий для разработки переписи населения 1926 г. [Текст] — Курск: Полиграфобъединение, 1927. — с. 27.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 9, 30.
4. Средняя Волга за 15 лет в цифрах 1917–1932 [Текст]. — Самара, 1932.
5. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 14. Л. 19.
6. Государственный архив г. Сызрани. Ф. 72. Оп. 1. Д. 28. Л. 36.
7. ГАРФ., Ф. 374. Оп. 23. Д. 18. Л. 18.
8. ГАРФ., Ф. 374. Оп. 15. Д. 58. Л. 28, 35.
9. ГАРФ., Ф. 374. Оп. 23. Д. 18. Л. 18.
10. ГА, г. Сызрани. Ф. 595. Оп. 2. Д. 2. Л. 9.
11. ГАРФ., Ф. 482. Оп. 14. Д. 138. Л. 29.
12. Воробьев, Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. [Текст]: изд-е 2-е. — М.: Госстатиздат, 1957. — с. 54.
13. Варешин, А. М. Город Сызрань [Текст]/А. М. Варешин, Б. П. Дедков, А. С. Пономарев. — Куйбышев, 1964.
14. Красный Октябрь. — 1923. — 18 февраля.
15. Сызрань [Текст]: годы и люди/сост. В. Морозенко, О. Портнягин. — Куйбышев, 1983.

16. Гатауллина, И.А. Нэповская повседневность Поволжья [Текст]: социально-психологический анализ «массовой маргинальности» в контексте модернизационной перспективы/И.А. Гатауллина // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М., 2006. — с. 43.

Sogd and China: priority trade ties

Гойибов Бобир Собирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник-исследователь Самаркандский государственный университет (Узбекистан)

Ph. D. in History B.S. Goyibov

There are many historical facts, indicating of sogdian cities as well as sogdian people, ensuring the realization of economic and cultural functions of the international route. There were known craftsmen's quarters and villages, specializing in the production of export goods (Bukhara, Samarkand, Khujand, Nahshab, Zandana, Iskidzhkat and Nahshab, Pendjikent and other craftsmen). Sogdian merchants acted not only within their own state, but also far beyond its borders. Sogdians (it is striking that the terms *Sughd* and *Sogd* mean an ethnic name in the literature in Uzbek language and are used as the name of a specific location or the governing. In some cases, this situation may cause certain confusion when it comes to people or locality. Therefore, we believe that it is possible for the name of the ethnic group to use the term Sogdians, and as a historical and geographical location to use the term Sughd) penetrated deep into Central Asia, and their colonization went along trade routes. The Sogdian estates appeared in the oases of the Tarim, around Lobnor, in Gansu. The Sogdian settlements emerged in Mongolia and Ordos. There was developed territorial federation of Sogdian cities, which were well-fortified, had their own military units and wide trade as well as diplomatic ties. In Central Asia, the role of Sogdian language and the Sogdian writing primarily determined by their use in international trade and by their cultural significance. The Sogdian merchants actually kept a significant part of the international caravan trade in check. Simultaneously, the Sogdians became the bearers of new achievements, contributed to the spread of information, the integration of cultural ties. Objective and comprehensive study of the contribution of the Sogdians in international exchange, defining the place and role of Sogd in the creating conditions for the functioning of the Great Silk Road will enrich national history. The interest in the studying the trade routes linking the East and the West, the contribution of the Sogdians and other people of the Great Silk Road even emerged in antiquity. Greco-Roman scientists began to collect data on distant countries and ways to them, when the silk and other exotic goods reached the Mediterranean. At the same time the first works on trade routes and their directions began to appear. The information about the cultural and commercial exchange between Central Asia and China were given in the Chinese chronicles since Ist century B. C.

till VII–VIII centuries. The interest in international did not weaken even in the Middle Ages. Many connoisseurs of geography, especially those of the Arab Caliphate described caravan routes, towns and trading points along the international traces.

From this point of view the ties of Sogd assumed a crucial significance in the early Middle Ages.

Many countries are striving to explore the background of economic history and its participation in the world culture. The development of a wide complex of scientific investigations in the field of economy, history and socio-economic ties of the ancient Sogd with the countries of Europe, Russia, the Far East, Primorye and China, as well as a cultural integration, an interexchange of the achievements in science and technology and the interpenetration of worships and other intellectual skills seems topical. From the late antique period, the monuments of arts and the architecture of Sogd are found in the widespread territory from Rome to China. It has been already scientifically identified the characteristics of the main traces of trade routes with varying level of details, which were presented in the chronicles of history and geography and the box planes of Chinese and Arab- Persian writings. But in the meantime, socio-functional traces' study, the ways of their origin and the mechanism of economic and cultural impacts had been insufficiently investigated [9, c. 5–15].

As it is evident from the materials of the latest investigations, both in the ancient period and the early Middle Ages, China was considered as priority destination of the trade and the exchange of Sogd. Many investigators are inclined to believe that the merchants of Sogd began to develop markets in China in IV–III centuries. B. C. already, soon after the conquest of Sogd by Greek-Macedonian army led by Alexander the Great. Therefore, one can assume that the Sogdian colonization of Central Asia began long before Zhang Tsan's travel to Westfall (the years from 138 to 126 B. C.) [4, c. 120]. Owing to historical conditions the Great Silk Road had become a tool of economic and industrial integration of the cities. For example, the Sogdian merchants mainly exported from the country silk, hemp, silver, gold, ammonium chloride, mercury, medicinal herbs, brass, emerald and red glass, some types of cotton fabrics and others [6, c. 7].

However, V.A. Livshits believes that there is no direct written evidence in favor of trade relations between the Chinese and the Sogdians [10, c. 8].

It has been already noted that the Sogdians already settled trade and agricultural colonies down the Silk Road in the III. century B. C., in particular, in the Seven Rivers, Jungariy, the East Turkestan, and the cities of Chang'an, Dunhuang, Turpan, Khotan and other cities of the East Turkestan [11, c. 8–10].

Japanese orientalist, Yutaka Yoshida, found the legal document drawn up in Sogdian in Urumqi, China. This document was drawn up in Chinanchkande or Chang'an — the eastern capital of the empire of China which was solely inhabited by the Sogdian traders. There was a question of the purchase of a slave in this document, and the buyer was the Chinese. But the document was drawn up in the Sogdian language. This fact indicates that in the V–VI centuries the Turks and the Chinese themselves had a good command of the Sogdian language. The exact date of the document could not be fixed. It dated approximately on the early Vth century A. D. [15, p. 95–126].

The Sogdian colonies appeared already in the III–IV centuries along the trade routes in the oases of the Tarim, around Lake Lobnor, as well as in Gansu. According to the researcher, K. Baypakov, in V–VII centuries Sogdian intensive colonization of the river of Talas' valleys, Chu and Ili in the Republic of Kyrgyzstan led to the creation of more than 300 towns there, populated solely by the Sogdian merchants. The Sogdian merchants actually kept a significant part of the international caravan trade in check [13, 66–70].

Simultaneously, the Sogdians became the bearers of new achievements, contributed to the spread of trade skills and urban life among ethnic Tatars and Turks.

Famous Chinese pilgrim visited Hiuen Tsang in the year of 630 several Sogdian towns in the Suyab valley. Here is what he wrote in his diary: «Coming over 500 li in the north-west of the limpid lake (Issyk-Kul), arrived in the town of Sui-e, i. e., modern Suyab. This city is in a circle 6–7 li. The traders from different countries mixed with hu (the Sogdians) live here... People dress in woven and woolen clothes. There are situated dozens of isolated cities, and each of them has its own foreman in the western part of the Sui-e» [8, c. 19].

The Sogdian merchants from China mainly exported silk and silk products. Chinese silk penetrated into Bactria and Sogd much earlier than it had been anticipated before. According to Chinese chronicles «Tsyhanypu», written by the historian, Ban Gu, in the years from 58 to 82 A. D. the residents of Kabulistan and Kandahar, experienced in tissue-woolen fabric, were skilled in the embroidery of silk [4, c. 179].

Silk trade developed with the utmost speed. Silk had become an important exported good of China to Byzantium. Later, this initiative passed to the Sogdian merchants. The silk trade from Sogd to Byzantium mainly functioned in VII–VIII centuries. On the way to Byzantium the silk fabrics partially settled in Khujand, Bukhara, Samarkand, Chach, Kashgar, Kucha, Turfan, Dunhuang and other cities of East

Turkestan, and also gold bullion, of which local jewelers manufactured ornaments [11, c. 24–26].

The other Sogdian city in East Turkestan was Turfan. The residents of this city lived so replete of food that supplied with grain and tissues not only the population of the Tang Empire, but the nomads of Eastern Turkestan. According to Chinese chronicles «Tan shu» there were two markets in Turfan: one at the western gate of the city, the other — on the eastern one [12, c. 165]. The woolen fabrics as well as various crafts and agriculture products occupied an important place in the trade with the steppe. In return it was received horses and raw materials, especially wool, leather, skins for handicraft production from Turks.

Many stock-breeders and farmers who lived close by the Great Silk Road, had being involved in this natural intercontinental trade exchange. There were participated not only the cities, but also large settlements of Sogdian confederation in this trade exchange.

For example, from Bokharan Sogd, from the village Zandana, cotton fabrics exported to the distant countries — China, Iran, Syria, India, as well as in Rome. The trade with China was especially brisk one in V–VII centuries.

The information on the excavations of the ancient Paykent gives the direct indication that paykent people conducted the trade with China. The key role in this trade with China was assigned to Samarkand, the eastern gate of which is called — «Dari Chin», i. e. Chinese Gate. The arrival of the caravan of sogdian merchants, who were curiously scrutinized by the Japanese pilgrims, was stated in one of the Chinese chronicles. [14, c. 25]

Many Iranians, Sogdians and Tokharistan, who mainly engaged in trade, lived in the western capital of China, in Chan'an city, and also in Lyandzhou. There were lived a lot of Buddhists, making their way to China through Central Asia, including the Zoroastrians and the Nestorians, some of which had been already professed the Zoroastrian religion in the V century in the same Chan'an city. The Zoroastrian temples since long existed in Chan'an, as reported by Chinese sources, and in 631 in the same Chan'an new renovated the Zoroastrian temple was newly renovated. It has already been mentioned, that many Sogdian merchants lived in Luoyang. The Zoroastrian temple also acted in this city. Here, according to E. Sheffer, there were three «sacred fire», i. e. the Zoroastrian temples.

The Sogdians, the Iranians, the Uighurs, the Turks and other ethnic groups in Central Asia were interested in Chinese market, apart from the Chinese themselves. According to the investigations of the same E. Sheffer, in Luoyang — «Divine capital» of Empress Wu, for foreigners, who drove here commercial matters there were standing temples. The Sogdian population prevailed in the western capital of China — the city of Chan'an. Tang Government of China had even in this city sartavakov's office (literally «cameleers»), which served only the Sogdian merchants. E. Schaefer believed that this term was derived from the Sanskrit term «sarthvak» and mean «a trader, a cameleer» [14, c. 36–39].

In turn, the Turks joined the silk trade in VI century. They did not produce silk. They received it in return for the supply of the herds of horses to China. Since the Turks themselves did not possess the art of trade, the main mediators in their silk trade with Byzantium became the same Sogdians. Silk trade brought the huge revenues. Turks got the opportunity to sell through the Sogdian merchants spoils and contribution paid by China. This issue was well expressed by L. N. Gumilev [7, c. 18–19].

The main subject of trade with China was Sogdian silk. There were mostly exported raw silk and silk products from China, as well as porcelain and writing paper. In the IV–V centuries the Sogd confederation started producing its silk and silk fabrics. There were depicted in wall paintings of Balalyktepa, that in southern Uzbekistan, richly decorated clothing of silk fabrics for noble characters. In weaving workshops of the cities of Central Asia artistic fabrics was made of wool and cotton. However, since the II–III centuries A. D., the remains of silk fabrics on a number of monuments of Central Asia, along with coloured the woolen fabrics for trousers, and soft shoes, coats, cloaks and small hats, were discovered. Later, in the V–VI centuries, there was established own cocoon production in Sogd. They had ceased to be the monopoly of China. At the relevant time, the silkworms were grown in Fergana, Sogd, Khorasan and even in the cities of Byzantium. In the area of Tokharistan there were found the remains of wool, silk fragments: three fragments of Bittepa, one of the old Termez, and also one of the aforementioned settlement Balalyktepa [1, c. 20–53]. Another example is: the expensive silk clothes were worn by the characters of the wall painting of the Buddhist temple at Kalai Kafarnigan that close to the city of Vahdat. There was depicted the initial stage of silkworm breeding in Sogd on Afrasiab paintings, which dated from the first half of the VI century [2].

The fragments of silk fabrics discovered during the excavations of Mug settlement. For example, Samarkand agreement of 712 year obliged the Sogdians annually to export Arabs, on account of dzhiziyi and slaves, silk of harir sort, one of which was estimated in 80 drachmas [5, c. 3–9].

According to Chinese sources of information, it is obvious that the silk fabrics produced in Huttalyane in the VII–VIII centuries. It even rivaled with China. In 687, the Embassy of the Tang Court presented Tokharistan «golden robe» [3, c. 93]. The cotton also came to China only in the III century.

From the cities of Sogd confederation and the regions of Central Asia to China there were exported products made of gold, pearls, precious semiprecious stones, including carnelian, Badakhshan lapis lazuli, rock crystal, jade from Khotan and other goods from the cities of Sogd confederation and the regions of Central Asia. In spite of the remoteness of China, in that country from Sogd, mainly from Samarkand, the famous Samarkand and Khorezm melon peaches, arranged in special boxes lined with ice, were delivered. In the year 744 in China gems and horses were sent by the rulers of Samarkand, Kesh, Maymurga, Kattakurgan and Tokharistan [14, c. 296].

According to E. Schaefer, in different years of the VII–VIII centuries carnelian utensils, in particular vase and Carnelian bed were sent to China from Samarkand and Tokharistan. Another example: in the 741, the mission of Tokharistan delivered in the Chinese city of Chang'an colored glass, raw carnelian and other items. It is also reported that the pieces of precious jade were raised from the bottom of the two rivers merged near Khotan. The residents of Khotan believed that the Khotan jade is the moonlight turned to crystal [14, c. 296]. E. Schaefer called Badakhshan as the birthplace of lapis lazuli. The lapis mainly were obtained in Kokcha River valley, which flows into the Amu Darya. Lapis is also was extracted in Chach. For example, when in 750, the Chinese general Kao Hsien-chih conquered Tashkent, along with gold he brought to China a lot of lapis [14, c. 305].

In the VII–VIII centuries the Sogdian trade was controlled by the administration of Tang, China, but the Sogdian merchants actually kept a significant part of the international caravan trade, in particular on the routes, marching through the Tarim Basin and the city of Dunhuang in check. The commercial operations, which conducted by the Sogdians, Samarkand were subsidized by successful Samarkand merchants — they provided loans, gave orders for commercial transactions [10, c. 9]. Unfortunately, in the VIII–IX centuries, especially after the battle near Talas in 751 between the Arabs and China, many prerequisites, which contributed to the prosperity of more than the millennial dialogue «East–West», had disappeared.

After the fall of the West-khanate the Sogdian colonies in the Seven Rivers gradually dwindled. It has been mentioned, the role of the Sogdians in the economic life of the Western Khanate was very significant — they control a significant part of the economic life of the state, including the currency issue. The Sogdian cities dwindled themselves. The part of the Sogdians returned to their historical homeland, and the remaining part of them gradually assimilated with the Arabs and other Turkic population.

As a conclusion we can say that the Sogdian took an active part in trade on the intercontinental Great Silk Road over thousand years. Through this way, handicraft products, a variety of trade goods and the culture of the Sogdians reached to China.

On the basis of the aforementioned views it is possible to make the following conclusions:

The trading activities of the Sogdian over the Central Asia prepared the political, socio-economic and ethno-cultural ground, and also triggered off the process of ethno-cultural rebirth of the single community on a huge area. Even the removal the Great Silk Road to Sogd and China brought together people and nationalities living in this area on the basis of economic partnership in the political and ethno-cultural aspects;

The Sogdian colonies made function of intermediary in the trade-economic, political and cultural ties between the people of China and Sogd. These trade settlements developed into the cities, and there was occurred the synthesis of settled and nomadic culture. The Sogdian language and

script in this period reached its peak and served to bring together the customs and traditions of the parties.

In the Great Silk Road the settled and nomadic cultures found the community and mutually enriched. Political sta-

bility, economic development and cultural revival, often connects to the stability of this road, and also this foundation was the incentive for the development of the relations between China and Sogd.

References:

1. Альбаум Л. И. Балалык-тепе. — Ташкент: Изд. АН Уз ССР, 1960.
2. Аржанцева И. А. Новые хозяева Азии // Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. П. Тольстова. — Нукус, 2007.
3. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л.: Наука, 1973.
4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л., 1950.
5. Васильев А. И. Согдийский замок на горе Муг // Согдийский сборник. — Л., 1934.
6. Города и караван-сарай на трассах Великого шёлкового пути. — Ургенч: 1991.
7. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967.
8. Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН Казахской ССР. — Алма-Ата, 1960. — Вып. 3 (14).
9. Мавлонов Ў. Марказий Осиёнинг қадимги йўллари. — Тошкент: Akademiya, 2008.
10. Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийцы в Центральной Азии // Формирование и развитие трасс Великого шёлкового пути в Центральной Азии. — Ташкент: 1990.
11. Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-сугд муносабатлари. — Ташкент: ART-FLEX, 2010.
12. Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. — М.: Наука, 1970.
13. Хўжаев А. Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар. — Тошкент: ЎзМЭ, 2007.
14. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. — М.: 1981.
15. Yoshida Y. On the Taxation System of the Pre-Islamic Khotan // Acta Asiatica. Bulletin of the Institute of Eastern Culture. Japanese Studies in the History of Pre-Islamic Central Asia. — Tokyo, 2008.

История развития государственной молодёжной политики до 1991 года

Царихин Виктор Алексеевич, аспирант

Московский государственный областной университет

В статье рассмотрены основные этапы развития государственной молодёжной политики в России. Показана специфика подготовки соответствующих законопроектов в советский период.

Ключевые слова: молодёжная политика, государство, право, закон, законопроект.

The article describes the main stages of development of the state youth policy in Russia. The specificity of the preparation of appropriate legislation in the Soviet period.

Keywords: youth policy, state, law, draft law.

Понять любое социальное явление и дать ему определение можно лишь при условии, если подойти к нему исторически, т.е. взять его в развитии, начиная с того момента, когда оно только возникло, проходя затем различные стадии становления и развития, вплоть до перехода в иное качество — распад, деградацию, гибель. Этот общий тезис справедлив и применительно к молодёжной политике. Будучи фактором общественного развития, молодёжная политика, несомненно, развивалась и сама по себе, претерпевая исторические трансформации во времени, достигая все новых качественных перемен и состояний. Необходимо рассмотреть становление и формирование государственной молодёжной

политики, а для этого мы обратимся к отечественному опыту.

В советский период становления молодёжной политики победили две позиции, без осознания которых невозможно писать научную историю государственной молодёжной политики. Одна связана с особенностями положения государства в политической системе, другая — с пониманием роли молодёжи в советском обществе. Первая позиция соответствует главной особенности советской политической системы: её ядром было не государство, а партия, притом единственная политическая партия. С точки зрения молодёжной политики это означало, что её линия определялась партией, её директи-

вами, её лидерами. Не случайно на протяжении многих лет основным программным документом молодёжной политики оставалась речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ (1920), она изучалась многими руководителями страны, организаторами работы с молодёжью, рядовыми комсомольцами как документ вне времени и пространства, как прямое указание что и почему надо делать [1 с. 9]. То есть на тот момент не существовало ни термина «государственная молодёжная политика» ни, тем более её правового обеспечения. О государственной молодёжной политике говорили лишь в связи с зарубежным опытом и обычно в критическом или скептическом тоне. Первыми двумя законопроектами, которые должны были закрепить основные нормы молодёжной политики должны были стать проекты закона о молодёжи 1967 г. и 1977 г. Эти проекты не удовлетворяют современным нормам создания законотворческих инициатив, подготовки законопроектов, однако для своего времени, когда в условиях диктата одной партии вырождается сам язык права, заменённый на язык партийных постановлений, для времени, когда регулирующая роль права отводилась на второй план его воспитательной функцией, когда партийная фразеология в области социальных отношений была и неоспоримой, и привычной, декларативность «законов о молодёжи» не казалась ошибкой. Неслучайно законопроект 1967 года остался невостребованным: его с успехом заменило известное постановление ЦК КПСС «О 50-летию ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодёжи» в 1968 году.

И, тем не менее, в законопроектах советской эпохи сохраняется основополагающая позиция, идущая от молодёжной политики КПСС — это позиция понимания роли молодёжи в советском обществе. Хотя в документах КПСС и комсомола декларировались цели развития личности молодого человека, всестороннего раскрытия творческого потенциала молодёжи, в действительности на всех этапах советской истории к молодёжи относились как к средству достижения целей, которые, по сути, находились вне её, — общенародных, общегосударственных, общественных [2 с. 112]. Следствием такого отношения к молодёжи стал закон «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР», разработка которого велась с 1987 года. Следует заметить, что и содержание закона, и организация работы над ним резко отличались от того, как это было в период работы над проектами 1967 и 1977 годов. Те два проекта инициировались ЦК ВЛКСМ и, в конце концов, остались в столах инструкторов ЦК КПСС. Принятие этих законопроектов грозило перераспределением функций управления обществом, закрепившихся в политической системе СССР, возник шанс, что вместо системы, основанной на руководящей роли КПСС, которая напрямую связана с народом, через управляемые институты государства и общественные организации, возникла бы система, где в отношении целого возрастного слоя общества действует принцип руководства правовой

нормой, а не указанием партии. Что привело бы к расширению функций государства и уменьшению функций партии, а вместе с ней и комсомола в таком сегменте деятельности, которая связана с обеспечением основных условий для становления молодых людей: образование, труд, жильё, здоровье и т. д.

Третий законопроект возник и готовился в совершенно другой политической, экономической, идеологической ситуации. Это годы перестройки, поначалу породившие в народе большие надежды. В сфере исследований проблем молодёжи перемены принесли не только обновление тематики, но и направленности научных проектов. Выдвижение идеи государственной молодёжной политики и закрепляющего её принципы и механизмы закона стало поворотным пунктом в этом процессе и предопределило на последующие два десятилетия магистральный путь российской науки о молодёжи. [1 с. 14]

Выдвижение идеи государственной молодёжной политики применительно к условиям нашей страны принадлежит И. М. Ильинскому, который 29 октября 1986 года выступил с программным докладом «Проблемы молодёжи и молодёжной политики в условиях перестройки», в докладе становится вопрос о необходимости выработки «новой и более сильной молодёжной политики государства» [3 с. 18–34]. Под «молодёжной политикой» в этом первом изложении её концептуальных основ применительно к новой проблемной ситуации, сложившейся в стране в период перестройки, И. М. Ильинский понимает, во-первых, систему идей и теоретических положений, относительно места и роли молодого поколения в обществе, во-вторых, практическую деятельность государства, общественных организаций, и других социальных институтов по реализации этих идей и положений в целях формирования и развития молодёжи, реализации её творческих потенциалов в интересах общества. Достаточно сравнить этот подход к трактовке молодёжной политики с формулой Закона СССР, принятого в 1991 году, как становится ясно, что концепция государственной молодёжной политики, теоретически обоснованная И. М. Ильинским, а затем развитая в последующих работах его и его коллег по НИЦ, получила признание в государстве и обществе. Но сегодня, когда слова «молодёжная политика» укрепились в практике государственной деятельности и стали правовым термином, не следует забывать, что до 1986 года они никогда не употреблялись применительно к условиям СССР. Впоследствии под руководством Ильинского, как директора НИЦ и велась разработка Закона СССР. По публикуемым вариантам законопроекта можно проследить, как шло развитие идеи государственной молодёжной политики. Но за формулировками правовых норм сложно разглядеть стратегический замысел этой работы, а он был в том, что бы восстановить взаимодействие поколений, в котором развились обширные кризисы, обозначился «разрыв поколений». Собственно, сознательная, целенаправленная молодёжная политика и есть способ

урегулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и, стало быть, развития общества. Эта формула отражает смысл молодёжной политики во все времена, во всех обществах. Такой взгляд на молодёжную политику и был реализован в законопроекте 1987–1991 годов.

Сразу после принятия Закона резко активизировалась работа над соответствующими проектами в союзных и автономных республиках СССР, правовой статус которых позволял принимать нормативно правовые акты в форме законов. Уже 12 ноября 1991 года был принят Башкирский Закон ССР «О государственной молодёжной поли-

тике в Башкирской ССР». До конца 1991 года появились десятки законопроектов регионального уровня.

С распадом СССР в декабре 1991 г., история Закона СССР «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР» как юридического акта завершилась: он не вошёл в состав нормативно правовых актов Российской Федерации. Но это был финал закона только по форме: его концепция, содержание, сформулированные правовые нормы продолжали оказывать решающее воздействие на весь процесс строительства правовых основ государственной молодёжной политики, по крайней мере, до конца 1990-х годов.

Литература:

1. Ильинский, И. М., Луков В. А. Закон о молодёжи Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России том 1. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2008.
2. Ильинский, И. М., Луков В. А. Закон о молодёжи Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России том 2. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2008.
3. Ильинский, И. М. Проблемы молодёжной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества // Молодёжь-86: сб. ст./НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКС. М., 1987.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Противостояние Персии и Османской Империи за контроль над Закавказскими территориями в XVI–XVIII веках

Имгрунт Елена Викторовна, студент

Алтайская государственная педагогическая академия (г. Барнаул)

В период XVI–XVIII века территория Закавказья стала объектом притязаний со стороны Персии и Османской Империи в экономическом, политическом и стратегическом планах.

Турецко-иранское противостояние неоднократно завершалось военными столкновениями. Основная причина конфликта была завуалирована под разными лозунгами. Первоначальным стал конфликт двух течений ислама: шиизма и суннизма и борьба за стратегические и торговые пути, шедшие через территории Закавказья.

Борьбу Персии и Османской Империи за территории Закавказья в XVI–XVIII вв. можно разделить на восемь этапов, которые велись с переменным успехом.

Война 1514–1555 годов началась после захвата персидским шахом Исмаилом I Курдистана, Армении, которые ранее входили в состав тюркского государства Ак-Коюнлу. Султан Селим I нанёс ответный удар, он истребил в 1513 году в Малой Азии 40 тысяч шиитов и выступил в поход против Ирана. 23 августа 1514 года турки разгромили кызылбашское войско шаха в Чалдыранской битве, а затем и в битве у Кохчисара в 1515 году и, отказавшись от заключения мира, предложенного Исмаилом, заняли столицу Сефевидов Тебриз. Итогом войны стало присоединение к владениям Османской Империи Западной Армении, Курдистана. В 1533 году падишах Сулейман Кануни, заключив мир с Австрией, вновь начал военные действия на востоке. В период с 1533–35 гг. турецкие войска трижды вторгались в Южный Азербайджан, заняли Тебриз. Таким образом, османы получили контроль над торговыми путями, соединяющими Средиземноморье с Персидским заливом. В результате похода в Закавказье в 1536 году Порты присоединила часть Юго-Западной Грузии. В свою очередь армия шаха Тахмаспа I в 1538 году завоевала Ширван, являвшийся центром земледелия, производства шёлка и хлопчатобумажных тканей и игравший важную роль в международной торговле (вывоз нефти, хлопка и др.). В 1548 году турки, совершив очередной рейд в Иран, вновь заняли Азербайджан и захватили Исфахан. В том же году они вторглись в Восточную Армению, в 1549 году — в Южную Грузию. В результате турецко-персидского конфликта с 1514 по 1549 г. за Закавказье Османская Империя присоеди-

нила часть Грузии и Армении. Иран получил Азербайджан с Тебризом и часть Грузии и Армении (3, с. 4).

Следующий конфликт возник с 1578 г. и продолжался до 1590 г. Османы захватили в 1578 году восточную часть Самцхе-Саатабаго и вторглись в Восточную Грузию и Восточную Армению, заняв Ширван, из которого они были позднее изгнаны. Но опустошительные походы турецко-татарских войск в Закавказье продолжались до 1589 года.

В 1590 году к Османскому государству были присоединены Азербайджан, Восточная Армения, Восточная Грузия, значительные часть Луристана и Курдистана, а также другие территории, входившие в состав Персии. Победы турок над персами в XVI столетии в первую очередь были обусловлены внутренними неурядицами и восстаниями в Иране, а также превосходство турок над персами в военном плане (1, с. 53).

Новый этап турецко-персидского противостояния приходится на начало XVII века. Персидский шах Аббас I, пришедший к власти в 1598 году, создал регулярную армию, что позволило ему взять реванш начать новую войну с Османской империей. В 1603–1604 годы персы разбили турок у Суфиана и разграбили Нахичевань, Тебриз, Джульфу, Ереван. В 1603–1607 годах они уничтожили турецкие гарнизоны в Азербайджане, вернули Восточную Армению, из которой были депортированы вглубь Ирана более 300 тысяч армян. Были захвачены также Луристан, Восточная Грузия и Южный Курдистан. Османская армия в 1609–1612 годах неоднократно вторгалась в Азербайджан, пытаясь взять Тебриз, но терпела неудачу.

В период с 1616 г по 1639 года военные действия шли с переменным успехом. В 1623–1624 годах шах Аббас занял Ахалцихе. Однако в конце 1625 года, в результате ослабления иранского господства в Грузии, подорванного народным восстанием, турки вернули себе Ахалцихе, что, в свою очередь явилось успехом для Османской Империи. Турки отторгли от Грузии Самцхе-Саатабаго, превратив его в турецкий пашалык. В 1630 году турки сделали главным полем военных действий Закавказье. Но военные действия явились безуспешными для Османской Империи, не принесли им новых завоеваний в итоге. Оценивая военную кампанию 1616–1639 гг., можно кон-

статировать, что она оказалась неудачной для турок (5, с. 231).

Следующее столкновение произошло в 1723 году. Султан Ахмед III весной 1723 года развернул широкое наступление на востоке. Турецкие войска вторглись в Восточную Грузию, Восточную Армению, Азербайджан, Западный Иран. Не удовлетворившись захватом огромной территории, Османская Империя отправила свои армии в Восточный Иран. Эта война принесла султану большой успех, он стал халифом. Персидский шах потерял свою независимость, став османским вассалом. В стратегическом отношении победа была очень важна для Османской империи, так как с этого момента султан имел огромную власть на большой мусульманской территории, тем самым подтверждая превосходство суннизма над шиизмом.

Внутренняя обстановка в Иране 30-х гг. XVIII века позволила полководцу Надиру выступить против турок, разбить и изгнать турецкие войска из Хорасана, Керманшаха и Южного Азербайджана. Низложив Тахмаспа, Надир развернул боевые действия в Закавказье — в 1734–1735 его войска завоевали Северный Азербайджан, Восточную

Армению, Восточную Грузию, что позволило Ирану вернуть все территории, ранее захваченные Турцией. Однако юридически присоединить эти территории не удалось, так как подписанный договор не вступил в силу. Поэтому в этот период был сохранен «статус кво» между Ираном и Османской Империей в Закавказье (4, с. 23).

В 1743 году Надир начал против Османской Империи новую военную кампанию. Его армии осадили Мосул и Карс. В 1745 года иранские войска нанесли туркам серьёзное поражение западнее Еревана, но развить этот успех Надир не удалось из-за начавшегося в Иране внутривосточного кризиса (5, с. 283).

Таким образом, войны Персии с Османской Империей за территорию Закавказья не оправдали надежд ни одной из противоборствующих сторон. Более того, ирано-турецкий конфликт XVI–XVIII вв. ослабил оба государства из-за длительных военных действий и разрушений. В результате Персия и Османская Империя вышли из борьбы за господство над Закавказьем ослабленными, что оказало негативное влияние на их позиции на международной арене.

Литература:

1. Бартольд, В. В. Историко-географический обзор Ирана/учебник, СПб 2003. — 53 с.
2. История Грузии, Тб., 1962; Новичев А. Д., История Турции, т. 1, Л., 2003. — 43 с.
3. Кэрлайн Финкель История Османской империи. Видение Османа/пособие для вузов. М. 2010. с. 4
4. Мотамед, М. Р. Иран в Османи/учебник (История дипломатич. отношений Ирана и Турции), Тегеран, 2007 с. 23.
5. Тизенгаузен., В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды/пособие для вузов. М. 2001. том 1, с. 231, 283.

Партизанское движение Малоярославецкого района Калужской области в годы Великой Отечественной войны

Крючкова Виктория Николаевна, студент

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Калужский филиал)

Во время Великой Отечественной войны в Калужском крае было развернуто активное партизанское движение. Изучая партизанское движение, можно говорить о том, что многие аспекты темы сопротивления фашистской оккупации освещались достаточно широко. Задачей данной работы является дополнение сведений о боевых действиях партизан на территории Малоярославецкого района, взаимодействии партизан с войсками Красной Армии. При подготовке работы использовались воспоминания жителей г. Малоярославца, данные Книги Памяти по Калужской области и Книг Памяти Малоярославецкого района, сведения периодических изданий.

18 октября 1941 года г. Малоярославец был захвачен немецкими войсками. Начался период немецко-фашистской оккупации района, который продолжался 75 дней.

Малоярославецкий партизанский отряд сформировался в советском тылу, в Московской области, в основном из жителей района, которые были эвакуированы. Командиром отряда стал бывший командир истребительного батальона П. Н. Бочаров, а комиссаром отряда — А. Устинов. В отряд вступили начальник районного отдела милиции Хрипунов со своими сотрудниками Е. В. Французовым и Д. Н. Гонтовым, мастер паровозного депо А. С. Козловский, Н. Гончаров, сотрудник органов госбезопасности А. Гаврильчик, О. Колесникова, Т. Капралова и другие.

3 ноября отряд в составе 19 бойцов перешел линию фронта и прибыл на базу в Малоярославецком районе. Однако запасенное заранее здесь продовольствие было расхищено. Командир послал за продуктами семерых

партизан, семьи которых находились в ближайших деревнях, но из них никто не вернулся. От голода спасались благодаря сельчанам В.И. Базылеву и И.М. Нагибову, делившимися с ними последним куском хлеба. На базе партизаны приняли присягу и стали наносить удары по врагу.

Основным направлением борьбы партизан против немецких захватчиков было совершение диверсий на железной дороге. Командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Г. фон Клюге в своем приказе констатировал: «Железная дорога является жизненным нервом для передвижения армии. Зимой она получает особенное значение по сравнению с гужевыми дорогами. Как и следовало ожидать, русские партизаны направили свои действия против железнодорожных путей в районе боев и в тылу нашей армии. Так 5 ноября на участке Малоярославец — Башкино были взорваны рельсы во многих местах».

А.С. Козловский пробрался в железнодорожное депо и уточнил график движения поездов с немецкой военной техникой, которая направлялась на фронт. Это помогло осуществить многие диверсионные операции. Имеются сведения, что под руководством А. Гаврильчика партизаны А. Козловский, И. Шурахаев и Е. Французов взорвали железнодорожное полотно с воинским эшелоном. Когда к месту крушения поезда прибыл отряд фашистов и полицейских, партизаны встретили их огнем из автоматов, и враг отступил.

22 ноября партизаны взорвали мост и эшелон с боеприпасами и продовольствием. В результате было убито более 150 оккупантов, а участок дороги вышел из строя на пять суток. На следующий день на перекрестке дорог между деревнями Локонское и Чулково партизаны подорвали немецкую автомашину, убили офицера и двух солдат, у которых забрали автомат и документы.

Партизаны также уничтожали линии связи, отбивали подводы с награбленным у населения имуществом и продовольствием, собирали данные о войсках врага и сообщали их в штаб 17-й стрелковой дивизии, вершили суд над предателями.

Партизаны тесно сотрудничали с местным населением. Разведывательные сведения доставляли через линию фронта связные Ольга Колесникова и Татьяна Капралова. При выполнении одного из разведывательных заданий в деревне Ожогино по доносу предателя фашисты схватили Колесникову. На допросах Ольгу жестоко пытали, но девушка стойко держалась. Она не выдала явки и место расположения партизанской базы. Ее расстреляли 19 декабря в стенах той самой школы, где она училась. Во время одного из переходов линии фронта погибла и Т. Капралова. К январю 1942 года в отряде сражалось 30 бойцов.

Отдельные боевые операции на территории Малоярославецкого района проводили еще два партизанских отряда, у которых не было здесь постоянного базирования. Они тесно сотрудничали с красноармейцами-окружен-

цами. Вместе они давали мощный отпор врагу. В деревне Тяпино Юрьевского сельсовета они вступили в бой с отрядом врага, направлявшимся для заготовки продовольствия у крестьян. Затем уничтожили немецкий обоз с продуктами, но были выданы предателем. Когда 7 ноября в деревню прибыл карательный отряд, десять бойцов забаррикадировались в Тяпинской школе. Они были окружены и погибли в бою. К сожалению, их имена и по настоящее время остаются неизвестными.

Активная патриотическая работа партизан с населением, распространение листовок, вербовка разведчиков давали свои плоды, сопротивление оккупантам росло. Так, мужественный подвиг совершили бывший секретарь Ипатьевского сельсовета П.И. Брагина и жительница д. Юрьевское А.И. Чижова. На чердаке дома они укрыли и выходили семнадцать раненых советских воинов, за что позднее были награждены.

Бесстрашие и отвагу в борьбе против фашистов показала молодежная группа из деревни Большое Ноздрино (в то время Детчинского района). В нее входили Владимир Карцев, Алексей Кутузов, Александр Расторгуев, Николай Киреев. Восемнадцатилетние парни просились на фронт, но их не брали по возрасту. Когда же гитлеровцы пришли в их родной город, отважная четверка стала устраивать засады на шоссе, обстреливая небольшие группы гитлеровцев. Однажды ребята взорвали помещение столовой санатория «Воробьево», где фашисты устроили «вечеринку». Когда началось наступление Красной Армии, и фронт приблизился к деревням Воробьево и Гончаровка, Карцев провел в тыл немецкой обороны отряд советских воинов. Много вражеских трупов осталось тогда на улицах деревни. Но фашисты подтянули из Детчина свежую часть. Трое суток шел ожесточенный бой. Карцев сражался наравне с красноармейцами, заменив убитого пулеметчика. Он погиб в том бою, его могила находится в деревне Большое Ноздрино.

Малоярославец был полностью освобожден 2 января 1942 года, и на здании горсовета вновь зареял красный флаг. Местные жители, вышедшие из подвалов и землянок, радостно встречали освободителей. На улицах города по разным данным насчитали от 500 до 1000 убитых гитлеровцев. Общие потери врага в боях за город составили около четырех тысяч солдат и офицеров. Было также захвачено 35 танков, 12 танкеток, 13 бронемашин, 560 автомашин, 160 орудий, 65 минометов, 3 склада боеприпасов, около 1000 велосипедов, много вагонов с разными грузами. В числе трофеев оказались генеральский парадный мундир и шпага, предназначавшаяся для победного парада в Москве. Наши потери составили тысячу триста пятьдесят бойцов и командиров. За мужество и героизм, проявленные в этих боях, Военным советом 43-й армии было представлено к наградам четыреста семьдесят девять человек. Военный совет Западного фронта дополнительно наградил орденами и медалями восемьдесят четыре бойца и командира особого батальона МВО. Позднее руководство Малоярославца от имени благо-

дарных жителей вручило соединениям, участвовавшим в боях за его освобождение, памятные Красные знамена.

В освобождении южной части Малоярославецкого района приняли активное участие и войска 49-й армии под командованием генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина. 9 января они выбили немцев из Детчино. В этом бою отличился дивизион 511-го арtpолка, которым командовал капитан А.В. Чапаев, сын прославленного комдива Гра-

жданской войны. 12 января малоярославецкая земля была полностью очищена от оккупантов.

Малоярославецкое партизанское движение является большим примером мужества, стойкости, верности своим идеалам, преданности своей Родине, своему народу. И в мирное время мы не должны забывать о самоотверженной борьбе партизан. Многие из были нашими ровесниками и отдали свою жизнь ради нашего будущего.

Литература:

1. КНИГА ПАМЯТИ о воинах, павших на земле Калужской в годы Великой Отечественной войны. Том XII Малоярославецкий и Мосальский районы Калуга, 2006
2. История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 2001.
3. Военная энциклопедия: в 8 томах, т. 6. — М., 2002.
4. История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 томах. Т. 4–9. — М., 1975–1978.
5. [http://schans.ru/Малоярославецкий информационный портал](http://schans.ru/Малоярославецкий_информационный_портал).

Судостроение ВМФ США перед Второй мировой войной

Лукиянов Николай Владимирович, студент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

Настоящая статья посвящена исследованию судостроительных программ ВМФ США, которые внесли изменения в состав флота. В свою очередь изучена доктрина Атлантического флота, заключающаяся в эскортировании трансатлантических конвоев.

В ноябре 1921 г. под председательством государственного секретаря США Чарльза Иванса Юза была созвана конференция по ограничению военно-морских вооружений. В соответствии с решением этой конференции США должны были сдать на слом шесть линейных крейсеров и семь линкоров, находившихся в постройке, и два линкора, спущенных на воду. Таким образом, пятнадцать новых линейных кораблей подлежали сдаче на слом. Было оставлено три линкора (типа «Колорадо» водоизмещением 33,6 тыс. т) и восемь тяжелых крейсеров. Общий тоннаж новых кораблей по окончании постройки составил бы 618 тыс. т. Численность личного состава была установлена в 7,9 тыс. офицеров и 100 тыс. матросов. [1, р. 36]

21 января 1930 г. в Лондоне открылась созванная по инициативе США конференция пяти морских держав: США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, ее главным итогом стало подтверждение договоренности с Великобританией о равенстве военно-морских флотов. Принцип паритета линейных флотов Англии и США был распространен и на другие классы боевых кораблей. Соотношение флотов США и Японии устанавливалось: для линейных кораблей, авианосцев и тяжелых крейсеров — 10:6; для легких крейсеров, вспомогательных

и более мелких судов — 10:7, а для подводных лодок — равенство.

В 1933 г. была утверждена новая судостроительная программа, предусматривавшая строительство эскадренных миноносцев, крейсеров и авианосцев. Были сконструированы и впоследствии построены восемь легких крейсеров типа «Атланта». Проекты нескольких различных типов вспомогательных судов, включая новые эскадренные тральщики, были переданы на судостроительные верфи, которые приступили к их закладке. Также в это время были разработаны линкоры типа «Северная Каролина». Личный состав по сравнению с 1921 г. был увеличен на 10 тыс. чел. [2, р. 44]

В июне 1938 г. Великобритания, Франция и США подписали протокол, согласно которому максимальное водоизмещение линкоров было увеличено с 35000 тонн до 45000 тонн. Таким образом, появилась возможность строительства линкоров и авианосцев нового типа.

В конце 1939 г. правительство США приступило к обсуждению законопроекта об увеличении тоннажа кораблей ВМФ приблизительно на 25% по сравнению с общим тоннажем, утвержденным законом от 17 мая 1938 г. Законопроект был утвержден 14 июня 1940 г. [3, р. 4]

Спустя месяц президент Рузвельт подписал закон о «флоте двух океанов», предусматривавший строительство флота общим водоизмещением 1325 тыс. т, приобретение или переоборудование вспомогательных судов общим водоизмещением в 100 тыс. т и выделение ассиг-

нований в сумме 50 млн. долларов на строительство патрульных и эскортных кораблей, а также различных малых кораблей других классов. [4, с. 25]

Основные силы ВМФ США в течение более чем десяти лет преимущественно находились на Тихом океане. [1, р. 36] Однако в январе 1939 г. началось частичное перемещение морских сил на Атлантический океан, в результате чего была создана Атлантическая эскадра. В сентябре 1939 г. эскадра насчитывала в своем составе четыре линкора старой конструкции («Нью-Йорк», «Техас», «Арканзас», «Вайоминг») под командованием контр-адмирала Альфреда Джонсона; соединение тяжелых крейсеров («Сан-Франциско», «Тускалуза», «Куинси», «Виннсенес»), которым командовал контр-адмирал Пикенс; соединение эскадренных миноносцев в составе 10 кораблей под командованием капитана Гринмана и авианосец «Рэйнджер», на котором базировались также и самолеты с авианосца «Уосп». [4, с. 31]

Эта эскадра стала ядром Атлантического флота США, командующим которого 1 февраля 1941 г. был назначен адмирал Эрнест Кинг. Позднее Эрнест Кинг возглавил командование противолодочных сил в Атлантике — так называемый 10-й флот. [5, с. 452]

К моменту начала войны в европейских водах находилось соединение военно-морского флота США (эскадра «40-Т»), организованное в сентябре 1936 г. для эвакуации американцев из Испании в период гражданской войны. На 1 сентября 1939 г. в состав этой эскадры (командир контр-адмирал Чарльз Кортней) входили: легкий крейсер «Трентон», эскадренные миноносцы «Бэджер» и «Якоб Джонс», а также одно вспомогательное судно. 22 октября 1940 г. это соединение было расформировано в связи с нехваткой кораблей для патрулирования нейтральной зоны США.

Первым следствием войны в Европе для военно-морского флота США явился приказ президента Рузвельта от 5 сентября 1939 г. об установлении нейтральной зоны вокруг американского континента и об организации патрульной службы в этой зоне.

В сентябре 1939 г. был созван Панамский конгресс с целью определения стратегии ведения войны американскими республиками. 2 октября 1939 г. был опубликован акт конгресса, в котором указывалось, что единая политика всех американских республик заключается в том, чтобы не допускать распространения войны на западное полушарие. Но так как ни одна из этих республик, за исключением США, не располагала достаточным количеством боевых кораблей, то задача охраны территориальных вод американских республик была возложена на военно-морской флот США. [6, р. 410]

В октябре с участием кораблей береговой охраны США была установлена постоянная зона патрулирования, ограниченная линией, идущей приблизительно на расстоянии 200 миль от побережья через Багамские и Антильские острова до Тринидада. [6, р. 413]

В январе 1940 г. ударная группа под командованием контр-адмирала Пикенса, базировавшаяся в Норфолке, начала охранять район, заключенный в треугольнике Норфолк — о. Бермуда — Сент Томас.

В течение лета 1940 г. президент Рузвельт провел еще ряд мероприятий. Важнейшими из них были: передача старых эскадренных миноносцев Англии взамен на получение морских баз и организация переговоров между штабами США и Англии. [4, с. 30] Англия передала США на 99 лет суверенные права на морские, военные и авиационные базы на Багамских островах, на о. Ямайка, Антигуа, Сент-Люсия, Тринидад и в Британской Гвиане в обмен на 50 старых американских эскадренных миноносцев, построенных во время Первой мировой войны или вскоре после нее. Это позволило решить проблему нехватки военно-морских баз для Соединенных Штатов, что в свою очередь позволило ВМФ США улучшить обеспечение безопасности прохода конвоев.

В августе 1940 г. президент Рузвельт имел встречу с премьер-министром Канады Маккензи Кингом. Их сопровождали военные и военно-морские советники для того, чтобы всесторонне обсудить все вопросы и установить долю участия каждого из государств в обороне западного полушария. В результате этих переговоров был подписан американо-канадский пакт о совместной обороне западного полушария, предоставлявший военно-морскому флоту США возможность использования баз в приморских провинциях Канады. [2, р. 48]

29 января 1941 г. в Вашингтоне были начаты секретные переговоры между представителями американских и английских штабов. В переговорах участвовали представители командующего морскими операциями и командующим генерального штаба США с одной стороны и представители английских штабов — с другой. Представителями ВМФ США являлись контр-адмирал Гормлей, контр-адмирал Ричмонд Тернер, капитан А. Дж. Кирк, капитан Девитт Рамсей и подполковник О. Т. Пфейфер (от корпуса морской пехоты США). Представители генерального штаба армии: генерал-майор С. Д. Эмбик, бригадные генералы Шерман Майлз и Л. Т. Джероу и полковник Дж. Т. Макнарней. [7, р. 58] Представителями английских вооруженных сил: контр-адмирал Р. М. Беллэрс, контр-адмирал В. Х. Данквертс, генерал-майор Э. Л. Моррис, вице-маршал авиации Дж. С. Слессор и капитан Кларк. [4, с. 30–31]

Задачи этих совещаний сводились к следующему:

а) выработка наиболее эффективных мер, которые должны были быть предприняты США и Англией для поражения Германии и ее сателлитов, если США будут вынуждены вступить в войну;

б) координирование планов использования американских и английских вооруженных сил в случае вступления США в войну;

в) разработка соглашений в отношении основной линии военной стратегии, ответственности и степеней командования, если США вступят в войну. [4, с. 38]

Совещания проходили ежедневно или в порядке пленарных сессий с 29 января по 27 марта 1941 г. [2, р. 49] Результатом явилось заключение соглашения, известного как «АВС–1», в котором были отражены основные принципы англо-американского сотрудничества во время войны. Оно, во-первых, предусматривало сотрудничество военно-морских флотов в Атлантике на основе действия закона о ленд-лизе и проведения политики, направленной на сохранение Японией нейтралитета на Тихом океане. Во-вторых, оно предусматривало всестороннее военное сотрудничество, если США в результате агрессивных действий держав Оси будут втянуты в войну.

Одновременно с этим в Вашингтоне было заключено соглашение с Канадой «АВС–2» о совместной обороне Канады и США. Оно было включено в соглашение «АВС–1». Характерной чертой данных договоров было утверждение основной стратегической концепции Второй мировой войны, заключающаяся в решении разбить в первую очередь Гитлера. [8, р. 5] Главная задача военно-морских сил США должна была заключаться в охране конвоев и морских коммуникаций на Атлантическом океане, в то время как английский военно-морской флот должен был обеспечивать охрану судоходства на Средиземном море. Кроме обороны военных и морских баз, морская авиация США должна была участвовать в наступательных операциях совместно с английскими ВВС. Каждая английская база предоставлялась в распоряжение авиации и военно-морских сил США и наоборот. Таким образом, масштабы участия США во Второй мировой войне были определены в общих чертах в Вашингтоне к 27 марта 1941 г. Однако большая часть этого соглашения, достигнутого между штабами Англии и США, должна была вступить в силу лишь тогда, когда США примут участие в войне в качестве воюющей державы. В отношении времени и условий, при которых США

должны были вступить в войну, никакого соглашения заключено не было.

Атлантический флот США должен был принять на себя главную ответственность по охране трансатлантических конвоев торговых судов, как только он будет в состоянии справиться с этой задачей. Принятие на себя новых функций по эскортированию конвоев вынудило ВМФ США изменить основную стратегию ведения войны на море и систему управления военно-морских соединений в Атлантике. Приблизительно с 1 марта 1941 в Норфолке и Нью-Лондоне была начата активная подготовка кораблей для ведения противолодочной войны. Было принято решение создать мобильные соединения, состоящие примерно из 25–30 эскадренных миноносцев и 4 эскадрилий (по 12 самолетов типа «Каталина» в каждой), а также значительного количества тральщиков и эскортных авианосцев. В дальнейшем такие соединения хорошо зарекомендуют себя в противолодочной борьбе.

В июне 1941 план эскортирования конвоев торговых судов силами поддержки на всем протяжении пути из США в Англию был отменен и заменен другим планом, который предусматривал рассредоточение кораблей сил поддержки на пути следования конвоев в районе Исландии и Северной Атлантики. Этот вариант, одобренный и Адмиралтейством и морским министерством США, был более приемлемым с точки зрения экономии в административных расходах и в оперативном управлении. [9, р. 8–9]

Таким образом, можно заключить, что в США в период с 1921 по 1941 г. была проведена серьезная работа по увеличению военно-морского флота, которая была направлена на обеспечение безопасности США в назревавшей новой войне. В дальнейшем, эти судостроительные программы помогли правительству Соединенных Штатов успешно проводить морские операции.

Литература:

1. Henry, J. R. The Truth about the Navy// The Outlook. November 25, 1931. P. 35–37
2. Our New Army// Cooler's Weekly. September 13, 1941. P. 40–51
3. Wright, J. The Rebirth of the United States Navy// The Literary Digest. July 15, 1933. P. 3–4
4. Морисон, С. Э. Американский ВМФ во Второй мировой войне. Флот двух океанов. Екатеринбург. 1998. 254 с.
5. Залесский, К. А. Кто есть кто во Второй мировой войне. СССР и союзники. М.: 2010. 780 с.
6. Furer, J. A. Administration of the Navy Department in World War II. Washington. 1959. 1087 p.
7. Hosh, W. L. World War II: People, Politics and Power. N. Y. 2000. 261 p.
8. General Marshall Reports// Yank Magazine. October 1, 1943. P. 4–5
9. Albion, R. G. The American Navy in War and Peace//The Saturday Review. November 13, 1943. P. 7–14.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Традиционное хозяйство народа акха в Северном Таиланде.

Этнографический очерк

Адаменко Александр Александрович, старший преподаватель

Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева

Традиционная материальная культура народа акха в Северном Таиланде на сегодняшний день почти не освещена в российской гуманитарной науке. Остаются не исследованными традиционная культура, история и языковые процессы этого народа. Между тем усиливающиеся социокультурные связи между Россией и Таиландом обуславливают необходимость взаимного изучения традиционной культуры обеих стран. Актуальность изучения этносоциальных процессов акха подтверждается быстрой и зачастую насильственной интеграцией этого народа в процесс модернизации тайского общества и государства. Возможность изучения акха как этнического целого может остаться актуальной в течение только ближайших десятилетий. В статье предпринимается попытка исследовать материальную культуру народа акха в северных провинциях Таиланда (Чианг-Рай, Чианг-Май), охарактеризовать основные тенденции социокультурного развития этого народа.

Ключевые слова: акха, Таиланд, этническая группа, традиционная культура, материальная культура

At present, the traditional material culture of the akha people in Northern Thailand are hardly covered in the Russian humanities. The traditional culture, history and linguistic processes of this nation remain unexplored. In the meanwhile, the growing sociocultural relations between Russia and Thailand are calling forth the necessity of reciprocal research into the traditional culture of both countries. The urgency of investigating the traditional material culture of the akha is confirmed by the rapid and, not infrequently, coercive integration of these people into the process of modernization of the Thai society and state. The opportunity to study the akha as an ethnic whole may only remain imperative within the oncoming few decades. In the paper an attempt is undertaken to explore the traditional material culture of the akha people in the northern provinces of Thailand (Chiang-Rai, Chiang-Mai), to characterize the main tendencies of their sociocultural development.

Key words: akha, Thailand, ethnic group, traditional culture, material culture.

Уникальное этнокультурное пространство северного Таиланда в течение длительного времени является предметом пристального внимания со стороны целого ряда научных дисциплин. В общепринятый обиход англоязычных ученых прочно вошло определение «Hill Tribe» [1], под которым традиционно понимаются горные этносы, локализованные на территории северных провинций Таиланда. Традиционная культура, быт и само существование этих народов немислимо в отрыве от горной среды, в которой они сформировались и живут сегодня. Между тем, ни один из проживающих в северном Таиланде т.н. «горных народов» не является для этого региона автохтонным. Проживающие здесь народы акха, лаху, лису, карены, мяо, хмонги являются переселенцами с территории Бирмы, Китая и Лаоса, эмигрировавшими на территорию Таиланда, спасаясь от социально-политических потрясений в соседних странах. Для многих из них процесс переселения продолжается до сих пор, не-

смотря на достаточно жесткую миграционную политику Таиланда.

Среди перечисленных горных народов особый этнографический интерес представляет, на наш взгляд, наиболее изолированный и локализованный в районах высокогорья народ акха, эмигрировавший на территорию северного Таиланда из Бирмы и Китая. Для данного этноса характерен не только уникальный тип традиционной культуры, выделяющий его среди других горных народов, но и наличие специфических механизмов сохранения сложившихся культурных форм даже в условиях интенсивной экономической модернизации региона.

Отметим, что традиционная культура, акха вызывает широкий интерес среди западных и азиатских исследователей, однако почти не освещена в отечественной гуманитарной науке. Так, в числе российских авторов, затрагивающих в своих работах данную тематику, необходимо упомянуть Э.О. Берзина, В.И. Гохмана, Е.В. Иванову,

В. И. Корнева, Л. Н. Морева, Ю. М. Осипова, Ю. Я. Плам, Е. Н. Афанасьеву, В. Н. Шинкарева и др.

Среди западных исследователей наибольшее внимание традиционной культуре акха уделено в работах Х. А. Бернатзика, П. Льюиса, Д. Фэйнгольда, Дж. Гудмэна, Дж. Хэнкса, К. Камерера, Д. Тукера, Т. Вонгспрасэт, Б. Хенин, Т. Холлвэй, Ф. Шольц, Ш. Такехара, Ж. Янг.

Основой традиционной экономики акха является сельскохозяйственное хозяйство, носящее ярко выраженный экстенсивный характер. Доминирующий и повсеместно распространенный метод подсечно-огневого земледелия обуславливает необходимость постоянных миграций данного этноса и смены сельскохозяйственных угодий [8].

Традиционно размеры посевных площадей акха варьируются от одного до пяти гектаров и расположены на горных склонах недалеко от селения. Процесс подготовки выбранной территории к сельскохозяйственному циклу начинается сразу после завершения сезона дождей. Высохший на солнце лес сжигают, предварительно расставив ловушки для поимки бегущих от огня животных. Затем, удалив с поля камни и остатки деревьев, акха разравнивают пепелище, сооружая на поле и по дороге к нему временные зернохранилища, алтарь, посвященный богу и духам, а также открытую хижину с приподнятым полом и широкой крышей, служащую в качестве временного убежища от дождя и зноя во время работы в поле. В свою очередь временные зернохранилища используют во время транспортировки урожая в деревню в течение всего года и для разных сельскохозяйственных культур [8].

Среди культивируемых растений наибольшее экономическое и сакральное значение имеет рис. Плантации, занятые этой культурой, расположены вокруг каждого поселения акха в северном Таиланде. Рисоводство сохраняет свое значение даже в тех поселениях, где основным источником дохода является участие в туристическом бизнесе, ремесло или культивация иных типов растений. Так, наряду с рисом, акха традиционно выращивают хлопок, табак, мак, а также целый ряд пищевых культур, в числе которых бобовые, сахарный тростник, кукуруза, редька, бананы, дыни, арбузы, батат и др. Посевной сезон в относительно сухом горном климате северного Таиланда обычно начинается в мае и заканчивается к середине июня, в зависимости от типа культуры [9]. Сезон роста продолжается от трех до пяти месяцев, после чего следует уборка урожая и транспортировка в приготовленные хранилища. Акха часто практикуют смешанные посевы (так, например, обычной практикой является созревание опийного мака вместе с кукурузой или хлопком [4]).

Большую часть полевых работ обычно выполняют женщины, однако в сельскохозяйственном цикле наиболее значимых культур (таких, например, как рис, табак или кукуруза) обычно задействованы все жители деревни, включая детей и подростков обоего пола. Акха не используют тягловых животных, борону или плуг, традиционно совершая основной объем полевых работ с помощью ряда довольно простых сельскохозяйственных орудий.

В их числе (Рис. 1): Инструменты для обработки почвы (1, 2), мотыги (4, 7, 8), серп (6), деревянные колотушки (5, 9), мачете (3) [1].

Среди одомашненных животных в традиционном хозяйстве акха наибольшее значение имеет свинья, выступающая в качестве основного источника мяса. В современных поселениях акха свиньи встречаются повсеместно, свободно перемещаясь по территории деревень и окрестностям. Еда для них ежедневно готовится на женских половинах домов в специально устроенных для этого очагах. На ночь свиней запирают в загон, как правило, расположенные в нижней части жилых строений.

Крупный рогатый скот в поселениях акха в северном Таиланде встречается крайне редко и в основном также выступает в качестве источника мяса. Коровы и буйволы пасутся на специально отведенных для этого горных пастбищах, на ночь возвращаясь в деревню. В работах таких этнографов, как Пол Льюис и Адольф Бернатзек, изучающих акха в Бирме, мы находим неоднократные упоминания о разведении крупного рогатого скота на продажу [1,8], однако в Таиланде подобная практика среди акха не распространена.

Не менее важную роль в традиционном хозяйстве акха играют собаки и кошки.

Собаки помогают пасти скот, загонять дичь на охоте, а также часто употребляются в пищу. Как правило, их мясо приносится в жертву духам, богу и предкам во время различного рода культовых церемоний. Нужно отметить, что в рационе акха собачье мясо занимает особое место и считается своего рода деликатесом. Акха часто покупают собак во время посещения тайских поселений и городов [3]. В этом смысле жертва в виде приготовленного собачьего мяса приобретает особую ценность и значение.

В свою очередь кошки защищают дома и зернохранилища от крыс и других грызунов. Им также, как и собакам, акха приписывают способность видеть населяющих мир духов.

Также в традиционном хозяйстве акха широко распространено птицеводство. Куры, петухи и цыплята являются неотъемлемой частью поселений. На ночь птиц запирают в расположенные под домами бамбуковые клетки для защиты от хищников.

В жилых помещениях акха часто содержат попугаев самых различных видов, а также диких голубей. Последних, как правило, используют в качестве приманки во время охоты на птиц.

В условиях довольно серьезных ограничений, налагаемых правительством Таиланда на использование растительных и животных ресурсов лесного массива северных провинций, охота и собирательство играют все меньшую роль в качестве способа непосредственного жизнеобеспечения, однако сохраняют свое значение традиционного промысла [7]. Охотой, рыбалкой, а также собирательством дикорастущих плодов и растений акха занимаются в период, следующий за сбором урожая, а также в условиях неурожайного времени. Охотой и рыбалкой

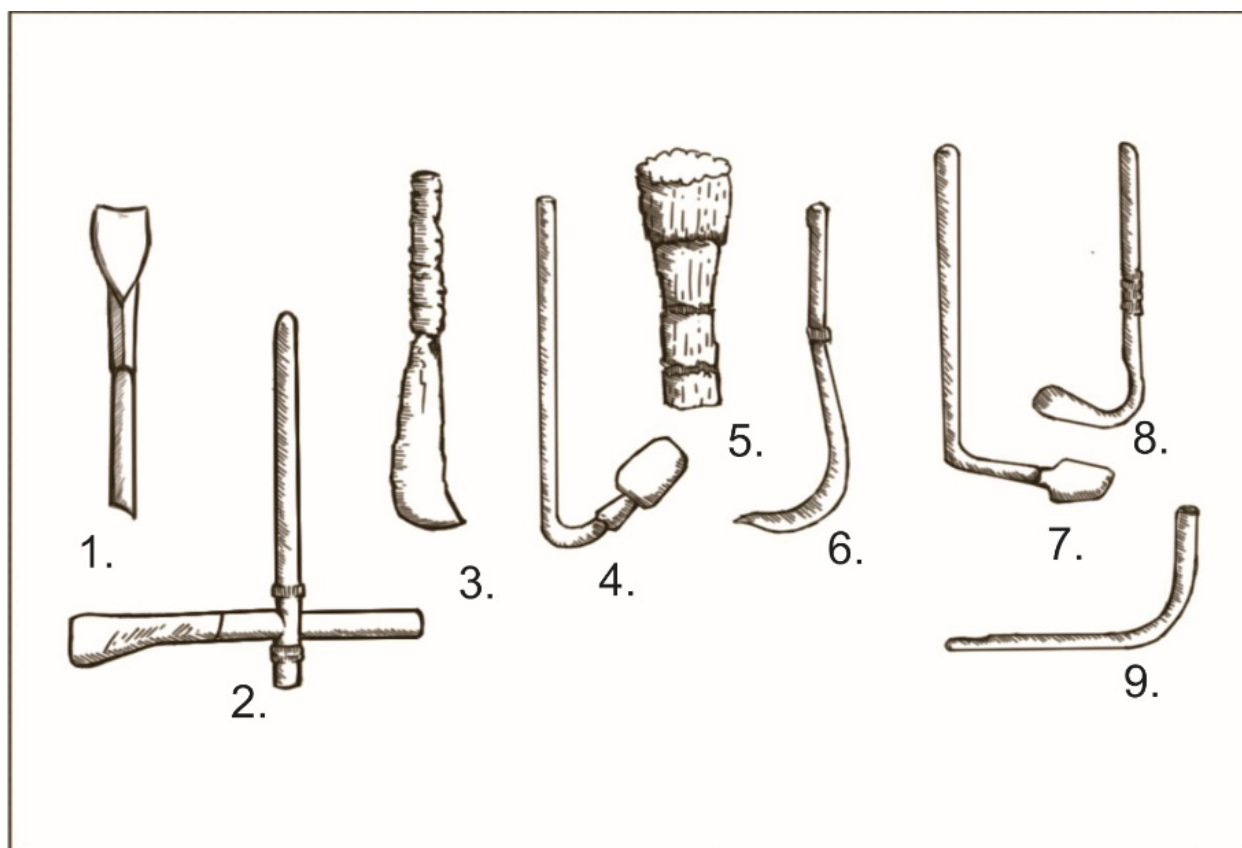

Рис. 1. Инструменты для обработки почвы

занимаются преимущественно мужчины, а собирательство остается традиционно женским занятием.

Нужно отметить, что в современных условиях северного Таиланда традиционные способы охоты сохраняют свое значение среди акха, во многом по причине труднодоступности и высокой цены современного огнестрельного оружия. Довольно редко используются также кремневые ружья, обычно приобретаемые акха у соседних народов. Основным охотничьим инструментом акха в условиях, покрытых тропическим лесом гор является арбалет, широко распространенный среди всех горных народов северного Таиланда. В поселениях акха с этим орудием промысла и довольно эффективным оружием умеют обращаться все члены общины независимо от пола и возраста. Повсеместно встречаются детские модели арбалетов, а также облегченные женские варианты. Изготовлением и ремонтом арбалетов занимаются, как правило, взрослые мужчины, а работу с металлическими деталями механизма и стрелами осуществляет деревенский кузнец. Мужские модели арбалетов обычно достигают в длину сто тридцать сантиметров, однако встречаются и более длинные экземпляры. Спусковой механизм изготавливается из металла, слоновой кости, рога или древесины. Пеньковая тетива обычно перевивается с полосой лыка в центральной части, в большей степени подверженной износу. Стрелы, как правило, имеют бамбуковые наконечники и хранятся в деревянных колчанах.

Проникающая сила арбалета довольно значительна, уровень меткости и владения этим оружием находится на высоком уровне.

Акха охотятся поодиночке и в небольших группах, активно используя собак, приманки и довольно сложные по конструкции ловушки.

Основными объектами охоты являются не слишком крупные животные, такие как обезьяны, куницы, олени, дикие свиньи и т.д. Охота на них ведется постоянно, сезоны охоты на отдельные виды дичи отсутствуют. Загонный способ охоты довольно простой. Загонщики с собаками выгоняют дичь на стрелков, после чего в случае необходимости выслеживают подраненную дичь в лесу.

Ловушки, используемые для охоты, имеют различные конструкции и назначение.

Так, для охоты на попугаев и диких голубей на крышах домов устанавливают деревянные рамы, к верхним концам которых прикрепляют по две деревянные крестовины, обмазанные известью и клеем. Клей изготавливается из сока каучуковой лианы, сохраняющего нужные качества и консистенцию в течение длительного времени [2].

Другой тип ловушки представляет собой прямоугольную сеть, сплетенную из каучуковой лианы или простой веревки, натянутую над заготовленной приманкой. Закрепив каждый из четырех концов на земле, центральную часть сетки приподнимают с помощью перекинутой через горизонтальную опору веревки. В момент

появления птицы под сетью веревку отпускают и сеть падает вниз. Такой тип ловушки часто используется детьми и женщинами, а также предлагается в качестве развлечения в деревнях, включенных в туристические маршруты [2].

Более сложная конструкция ловушки используется для поимки мелких млекопитающих, таких как крысы, белки, куницы, дикие кошки и т.д. Ловушка состоит из бамбукового прута, который согнут и прикреплен к дереву. Когда животное входит через арку и берет приманку, палка отдалается и падает в кольцо. Это заставляет прут уйти вверх, и натянутый бамбук выпрямляется и дергает за нить, которая затягивает петлю вокруг дичи [2].

Рыбалка традиционно является наименее популярным занятием среди акха ввиду отсутствия крупных речных водоемов в непосредственной близости от их поселений. Однако необходимо отметить, что в деревнях, расположенных вдоль течения реки Мае Кок, рыбный промысел все же осуществляется с помощью удочек, острог и небольших по размеру ручных сетей, закрепленных на перфорированных деревянных обручах.

Основой традиционного рациона акха является рис, а также ряд менее значимых растительных продуктов, в числе которых бобовые, кукуруза, батат, редька, бананы, клубника, арбузы и т.д. Дичь, а также мясо домашних животных также является частью их повседневной и праздничной кухни. Продукты собирательства в виде дикорастущих съедобных растений, личинок и насекомых также эпизодически употребляются в пищу [9]. Однако стоит отметить, что в случае дефицита риса все перечисленные продукты не могут гарантировать общине акха нормальный рацион питания.

Акха традиционно очень аккуратны в приготовлении пищи. Основная роль отводится женщинам, однако мужчины также вовлечены в этот процесс, особенно во время праздничных трапез, когда мужчины и женщины едят на разных половинах дома, соблюдая предписанное табу. (В этом случае дети едят на женской половине дома). Во время повседневных приемов пищи семья обычно обедает на деревянной веранде перед домом, при этом еду для таких трапез готовят женщины. Семьи акха обычно едят три раза в день, однако во время активных полевых работ количество приемов пищи может быть уменьшено, при этом часть еды съедается прямо на поле в холодном виде.

Рис составляет основу каждой трапезы и обычно готовится посредством предварительного замачивания и варки. По достижении нужного состояния полученная масса отжимается вручную от избыточной влаги, а затем запаривается в деревянном сосуде. Рис, приготовленный таким образом, сохраняет питательные свойства и твердую консистенцию [8].

Аналогичным образом поступают с кукурузой кипятя, ее до состояния готовности в металлической или глиняной посуде. Впрочем, обычной практикой является употребление в пищу сырых початков, а также поджаренных

на открытом огне. Кукурузные зерна, смешанные с рисом, часто используют в качестве корма для домашней птицы. Использованные и отшелушенные початки используются как топливо для очага.

Мясо едят как в сыром (смешивая его со специями), так и в вареном и жареном виде. Сохраняют его посредством копчения над огнем или засаливания. Куриные яйца и приготовленные из них блюда также являются постоянным элементом ежедневных трапез.

Среди выращиваемых акха фруктов наиболее популярными являются бананы, их пекут, жарят, также едят в сыром виде, часто мелко наскобленными в виде пасты. Арбузы, дыни, манго и дурианы в изобилии присутствуют в рационе акха. Наиболее популярной приправой является перец чили, который часто добавляют в мясные и растительные блюда. Технология производства соли акха неизвестна, этот продукт покупают обычно в тайских поселениях.

Наиболее употребляемыми напитками акха являются вода и чай. Питьевую воду обычно берут в близлежащих речных водоемах и ручьях. Также в определенной части горных поселений акха имеются системы концентрации и очистки воды, установленные на средства тайского правительства, а также ряда гуманитарных организаций, в числе которых World Vision Project, AFECT (Akha Association for Education and Culture in Thailand), IMPECT (Inter-mountain People's Educational and Cultural Center in Thailand), Hill tribe Development and Welfare Center, Hill Area Development Foundation и др. [4].

Чай в традиционной культуре акха высушивается в полых бамбуковых трубках, после чего приобретает специфический привкус и аромат. Акха пьют его из бамбуковой посуды, очень горячим, часто совмещая с курением табака.

Изготовление пива акха неизвестно, однако дистилляция риса с целью получения алкогольного напитка широко распространена.

Технология изготовления такого рода напитка выглядит следующим образом. В неочищенный рис добавляют дрожжи и оставляют открытый сосуд с приготовленной смесью настаиваться в течение одной ночи. Утром сосуд плотно закрывают крышкой и оставляют бродить в течение десяти дней. По истечении этого времени в смесь добавляют воду и приступают к дистилляции. Добавление воды происходит неоднократно, однако уже после первой дистилляции продукт обладает значительной крепостью. Необходимо отметить, что наряду с алкогольными напитками кустарного производства в горных поселениях акха распространен дешевый алкоголь бирманского, тайского и китайского производства, что делает алкогольную зависимость одной из актуальных проблем этого региона [5].

Другим не менее распространенным стимулятором является табак, плантации которого являются неотъемлемой частью сельскохозяйственных угодий акха.

Курение табака практикуют, как правило, почти все акха, подчас не исключая детей и подростков. Столь

ранние случаи табачной зависимости обусловлены лояльным отношением к этой привычке в традиционной системе ценностей данного этноса.

Акха выращивают табак отдельно, не смешивая его с другими культурами. Собранные табачные листья перед сушкой упаковывают в плотные пачки и заворачивают в несколько слоев широких листьев банановых пальм. По прошествии нескольких дней свертки разворачивают, а листья высушивают на солнце, упаковывая их затем в бамбуковые или деревянные конвейеры.

Приготовленный табак, высушенный и измельченный, носят на поясе в маленьких коробочках, сплетенных из ротанговой пальмы, или в небольших контейнерах из бамбука с откидной крышкой. Также иногда используются серебряные табакерки колониальной эпохи, являющиеся, впрочем, достаточно редким явлением.

Акха курят табак только с помощью трубок, не скручивая в отличие от соседних горных народов сигар или сигарет. Они также не используют жевательный или нюхательный табак. Практика курения конопли также отсутствует. Сигареты, произведенные крупными табачными компаниями, встречаются в горных поселениях крайне редко, однако среди молодежи в «туристических» поселениях этот продукт пользуется популярностью [7].

В традиционной культуре акха используются несколько типов курительных трубок, часто свидетель-

ствующих о материальном и социальном статусе их владельца. (Рис. 2): Курительные трубки, вырезанные из древесины с прикрепленным бамбуковым мундштуком (1, 2), курительные трубки, сделанные полностью из бамбука и украшенные гравировкой с шерстяными шнурами и кисточками (3, 4), длинные серебряные курительные трубки, принадлежащие исключительно старейшинам и являющиеся символом авторитета и влияние их владельца (5) [1].

Наконец, нельзя не упомянуть практику курения опиума, являющуюся сугубо деструктивной, однако по-прежнему актуальной частью традиционной культуры акха. Нужно отметить, что являясь в условиях горных поселений по сути единственным обезболивающим, опиум сохраняет свое значение как своеобразное лекарство, употребляемое значительным количеством акха. Отметим также длительную историю опиума в регионе и как следствие его неразрывную связь с историей и культурой ряда горных народов [6].

Завершая характеристику употребляемых акха стимулирующих веществ, отметим также довольно распространенную привычку жевания бетеля.

Наряду с уже упомянутыми аспектами традиционной хозяйственной деятельности уникальным народным промыслом акха является изготовление корзин из дерева, бамбука и ротанга.

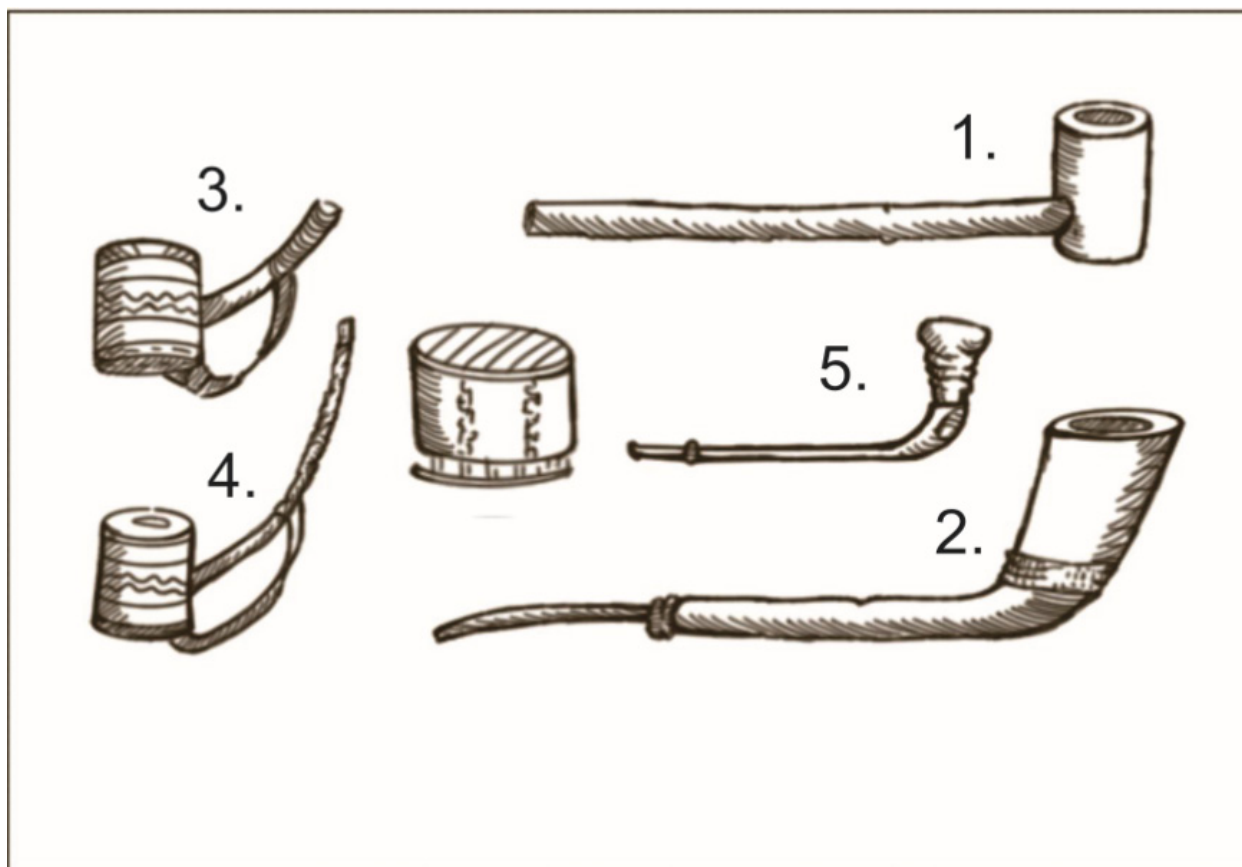

Рис. 2. Курительные трубки акха

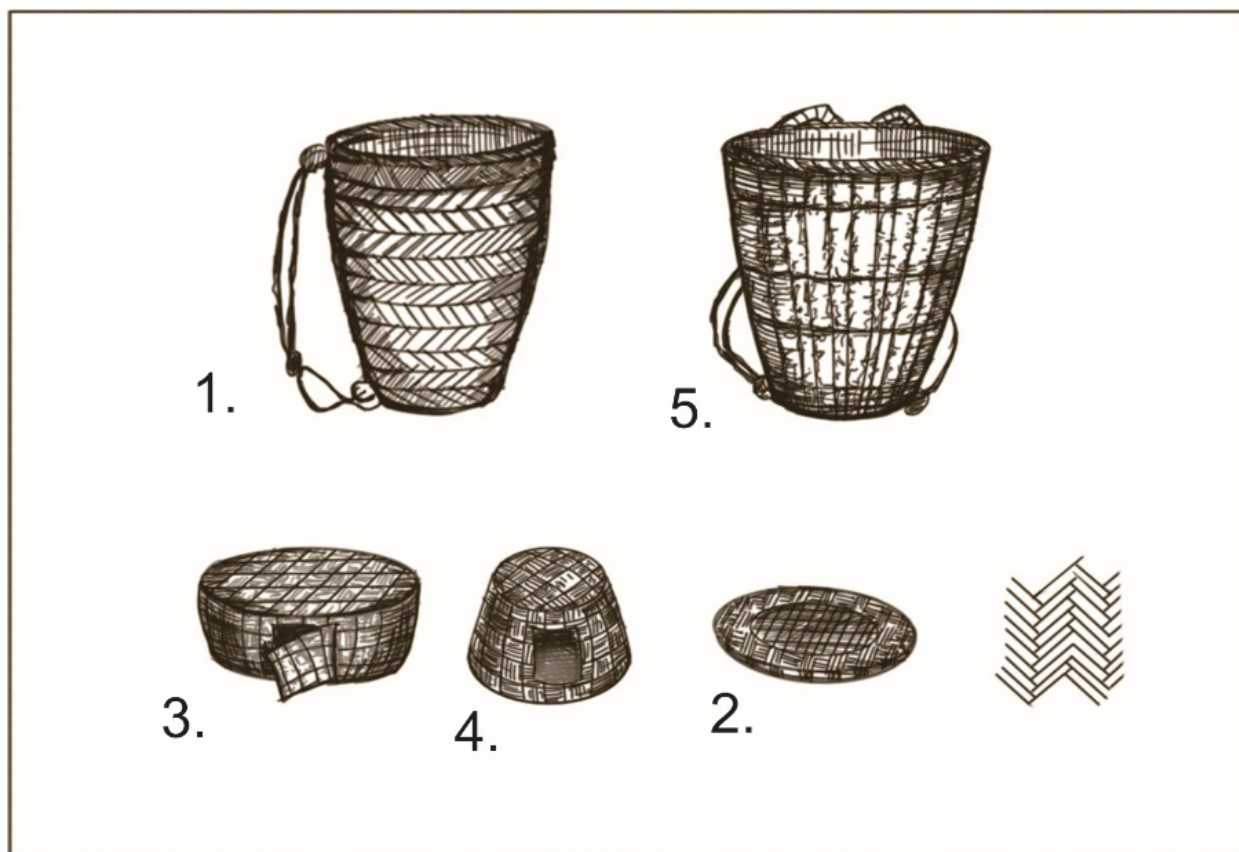

Рис. 3

Традиционно акха пользуются следующими типами корзин:

1. Наплечная корзина. Свободно сплетённая из бамбуковых полос шириной примерно в один сантиметр. Такие корзины являются наиболее распространенным средством для переноса различных продуктов сельского хозяйства и используются повсеместно. Встречаются корзины самых разных размеров, в том числе и совсем небольшие, предназначенные для детей. Форма наплечных корзин акха довольно специфична и, по мнению некоторых ученых, косвенно указывает на тибетское происхождение этого народа. Отличительной чертой корзин акха является дополнительная налобная лямка, используемая для распределения нагрузки и ослабления давления на плечи. Лямка изготавливается из кожи или полос молодого бамбука шириной примерно три сантиметра, тщательно переплетенных между собой. (Рис. 3. (1), (5))

2. Домашняя корзина для хранения сыпучих материалов. Изготавливаются из полос бамбука шириной примерно шесть сантиметров, переплетённых крестообразно. Такие корзины устанавливают на возвышении в жилых помещениях или в зернохранилищах и используют для хранения хлопка, зерновых и т. п. (Рис. 4 (1))

3. Корзина для транспортировки сыпучих продуктов с двойными стенами и прямоугольным основанием. Внутреннее плетение этой корзины состоит из бамбуковых полос примерно в один сантиметр шириной. В верхний

край корзины часто вплетается круглая бамбуковая палка, выполняющая роль рукояти. (Приложение №4 (2))

4. Корзина небольшого объема, используемая как часть кухонной утвари. Корзина является округлой по форме и сплетена из полос ротанговой пальмы примерно четыре миллиметра шириной, каждая стенка различного плетения. Основа корзины сделана из бамбуковых полос в один сантиметр шириной. Эта корзина также используется в качестве тарелки во время трапезы. (Рис. 3 (2))

5. Корзина для хранения одежды и ценностей. Конструкция этой корзины усилена посредством вертикально стоящих веток ротанговой пальмы. Стенки корзины сплетены достаточно плотно за счет плотно прилегающих узких полос ротанговой пальмы. Имеет определенную коммерческую ценность, иногда используется как разменное средство, заменяющее деньги. (Приложение №3 (3, 4))

6. Маленькая корзинка для хранения табака. Изготавливается из дважды переплетенных полос ротанговой пальмы. Женщины также носят эти маленькие корзины на поясе, как контейнеры для мяса.

7. Корзина для домашней птицы. Свободно сплетенная из бамбуковых полос примерно 13 миллиметров шириной. Встречаются корзины такого типа различных форм и размеров.

8. Плоская корзина с двойным дном для отделения зерен от плевел.

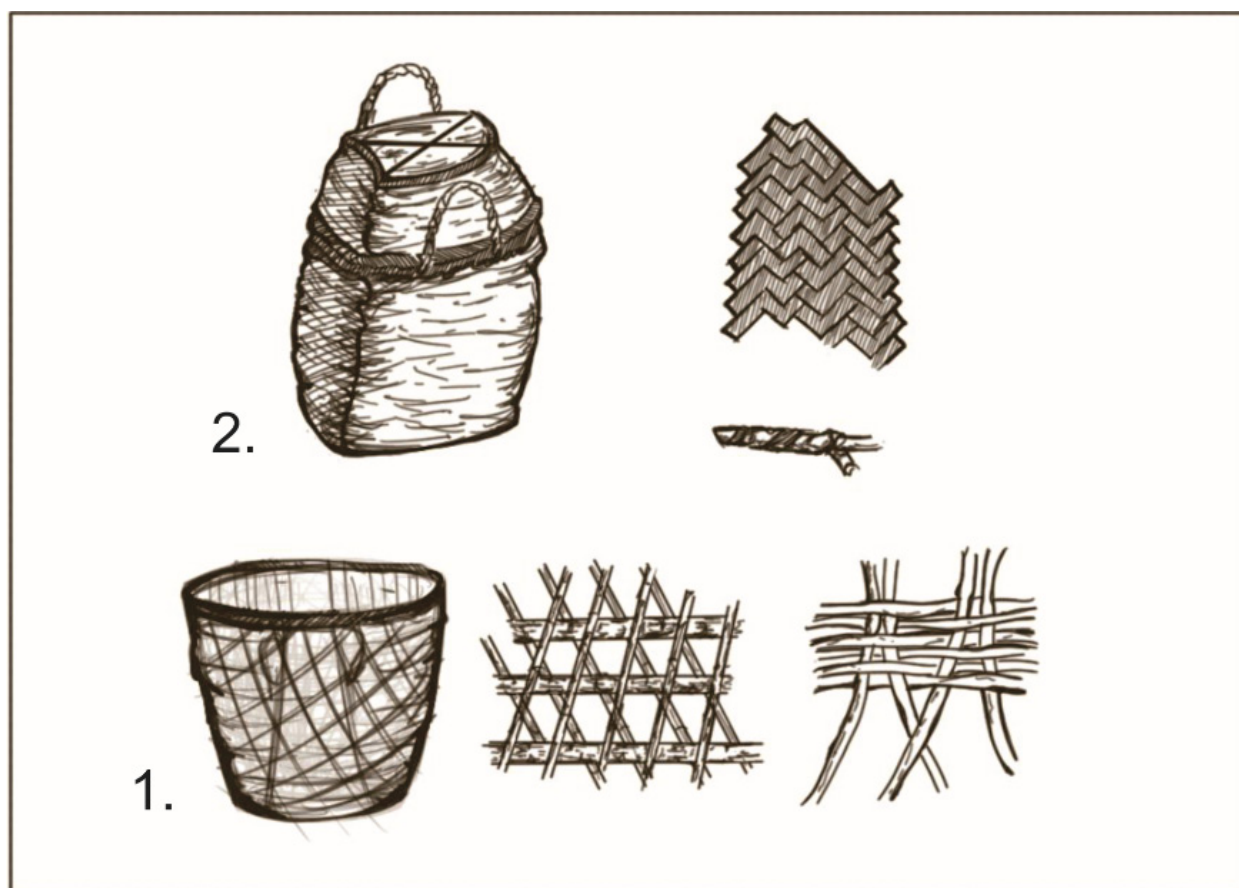

Рис. 4

Не менее важные функции в традиционном хозяйстве акха выполняют также плетенные из бамбука и ротанга циновки. Как правило, ими покрывают пол в жилых помещениях, а также веранд и зернохранилищ. Циновки обычно имеют единообразный общий способ плетения, различающийся по сути только шириной полос используемого для плетения материала. Так, например, циновки, которыми покрывают спальные места, изготавливают из бамбуковых полос примерно в полсантиметра шириной. При этом размеры таких циновок приблизительно 160 X 100 сантиметров. Большие циновки, предназначенные для просушивания риса и других продуктов, плетутся из бамбуковых полос примерно два — три сантиметра шириной. Когда в них нет необходимости, циновки скатывают и убирают в подсобные помещения [8].

Из бамбука и ротанга акха также изготавливают широкополые шляпы для защиты от дождя, имеющие традиционные для юго-восточной Азии круглую и коническую форму. Конструкция шляпы включает в себя бамбуковый прут, расщепленный посередине, в котором зажата развертывающаяся веером поверхность. Плоскость шляпы сплетена из бамбуковых полос примерно три сантиметра шириной. Завершающая полоса, как правило, шириной два сантиметра и сделана из узких четырехмиллиметровых полос ротанговой пальмы, прошитых по краю нитками.

Также, из растительных материалов акха изготавли-

вают рыболовные сети, веревки и прочие немаловажные предметы быта.

Подводя итог представленной характеристики традиционной хозяйственной деятельности акха в северном Таиланде, необходимо еще раз отметить ее самобытный характер, ярко выделяющийся даже в условиях этнического многообразия региона. Еще раз отметим ее особую уязвимость в условиях стремительной модернизации северных провинций Таиланда и неизбежное, на наш взгляд, разрушение в случае отсутствия последовательной государственной политики, направленной на защиту и развитие существующих форм традиционной культуры. Современные реформы Таиланда в этом вопросе, описанные в первой главе исследования, ориентированы скорее на интеграцию акха в гражданское сообщество Таиланда и в действующую систему экономических связей, неизбежно влекущую за собой разрушение традиционного жизненного уклада. Однако активная деятельность гражданского омбудсмана акха, а также ряда правозащитных организаций дает основания надеяться, что данный этнос совместно с другими горными народами сумеет выработать эффективную модель сохранения традиционной культуры. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность сохранения традиционной экономики, выступающей залогом выживания акха, а, в конечном счете, залогом сохранения национально-культурной идентичности этого народа.

Литература:

1. Bernatzik, Hugo Adolf, Akha and Miao: Problems of Applied Ethnography in Father India, Innsbruck, 2012
2. Boonchana, Thongsae. Akha Women, Working in the City and Selling themselves and AIDS/Thongsae Boonchana// Paper Presentation at 1st International Conference on Hani/Akha Culture, 1993. — P. 9.
3. Bragg, Katherine, «The Akha: Folk Botany and Forest Traditions,» in Northern Miscellany, Geoffrey Walton ed., Jareuk Publications, Chiang Mai, 2011
4. Grunfeld, Frederic V., Wayfarers of the Thai Forest: the Akha, Time-Life Books, Amsterdam, 2005
5. Department of the Army, Ethnographic Study Series: Minority Groups in Thailand, Washington, 1998 p. 46—59
6. Guseau, Leo Alting von, «Dialectics of Akhazang,» in McKinnon-Bruksasri, Highlanders of Thailand 2007 p. 38—47
7. IMPECT Inter-mountain People's Educational and Cultural Center in Thailand. Programs: South East Asian Mountain People Culture and Development: Research, Documentation, Information Programmes, Chiang Mai, Thailand 2011218p.
8. Lewis, Paul, Akha Village and Political Systems, University of Oregon, 2004
9. Walker, Anthony and others, Farmers in the Hills: Upland Peoples of North Thailand, The Chinese Association for Folklore, Taipei, 1998

Вопросы социальной справедливости в учении Махдуми Аъзам

Нуриддинов Абдулвохид Орифхужаевич, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Мы не ставим перед собой цель просто отобразить жизненный путь и богатое наследие великих мудрецов, а доказать в лице великих представителей прошлого настолько богат и многоцветен духовный мир, соединивший в себе богатый духовный, научный, культурный, религиозный и нравственный мир нашего народа.

И. А. Каримов

Вопросы социальной стабильности и обеспечения мира и согласия в обществе были в центре внимания и творческой деятельности великого продолжателя и видного теоретика суфийского течения Накшбандия Сайид Ахмад ибн Мавлана Джалолуддин Ходжаги Касани — Махдуми Аъзама, о чем свидетельствуют многие историко-литературные источники XV-XVI веков.

В своих научных трактатах, собранных в сборнике «Маджмуат-ур-расаил» («Сборник посланий-трактатов»), мыслитель, приводя цитаты из Корана и высказывания из хадисов пророка Мохаммеда (благословение Аллаха и приветствие ему), обосновал свое мнение о роли государства и общества, об отношениях между правителями и народом, путях управления страной, справедливом управлении государством правителями, установлении социальной справедливости в обществе. Период жизни и деятельности Махдуми Аъзама (вторая половина XV — начало XVI вв.) был периодом осложнения социально-политической обстановки в Центральной Азии. Также это было время обострения междоусобной борьбы за власть между потомками Тимура, захвата новых территорий, дестабилизации и напряженности общественно-политической ситуации в регионе. Вторжение со стороны Дешт-и Кыпчака (территория от западного Казахстана до берегов

Каспийского моря) захватнических сил Шейбанидов, накалило и без того напряженную социально-политическую обстановку, связанную с междоусобными войнами между различными потомками Тимура. В такой непростой накаленной обстановке, обеспечение мира и спокойствия, стабилизация общественно-политической ситуации были одной из важнейших задач того времени. Внести вклад в решение этих непростых задач пытались и видные представители духовенства и суфийских течений, в первую очередь представители тариката (течения, учения) Накшбандия, особенно Махдуми Аъзам и его соратники. Причем вопросы мира, согласия и спокойствия, установления социальной справедливости в обществе занимали особое место в центре внимания последователей суфийских течений и их практической деятельности.

Особая заслуга Махдуми Аъзама по данному вопросу состоит в том, что он обогатил, новыми идеями и формами, мысли и высказывания своих предшественников исходя из реальной социально-политической ситуации того времени.

«Действительно, каждая проблема и задача, выраженная в трактатах Махдуми Аъзама, приобрела характер общечеловеческих ценностей. Особенно, такой считается рассмотренная Махдуми Аъзамом, проблема места

и значения социальных слоев народа в обществе. Уважая культурное наследие своих предшественников, Махдуми Аъзам глубоко знал их точки зрения по этому вопросу. Исходя из этого, он создал определённую систему социальных слоев и пытался обосновать ее. Махдуми Аъзам отнёс к этой системе эмиров (правителей, царей), учёных, крестьян, представителей ремесла и других слоев общества» — пишет профессор Сохибназар Каримов¹.

Поняв что, тяжелая ноша борьбы за корону и власть, которую вели правители, ляжет на плечи простого народа, мыслитель порицал такие войны и конфликты, и в большинстве случаев он сумел предотвратить подобные столкновения. Так было в начале XVI в., когда правитель Ташкента Султан Ахмад Навруз Баракхан в союзе с правителем Самарканда Султан Абдуллатифханом с 200-тысячным войском хотели напасть на Бухару. В этой тревожной ситуации, Махдуми Аъзам подошёл к Баракхану и прямо сказал ему: «Зачем ты сюда приехал и тревожишь мусульман? Разве не боишься Бога и его Пророка? Тебе даю такой добрый совет: ты от своих намерений откажись и вернись к своим владениям»². Таким образом, мыслитель предотвратил опасность войны, нависшую над Бухарой.

Идеи мыслителя о государственности, управлении государством, его функции, вопросы социальной справедливости, ярко выражены в его трактатах «Зубдат-ус-соликин ва танбият-ус-салотин» («Трактат о назидании султанам»), «Рисолаи ахволи уламо ва умаро» («Трактат о состоянии учёных и царей») и «Рисолаи Бобурия» («Трактат о Бабуре»).

Управление владениями и народом — это наследие оставленное людям от самого Адама, и эту работу люди должны выполнять согласно желанию и согласию Всевышнего, замечает в своих трактатах учёный. По его мнению, если потомкам Адама нужны царь или халиф как предводитель, то они конечно должны быть одарёнными, милосердными, справедливыми, умеющими решать проблемы, облегчать страдания своих подданных, пишет мыслитель.

В «Трактате о назидании султанам» Махдуми Аъзам пишет так: «После господина Адама, Преславный Бог всякий раз посылал общине людей самого способного из них, согласуясь с потребностями определённого времени и выбирая самого достойного из той общины, делал его халифом. И до сих пор это остается так. Ибо сунна Аллаха была учреждена таким образом, что люди не могли существовать без правителя. Однако знай, о ищущий знаний, что наместник должен быть достойным, чаяния, милость справедливость и гнев мусульман должны быть

(сосредоточены) в нем. И если это так, то он должен быть халифом, ибо он утверждённый наместник и правитель преславного Бога на земле»³.

Развивая свою мысль, учёный далее пишет: «И если Преславный и Всевышний Бог выбирает одного из своих рабов и назначает его правителем над другими своими рабами, то он должен быть благодарным за данную милость и проявлять прилежание и не жалеть усилий в справедливом и милосердном управлении Божьими созданиями. Ведь и сам Преславный и Всевышний Бог в тысячу раз более милосерден к рабам своим, чем мать к своему ребёнку». По мнению Махдуми Аъзама правители государства должны быть справедливыми, честными, милосердными, требовательными к себе и другим, предприимчивыми, умными, толковыми и дальновидными. И обращаясь к правителям, он далее пишет: «Как сказано в хадисе (предания о действиях и высказываниях пророка), Преславный и Всевышний Бог одарил их (правителей) таким счастьем, что за час справедливого правления воздастся как за великую милость. Необходимо всегда пользоваться весами справедливости, ибо Преславный и Всевышний Бог, за каждый час и день справедливого правления, продлит их правление в этом мире и одарит счастьем в этом мире, если угодно будет Всевышнему Аллаху»⁴.

В своем трактате, Махдуми Аъзам показал основные черты и способности достойные такой высокой должности как падишах-царь. По его мнению, этот человек должен быть справедливым, милосердным, добрым, благородным, заботливым и вежливым к мусульманам, то есть своим подданным, должен быть хранителем чести Ислама, шариата, тариката и способствовать их развитию, обязан быть грамотным, умным, талантливым, верным учениям и идеям тариката, здоровым телом и духом. Махдуми Аъзам в своём учении подчёркивает, что успешное правление государством у правителей тесно связано с их уважением и верностью по отношению к представителям суфийского учения. По его мнению, уважение, любовь и соблюдение правил тариката, повышает авторитет правителя перед своим народом, нацией, укрепляет государственные устои и способствует достижению политических и экономических успехов, позволяет избежать разного рода негативных деяний. В заключение, можно подчеркнуть, что Махдуми Аъзам был видным мыслителем суфизма, непосредственно оказавшим большое влияние на правителей, внесший весомый вклад в дело стабилизации общественно-политической ситуации своего времени.

Литература:

1. Каримов, С. Социологические стороны суфийских трактатов Махдуми Аъзам Дахбеди. В книге «Место социологии в научной системе Узбекистана», (сборник статей), Самарканд, 2006. — с. 15.
2. Мухаммад Бурхануддин Мухаммад Кази, «Силсилат-ул орифин», Рукопись из архива Института Востоковедения АН Республики Узбекистан. Инв №4452. — с. 15.

3. Махдуми Аъзам. Трактат о назидании султанам. В книге: Мудрость суфиев. Санкт-Петербург, «Азбука», 2001. — с. 389–390.
4. Махдуми Аъзам. Трактат о назидании султанам. В книге: Мудрость суфиев. Санкт-Петербург, «Азбука», 2001. — с. 391.

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Информационная деятельность Пермского Губвоенкома и Губкомдезертира в процессе борьбы с дезертирством на период 1920 г.

Баранова Светлана Борисовна, магистрант
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Наиболее полно деятельность Губвоенкома и Губкомдезертира в рамках процесса информирования о состоянии борьбы с дезертирством можно рассмотреть в контексте этапов развития данного явления. К первому этапу стоит отнести промежуток между декабрем 1918 г. и маем 1919 г. За этот период происходит циркуляция дезертиров. Т. е. сведения о дезертировавших поступают, однако носят лишь декларативный характер. Меры по их поимке и обвинению не имеют активного проявления в связи с наличием резерва военнослужащих. Вторым этапом дезертирства ознаменован выпуск в свет Постановления Совета обороны «О мерах по искоренению дезертирства» 3 июня 1919 г. Данное постановление призывает к добровольной явке дезертировавших, причем неявившиеся объявляются врагами. В это же время происходит рассмотрение мер к дезертирам и их укрывателям. Результатом второго этапа становится снижение роста дезертирства к 1919–1920 гг. [1, с. 81–83]

В данном случае очень интересным и важным для работы является именно второй этап дезертирства в годы Гражданской войны, поскольку рамки исследования непосредственно касаются именно 1920 г. Ниже представлены таблицы, составленные по недельным и двухнедельным сводкам о количестве дезертировавших, осужденных и наказанных за данное деяние. Таблицы позволят сделать вывод о снижении роста дезертирства или же, наоборот, о его повышении.

Первая и вторая таблицы касаются информации сводок, которые составлялись за неделю Губвоенкомом и Губкомдезертиром (Таблица 1, 2). Эти данные отправлялись в вышестоящие инстанции, а именно в Окркомдезертир г. Екатеринбурга, а также к начальнику оперативного штаба сектора ВОХР г. Уфы. Двенадцать пунктов сводки давали представления о процессах, происходивших при борьбе с дезертирством. Во-первых, информация о задержанных и добровольно явившихся дезертирах за неделю. Далее в остальных пунктах — данные об их дальнейшей судьбе: направленные в штрафчасти, запасные части или же переданные суду. А последние четыре пункта: количественный состав с момента осуществления контроля и до ознаменования недельной сводки.

Двухнедельная сводка построена по аналогичному принципу, однако содержит в себе более полные характеристики параметров недельной сводки (Таблица 3). К тому же в двухнедельной сводке были данные не только о добровольно явившихся и задержанных дезертирах, но и о тех, кто непосредственно дезертировал в период рассматриваемых двух недель. При всем при этом следует помнить, что сводки взаимосвязаны друг с другом, причем одна вытекает из другой, но с более полным анализом проблемы.

Таким образом, сводки позволяют нам проанализировать динамику дезертировавших и задержанных и сделать вывод о том было ли снижение роста дезертирства в рассматриваемый период. Первый параметр, характеризующий количество дезертировавших, позволяет сделать вывод лишь о небольшом уменьшении таковых в феврале в сравнении с январем, а именно на 23 человека. При этом зимние месяцы, не случайно взятые для рассмотрения, позволяют отвергнуть главную причину дезертирства — полевые работы и составить более точный отчет.

Количество задержанных дезертиров также очень интересно рассмотреть в динамике. Здесь можно увидеть, что если в начале января их число составляло 3006 человек, то к началу марта оно снижается практически на треть. Однако в этом сравнении важны слагаемые данных сумм. Безусловно, что в основе лежат добровольно явившиеся дезертиры, и их число чаще всего самое высокое. Но если в первой половине января оно составляло более двух тысяч человек, то к середине марта количество добровольно явившихся уменьшилось более чем в четыре раза.

Скорее всего, причинами такого числа добровольно явившихся в первой половине января можно назвать три предположения:

1. 13 декабря 1919 г. СРКО в отношении комиссии по борьбе с дезертирством принял следующие постановления. Первое предоставляло права Революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров всем без исключения губернским комиссиям. Второе постановление предоставляло уездным комиссиям право наложения наказания на укрывателей дезертиров. [5]

Таблица 1

Анализ недельных сводок (16 декабря 1919–23 февраля 1920) [2, л. 21, 31, 53, 98, 123, 147, 183]

Параметры	16–23 де- кабря 1919	1–7 ян- варя 1920	8–15 ян- варя 1920	16–23 ян- варя 1920	1–7 фев- раля 1920	8–15 фев- раля 1920	16–23 фев- раля 1920
1. Добровольно яви- лось	251	1374	1302	225	529	387	219
2. Задержано	93	127	203	357	568	343	183
3. Всего по гу- бернии	344	1501	1505	582	1697	730	402
4. Из них направ- лено в запчасти	0	0	62	27	54	135	81
5. Штрафные части	30	98	74	118	296	100	102
6. Предано суду	8	1	5	7	95	15	21
7. Вновь дезертиро- вало	31	71	14	253	14	106	65
8. Состоят на лицо в запчастях	793	813	875	902	994	1179	1260
9. Штрафчастях	89	193	267	385	828	928	1030
10. Предано суду	307	308	184	191	324	339	360
11. Направлено в свои части	16	13	67	1	29	0	0
12. Мобильпункт	290	1389	1297	350	514	436	198

Таблица 2

Анализ недельных сводок (24 февраля – 23 марта 1920) [3, л. 188, 220, 235, 257]

Параметры	24–29 фев- раля 1920	1–7 марта 1920	8–15 марта 1920	16–23 марта 1920
1. Сколько дезертировало из частей губернии	90	64	45	4
2. Сколько зарегистрировано за отчетный период дезертиров, задержанных и явившихся добровольно	393	504	557	754
А. по слабости воли	313	370	456	527
Б. злостных	80	134	101	226
3. Сколько дезертиров передано за отчетное время	348	504	557	717
А. запчасти округа	253	370	456	489
Б. караульчасти	0	0	0	0
В. части ВОХР	0	0	0	0
Г. Части, подчиненные Фронтармии	15	0	0	0
Д. Штрафчасти	80	предано суду 134	101	26

Таблица 3

Анализ двухнедельных сводок (1 января – 15 марта 1920) [4, л. 54, 99, 148, 184, 230]

Параметры	1–15 января 1920	16–31 января 1920	1–15 февраля 1920	16–29 фев- раля 1920	1–15 марта 1920
1. Сколько дезертировало из:					147
А. частей, подчиненных округу	72	253	175	108	131
Б. частей, подчиненных дей- ствующим армиям	37	10	15	40	12
В. частей, подчиненных войск вохр	6	0	13	4	4

2. Сколько всего задержано дезертиров на территории губернии	3006	1230	1827	795	1061
А. добровольно явилось	2676	470	916	262	519
Б. путем облав	0	21	59	83	99
В. на железных дорогах	28	29	135	30	28
Г. другими способами и случайно	302	710	717	420	415
3. Сколько дезертиров злостных, по слабости воли	178, 2828	310, 920	506, 132	200, 592	235, 826
4. Куда направлены					
А. Свои части	80	14	29	15	0
Б. Запасные части	62	65	239	334	826
В. Штрафные части	172	265	396	198	0
Г. тыловое ополчение	0	0	0	21	14
Д. мобилизационный пункт	2686	779	950	0	0
Е. предано суду	6	45	110	0	0, 221
Ж. Штрафчасти					
5. Сколько приговорено		0	0	129	0
А. расстрелу	20			0	
Б. условному расстрелу	14			0	
В. лишены свободы	?			95, 34	
Г. условное лишение свободы					
6. Сколько проведено облав и в каких пунктах	2 (Осинский)	19 (Пермский, Кунгурский)	6 (Пермский), 21 (Кунгурский), 12 (Чердынский)	1 (Кунгурский), 8 (Чердынский)	66 (Кунгурский), 10 (Оханский), 58 (Усольский)
7. Сколько было выездов трибунала на места, куда и место, результаты выездов	0	0	0	0	0
8. Сколько устроено митингов, собраний о дезертирах в волостях. Особо в воинских частях		0. 4	38, 19	18, 2	78, 3
9. Сколько было случаев применения конфискации имущества, лишения надела	0	0	1 (лишение надела)	0	11 (условно — 7)
А. дезертиров					
Б. укрывателей					
10. Сколько укрывателей было привлечено к повинности общественных работ	1	0	1	0	3
11. Сколько укрывателей дезертиров оштрафовано, на какую сумму	5000 руб.	0	0	0	0
12. На какие волости, села наложен штраф за укрывательство	100000 руб. (Воскресенская волость Кунгурского района)	0	0	100000 руб. (Урминская волость Кунгурского района), 250000 руб. (Басинская волость Осинского района)	0
13. Сколько маршрутов дезертиров отправлено на фронт, какой численностью состава со дня функционирования комиссии по число подачи сведений	0	0	0	0	0

14. Сколько дезертиров отправлено за отчетный период на фронт с указанием:	0	0	0	0	0
А. когда отправлены					
Б. сколько дезертиров отправлено					
В. номер наряда					
Г. какая неделя или в неплановый наряд					
15. Сколько привлечено должностных лиц за попустительство борьбы с дезертирством	0	0	1	1	0
1) Дезертир Комиссий					
2) сельских властей			1	1	
16. Сколько числилось за губкомдезертир за отчетное число дезертиров	0	0	0	194	0
17. Сколько осталось за губкомдезертир дезертиров	0	91	194	239	101

2. Встреча новогодних праздников в кругу семьи.
3. Результат пропагандистской работы.

При этом точного ответа на этот вопрос дать невозможно, поскольку нет четко обусловленной информации о происходивших моментах на данный период времени.

Помимо добровольно явившихся существовали и другие виды задержания дезертиров. Они не так многочисленны, однако имеют также важные особенности. Так, например, число задержанных путем облав неуклонно росло. Более того, это единственный показатель из всех видов, который можно охарактеризовать с точки зрения устойчивости значений. И это очевидно, поскольку задержание путем облав изначально не могло иметь под собой факта случайности, чем переполнены остальные пункты. Ведь облавы совершались целенаправленно, где базовая информация о количестве и месте укрывавшихся была изначально известна.

Обстоятельства деяний делили дезертиров на два вида: по слабости воли и злостные. Естественно, что перед сводкой стояла задача вычленив и соотнести по видам таковых. Результатом становилась вполне предсказуемая ситуация, когда дезертиров по слабости воли за практически каждый отчетный период становилось больше, нежели злостных дезертиров. Это обусловлено в основном

причинами дезертирства, которые имели под собой почву субъективного характера.

Так, следует подытожить момент характеристики количественных данных дезертировавших и задержанных за дезертирство. Информация в таблице имеет постоянно изменяющийся характер, поэтому при общем своем рассмотрении не позволяет говорить о значительном снижении роста дезертировавших. Хотя отдельные параметры дают более четкое представление. Так, например, соотношение пунктов «А» и «Б» в первом параметре при характеристике количества дезертировавших отдает преимущество пункту «А» (дезертировало из частей, подчиненных округу). И это не случайно, ведь причина близости дома изначально устанавливается как основная. В этом пункте можно увидеть более рост, а не снижение таковых при анализе числа дезертировавших.

Таким образом, невозможно сделать четкие выводы об изменении ситуации в пользу неумолимого падения количества дезертиров в 1920 г. Этот процесс был многофакторным и многосторонним. Его дальнейшее развитие часто зависело от качественного отношения к работе контролирующих структур, от личного подхода людей к дезертирству, а также наличия возможностей предотвращения данных явлений.

Литература:

1. Васильев, М. «Пока послужим... а потом убежим» Родина №2, 2011
2. ГАПК Ф р–29 Оп. 1 Д. 489
3. Там же
4. Там же
5. Никулин, В.В. «Уголовная ответственность за дезертирство в период гражданской войны в России (1918–1920 гг.)» История государства и права ЕвразЮж №8 (27), 2010 // www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_jcontentplus&view=article&id=1134:–19181920

Некоторые вопросы экологической истории Узбекистана во второй половине XX и начале XXI века

Давлетов Санжарбек Ражабович, кандидат исторических наук, доцент, проректор
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

На данном этапе развития человечества мировое сообщество стал беспокоить рост экологических проблем, изменение природной экосистемы, сокращение биологического разнообразия, угроза глобального изменения климата, аварии на промышленных объектах, и как следствие, негативное влияние хозяйственной и другой деятельности на окружающую среду и на здоровье людей. Воздействие человека на природу привело к противоположному влиянию природы на условия существования человека. В результате этого двоякого взаимодействия человека и природы в мире появились многообразные проблемы.

Среди актуальных проблем истории Узбекистана вопрос изучения истории окружающей среды занимает приоритетное место. С научно-практической точки зрения объективность рассмотрения данной проблемы определяется важностью решения программных задач, особенно в достижении перехода всего человечества к устойчивому развитию. Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов выступая на пленарном заседании Саммита ООН «Цели развития тысячелетия», 20 сентября 2010 года, отметил: «Огромное значение для достижения целей, поставленных Декларацией тысячелетия, особенно в условиях современных аномальных природных изменений, приобретает защита экологии и сохранение окружающей среды» [1, с. 20.09.2010. <http://www.press-service.uz>].

Действительно, социальная значимость экологических проблем планеты включая исторические особенности всех исследований чётко и ясно предопределяет их экологическую направленность. Вследствии этого экологическая история стала одним из быстро развивающихся направлений современной исторической науки.

Как известно в годы Советской власти в результате неправильной административно-бюрократической политики, ошибочные подходы к размещению и развитию производительных сил стали причиной экологически критической ситуации в Узбекистане. Проведение экономической политики, основанной на идеологии КПСС, привело к хлопковой монокультуре, нанесло ущерб природе и жизни людей. Высохло Аральское море, загрязнены водные ресурсы Амударьи и Сырдарьи, орошаемые земли. Затруднено обеспечение питьевой водой население. Из-за не внимательного отношения к экологическим проблемам ухудшилось уровень социальная жизнь, обострились разного рода заболеваний, что привело к негативным последствиям.

Недаром И. А. Каримов отмечал что, нам в наследство досталась экономика «от прошлой советской системы с ее односторонней гипертрофированной сырьевой направленностью, разрушительной монополией на производ-

ство хлопка-сырца, примитивной производственной и социальной инфраструктурой и практически самым низким душевым потреблением населения» [2, с. 21.01.2011. <http://www.press-service.uz>].

Суть экономической политики Центра по отношению к Узбекистану в 1950—80-е годы отличалась стремлением к максимальной эксплуатации природных богатств. Таким образом, если ранее основное внимание было направлено на непрерывное присвоение сырьевой базы сельского хозяйства, то теперь после создания необходимых материально-технических условий, наряду с присвоением сельскохозяйственной продукции, начался процесс присвоения природных ресурсов.

Необоснованность программ планирования размещения и развития производственных сил и вопросов их реформирования с точки зрения экономических законов усилила социально-экономическое и экологическое обострение различных процессов внутри республики. В разработанной комитетом по изучению производительных сил при Госплане СССР в 1983 году «Генеральной схеме размещения производительных сил в СССР в период до 2000 года» особо указано «...превращение проблемы водных ресурсов в важный фактор прогресса и усиление ее роли в антропогенных и производственных факторах охраны окружающей среды в прогнозируемый период». В частности, в этом документе подчеркнуто ухудшение положения использования водных ресурсов в Центральной Азии в 1990-е годы [2, с. ф. 89, оп. 41, д. 2, л. 5].

Как следствие непрерывного развития хлопководства в условиях повышения урожайности хлопка в 5,5 раза в период с 1946 по 1985-е годы посевные площади с 841 тысячи гектаров повысились до 1989,8 тысяч гектаров [2, с. 103]. К середине 1980-х годов удельная доля хлопка достигла 75%, а в некоторых областях и выше. Хотя, согласно общепринятой мировой практике, для восстановления нормального состояния плодородия земель территория посевных площадей не должна превышать 60%. Однако это не сильно заботило «Центр». В результате Узбекистан под тяжестью политики хлопковой монокультуры в условиях полной мобилизации всех возможностей для повышения урожайности хлопка был вынужден ежегодно выполнять все более возрастающие планы Центра по заготовке хлопкосырца.

Таким образом, возник целый комплекс социально-экономических проблем, обусловленный острыми противоречиями между сформированной по указке Центра системе ведения народного хозяйства и реальными условиями и возможностями экосистем различных территорий республики.

С приходом к руководству республикой И. А. Каримова в конце 1980-х годов, по его инициативе произошли ощутимые изменения в сфере сельского хозяйства. В частности был предпринят ряд шагов по улучшению мелиоративного состояния земель, ликвидации политики монокультуры хлопка. 17 августа 1989 года на расширенном заседании правительства республики под председательством И. А. Каримова в городе Ташкенте был принят указ по выделению населению личных приусадебных участков. В результате в 1989–1990-е годы более 1,5 миллиона семей расширили свои приусадебные участки и 700 тысяч семей получили новые земли под эти участки [2, Б. 12]. Расширение территории приусадебных хозяйств и превращение его в одно из приоритетных направлений аграрной политики создало условие для коренных изменений в сельском хозяйстве. Площадь посевных хлопчатника в 1990 году уменьшилась на 307 тысяч гектар по отношению к 1988 году, а план государственного заказа по производству хлопкового волокна сократился на 210 тысяч тонн [2, с. 237]. К 1991 году площадь хлопчатника уменьшилась на 22% [2, с. 2]. Таким образом, было положено начало улучшению жизни населения и решению целого ряда социальных проблем.

Республика Узбекистан, получившая свою государственную независимость, также унаследовала ряд экологических проблем. В прошлом достижение поставленных экономических задач во многих случаях имело первоочередной характер и определило декларативность и формализм мер по сохранению окружающей среды. В годы независимости в республике основное внимание стало уделяться формированию и защите окружающей среды, благоприятствующей человеческой деятельности и защите здоровья людей.

В результате осуществления масштабных структурных преобразований, сегодня в стране создана система эффективной экологической безопасности, основанной на нормах международной правовой практики, достижениях современной науки, техники и технологии. Эта система экологической безопасности является неотъемлемой частью национальной безопасности Республики Узбекистан. Экологическая политика страны в полном смысле сформировалась как отдельный политический институт. С первых дней независимости уделяется внимание сохранению здоровой экологической среды для нынешнего и будущих поколений. Большой вклад в этом направлении внесли ученые и специалисты различных сфер деятельности, которые провели множество исследований и изысканий.

За годы независимости полностью изменился облик страны из односторонне развитой и ориентированной на сырьевые ресурсы экономики с самым низким уровнем потребления на душу населения и отсталой производственной и социальной инфраструктуры в одну из динамично развивающихся современных экономик, достижения и приоритеты развития которой были озвучены в целях развития Декларации тысячелетия.

Сегодня в республике в целях укрепления основ устойчивого развития осуществляется комплекс мер, направленных на оздоровление социально-экологической ситуации в стране. За годы независимости ощутимо вырос объем инвестиций, направленных на осуществление мероприятий по сохранению природных ресурсов и рационального их использования [2, с. 205]. В результате улучшилось качество окружающей среды на территориях с высоким уровнем опасности для здоровья человека, и экосистема стала более устойчивой. Проводится эффективная работа в регионах Приаралья по оздоровлению экологической ситуации, созданию малых водных бассейнов, по строительству водопровода. За последние 20 лет выброс загрязняющих отходов в атмосферу сократился в 2,1 раз, в 2 раза снизился уровень токсичных вод. В частности, сократился объем выброса ядовитых отходов из важных источников в атмосферу с 1,3 млн тонн до 0,6 млн тонн в год, сток загрязненных вод сократился за год с 394 млн м³ до 119,4 млн м³, образование твердых бытовых отходов в последние 10–12 лет — с 9,51 тонн до 3,98 тонн [2, с. 6]. Выросли посевы зерновых, бобовых, овощей, бахчевых [2, с. 2010. — 28 май]. В настоящее время общая площадь хлопковых посевов не превышает 40%.

Развиваются национальные заповедники, парки, заказники и экологические центры. С первых лет независимости особое внимание обращалось на сохранение биологического разнообразия. В частности, укреплен материально-техническая база 9 государственных заповедников (общая площадь 2164 км²), 2 национальных парков (6061 км²), 9 заказников (12186,5 км²) и одного Республиканского центра по увеличению количества редких видов животных.

Несмотря на то, что сегодня принимаются меры по сохранению окружающей среды имеется угрозы экологической безопасности страны которые классифицируются по степеням: глобальная, региональная, национальная и местная. Комплекс экологических опасностей и проблем играет важную роль в определении основных стратегических направлений обеспечения экологической безопасности, предотвращения и устранения экологических угроз.

Приоритетными стратегическими направлениями обеспечения экологической безопасности Республики Узбекистан являются:

1. Рациональное и комплексное использование природных ресурсов, в том числе водных, земельных, минерально-сырьевых, биологических.
2. Снижение уровня загрязнения окружающей природной среды по всей территории республики до экологически-гигиенических и санитарных норм.
3. Принятие комплексных мер по обеспечению локализации, восстановлению и оздоровлению экологического состояния в зоне экологического бедствия — Приаралье, а также в других экологически неблагоприятных территориях страны.

4. Обеспечение населения республики качественной питьевой водой, продуктами питания, лекарственными средствами.

5. Внедрение экологически чистых и ресурсосберегающих технологий.

6. Развитие научно-технического потенциала и использование достижений науки и техники в сфере экологии.

7. Совершенствование и дальнейшее внедрение экономического механизма регулирования взаимодействия государственных органов различных уровней и природо-пользователей, включение экологических требований в процедуру оценки социально-экономической эффективности принимаемых управленческих решений.

8. Создание экспериментальных экологических зон устойчивого развития.

9. Создание единой системы экологического мониторинга, прогноза и информации.

10. Совершенствование служб контроля и защиты территории республики от трансграничного загрязнения окружающей среды.

11. Предупреждение и ликвидация последствий экологических катастроф, бедствий, чрезвычайных ситуаций аварий.

12. Формирование Центрально азиатской региональной системы экологической безопасности.

13. Развитие и совершенствование системы экологического образования, культуры и воспитания населения.

14. Углубление сотрудничества с мировым сообществом в решении экологических проблем.

По мере последовательного и поэтапного осуществления в Узбекистане социально-экономических, об-

щественно-политических реформ в соответствии с избранной страной «Узбекской модели» государственного и общественного строительства на первый план выдвигается задача усиления роли граждан в управлении страной. Сегодня, институты гражданского общества, имеющие в своих рядах свыше 5300 ННО, становятся важным фактором защиты демократических ценностей, прав, свобод и законных интересов людей, а также одним из важнейших элементов обеспечения эффективной обратной связи государства с обществом, выявления отношения людей к проводимым в стране преобразованиям. Они создают условия для реализации гражданами своего потенциала, повышения их общественной, социально-экономической активности, правовой и экологической культуры.

Одним из массовых движением, завоевавшим широкую поддержку общественности, является Экологическое движение Узбекистана (Экодвижение), созданное в 2008 году с целью охраны окружающей среды и здоровья людей.

С учетом глобального характера экологических проблем, значимости для всех слоев населения вопросов охраны окружающей среды, здравоохранения, решение которых является целевыми задачами Экологического движения Узбекистана, в 2008 году в законодательство республики введена норма, предусматривающая предоставление этому движению 15 депутатских мест в Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

На сегодняшний день во всех регионах республики успешно действуют подразделения Экодвижения, которые смогли консолидировать потенциал и ресурсы 125 местных экологических ННО, 130 ННО, специализирующихся на вопросах защиты здоровья населения.

Литература:

1. Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на пленарном заседании Саммита ООН «Цели развития тысячелетия». 20.09.2010. <http://www.press-service.uz/ru/news/show/vistupleniya>.
2. Доклад Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова на заседании правительства по итогам социально-экономического развития страны в 2010 году и важнейшим приоритетам на 2011 год. 21.01.2011. <http://www.press-service.uz/ru/news/show/dokladi>.
3. РГАНИ, ф. 89, оп. 41, д. 2, л. 5.
4. Народное хозяйство Узбекской ССР в 1985 г. Т., 1986. — с. 103.
5. Каримов, И. Ўзбекистон мустақилликка эришиш остонасида. — Тошкент: Ўзбекистон, 2011. — Б. 12.
6. Народное хозяйство Узбекской ССР в 1990 г. — Ташкент: Узбекистан, 1991. — с. 237.
7. Икрамов, А. Поднять эффективность сельской экономики // Сельское хозяйство Узбекистана. — Ташкент, 1991. — № 7. — с. 2.
8. Ўзбекистон Республикаси йиллик статистик тўплами, 2007. Тошкент, 2008. — Б. 205.
9. Текущий архив Госкомприроды РУз. Папка №31: Доклады выступления. Алиханов Б. Атроф-мухит мухофазаси — биз учун шарафли меҳнат. 2009. — Б. 6.
10. Отажонов, Ж., Самойлов С. Самара жадал ҳаракат ҳосиласидир // Жамият. — Тошкент, 2010. — 28 май.

Влияние Василия Великого на рост личностного начала в духовной культуре Руси XIV века — первой половины XV века

Давыдов Алексей Юрьевич, аспирант

Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Главным историческим событием в жизни Руси второй половины XIV века и первой XV века была победа на Куликовом поле. В 1380 году московский князь Дмитрий Иванович, собрав многочисленное войско почти всех русских княжеств, сумел дать отпор золото — ордынской армии Мамаю. Победа русских воинов на Куликовом поле убедила многих князей о необходимости объединения под началом Москвы, т. к. именно Москва организовала сопротивление Золотой Орде. Академик Д. С. Лихачев подчеркивал, что «именно здесь, у Непрядвы и Дона, решался вопрос о том, вокруг какого княжества объединяться русскому народу. Ни изменившая Рязань, ни медливший с посылкой своих войск Новгород, ни какой-либо другой центр не получили в глазах всего населения такого общерусского авторитета, как Москва» [3].

Куликовская победа подняла национальное самосознание, страна стала выходить из оцепенения чужеземного ига, когда, по выражению летописца, и «хлеб не шел в рот от страха». Победа была результатом не только экономического роста и воинской доблести, но и «роста культурного и общенародного» [3]. Но, самым важным являлось то, что победа на Куликовом поле была победой нового христианского мировоззрения. Вера христианская была символом Земли Русской, воплощением Родины.

После победы на Куликовом поле начинается медленный, но неуклонный процесс объединения русских земель вокруг Москвы. Этот процесс проходил не безболезненно, т. к. утрата самостоятельности была не по душе очень многим князьям. Однако к концу XV века Московия представляла собой довольно мощное государство, с которым теперь уже приходилось всерьез считаться западному миру.

Процесс создания единого мощного государства заключался не только в укреплении военных, политических и экономических позиций. Христианское мировоззрение, ставшее прочной основой духовной культуры Руси, являлось фундаментом создания сильного государства. Именно в духовной сфере русичи того времени видели основу единого и мощного государства. Духовно-нравственные идеи христианства были осознаны и восприняты на Руси, как главный источник нравственной и физической силы.

Важным событием этого исторического периода является перенос в первой половине XIV века митрополитом Петром митрополичьей кафедры из Владимира в Москву. Москва становится главным духовным центром «всей Руси». Митрополит московский продолжает именоваться митрополитом «Киевским и всяя Руси», а князь московский наследует титул Великого князя.

Для русской духовной культуры это было время выдающихся духовных деятелей, князей — воинов, книжников и живописцев, среди которых на первых местах стоят Сергей Радонежский, князь Дмитрий Донской, митрополит Алесей, Стефан Пермский, митрополит Киприан, Епифаний Премудрый, Андрей Рублев, Феофан Грек.

По определению академика Д. С. Лихачева главной чертой культуры этого исторического периода был рост личностного начала: «В отличие от Западной Европы, где этот процесс был связан с общим обмирщением культуры и ослаблением церковности, на востоке и юго-востоке Европы рост личностного начала совершался внутри самой церковной культуры. Церковь здесь продолжала иметь огромное значение — особенно в борьбе с иноверными завоевателями» [3].

С середины XIV века происходит восстановление культурных связей с балканскими странами. На Руси появляется большое количество переводной литературы из Византии, Болгарии, Сербии, и русские читатели получают возможность познакомиться с сочинениями выдающихся византийских философов и богословов.

Основная часть переводов этого времени была рассчитана на индивидуальное чтение. Особое значение имело появление в XIV веке переводов философа и богослова Дионисия Псевдоареопажита с комментариями к ним Максима Исповедника, полемических сочинений Давида Дисипата, а также важного памятника византийской культуры XI века — Диоптры (Душезерцательное зеркало) Филиппа Пустынника. На Руси появляются ранее не известные в славянской традиции сочинения отцов церкви и византийских мистиков: Василия Великого, Исаака Сирина, Григория Синаита, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова, Иоанна Златоуста и т. д. [3]

Как отмечал Д. С. Лихачев, борьба с чужеземным игом и нашествиями захватывала народные силы, но общение между странами, восстанавливавшееся во второй половине XIV и первой половине XV века, открывало доступ новым идеям. В этот исторический период Русская духовная культура получила новый мощный импульс из Византии.

Известный ученый, крупный специалист по древнерусской и византийской литературе Г. М. Прохоров писал: «Русь восприняла второе в своей истории и последнее великое по своему значению влияние византийской культуры... Свое второе влияние Византия не смогла бы, не имела бы сил и средств оказать, если бы на Руси не существовала общественная потребность в том, что Византия могла ей дать, и общественная среда, готовая

и способная послужить проводником этого влияния» [5, с. 3]. Русь никогда не смирялась с владычеством «беззаконных татар». Летописные источники свидетельствуют о том, что это особенно ярко выразилось в середине 70-х гг. XIV века в момент раскола в Орде, в открытом «розмирии» московского и владимирского великого князя Дмитрия Ивановича «с тотары и с Мамаем». Это было первым «всероссийским» вызовом монголо-татарам. Этот вызов был обеспечен большой внутренней работой, имевшей результатом культурный и политический подъем страны и рост ее духовных потребностей.

Если главным результатом первого византийского влияния была трансплантация средневековой книжной культуры в новый для нее регион, несколько поверхностная христианизация Руси как страны в целом, то главным объектом второго влияния оказались сознание и духовная жизнь отдельного, каждого человека.

Апелляция к личности каждого человека и дала Руси добавочные духовные силы для разрыва, «розмирия» с Ордой и для увенчавшей это «розмирие» победы в битве с Мамаем на Куликовом поле [5, с. 4].

Духовные силы культуры Руси XIV — начала XV вв. были ориентированы на нравственную сферу, на индивидуальное духовное совершенствование. Оценка личных качеств человека и всей его деятельности основывалась, прежде всего, на нравственных идеях христианства. Одним из важнейших показателей духовности и нравственности являлась добродетель, которая представляла весь комплекс активных позиций человека.

Важным моментом являлось то, что древнерусская культура была основана не на принципе «создания», ибо все уже создано Богом, а на принципе воссоздания человека, обращения к его душе. Ступенями этого обращения являлись Священное Писание, творения Отцов Церкви, возводящие человека к Богу [1, с. 10]. С появлением на Руси ранее не известных переводов Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и многих других византийских философов и богословов, русские духовные деятели и просто читающая публика получили возможность более глубокого понимания идей христианства. Изучение творений отцов церкви помогало понять внутренний мир человека, анализировать человеческую деятельность с точки зрения «пользы для души», добродетелей. Святитель Василий Великий писал: «Упражнение в добродетели уподобляется лестнице, той именно лестнице, которую видел некогда блаженный Иаков, одна часть которой была близка к земле и касалась ее, а другая простиралась даже выше самого Неба. Посему вступающие в добродетельную жизнь должны сперва утвердить стопы на первых ступенях и с них непрестанно восходить выше и выше, пока, наконец, через постепенное преспеяние не взойдут на возможную для человеческого естества высоту. Посему как первоначальное восхождение по лестнице есть удаление от земли, так и в жизни по Богу удаление от зла есть начало преспеяния» [6, с. 466].

Труды византийского богослова и философа, архиепископа Кессарии Каппадокийской Василия Великого (330–379) были известны на Руси уже в первые века по принятии христианства. Этому свидетельствуют «Поучение» Владимира Мономаха, «Слова» и «Поучения» Серапиона и других духовных деятелей и проповедников. Творения Василия Великого были на Руси не только в виде переводов, но и читались в оригинале, по-гречески. Летописные источники свидетельствуют о том, что многие духовные деятели, летописцы и книжники изучали греческий язык с целью самостоятельного прочтения текстов Священного Писания и святоотеческих произведений. Переводами с греческого занимался великий князь киевский Ярослав Мудрый (978–1054), новгородский епископ Лука Жидята (1035–1059), епископ Кирилл Туровский (1130–1182) митрополит московский Алексий (1354–1378), агиограф Сергия Радонежского и Стефана Пермского Епифаний Премудрый (ум. ок. 1420), Епископ Стефан Пермский (1340–1396), Пахомий Логофет (ум. после 1484).

Воззрения Василия Великого служили ценным источником для более глубокого понимания нравственных идей христианства, что в значительной степени обогащало духовный мир русских читателей и книжников и помогало найти ответы на многие важные вопросы времени.

Доктор церковной истории, проф. А. И. Сидоров называет «Нравственные правила» Василия Великого «руководством для всех христиан»: «Писание, по мысли автора, определяет всю жизнь христиан как учеников Господа и служит не только путеводителем в вероучительных вопросах, но и позволяет нам ориентироваться в здешнем временном бытии: «По признакам, объявленным нам в Писании, узнавая о настоящем времени, каково оно, и соображаясь с сим, должно располагать свои дела» (Правило 17)» [14, с. 71].

Василий Великий призывал к тому, чтобы каждый человек умел оценивать свои помыслы и поступки с христианских позиций: «...надобно, чтобы ум уподоблялся весам, неуклонно определяющим вес каждого поступка.... Судятся ли лицемерие и искренность, мужество и трусость, благоразумие и неблагоразумие, справедливость и неправда, целомудрие и своеволие, короче сказать, судится ли всякая другая добродетель со всяким другим пороком? Тогда-то именно и покажи правоту суда в потаенном судилище души твоей, и, заповедь соделав как бы заседающей с тобою в суде, окажи себя ненавистником лукавства, отвращающимся грехов и предпочитающим добродетели» [9, с. 981].

«Упражнение в добродетели» Василий Великий считал «драгоценным достоянием для того, кто имеет, и самым приятным зрелищем для того, кто видит» [13, с. 892]. Но «упражнение в добродетели» не должно быть ради собственной славы: «Столько прилагай старание не быть прославляемым от людей, сколько другие стараются быть прославляемыми, если только помнишь, что Христос называет ущербом награды, получаемой от Бога, произ-

вольное выказывание себя перед людьми и делание добра с тем, чтобы видели это люди. Ибо о таковых сказано: восприемлют мзду свою (Мф. 6, 2)». Святитель подчеркивал, что «Бог — великий зритель: ищи славы пред Богом, потому что Он воздает славную награду».

Призывая оставить «пагубное надмение гордыни» и снизойти до «спасительного смиренномудрия», Василий Великий, формулирует правила христианской жизни: «Будь добр с другом, кроток с слугою, непамятозлюбив на дерзких, человеколюбив к смиренным, утешай злосчастных, посещай болезнующих, совершенно никого не презирай, приветствуй с приятностию, отвечай с светлым лицом, ко всем будь благосклонен, доступен, не пускайся в похвалы себе самому, не вынуждай и других говорить о тебе, не принимай неприличного слова, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, а в грехах сам себя обвиняй и не жди обличения от других, чтобы тебе, по примеру праведного, быть себе самого оглагольником в первословии (Притч. 18, 17); чтобы уподобиться Иову, который не посрамился народного множества, еже не поведати пред ними падение свое (Иов. 31, 34)». Тот, кто «удостоен первенства» должен быть равен с подчиненными, «ибо кто хочет быть первым, тому Господь повелел быть рабом всем (Мк. 10, 44)» [11, с. 1041 1042].

Важно понять самого себя, свои помыслы и желания, чтобы уметь дать «плоти — пропитание и покровы, а душе — догматы благочестия, благопристойное поведение, упражнение в добродетели, исправление страстей» [7, с. 885].

«Внемли себе, то есть душе своей, — пишет Василий Великий в беседе «На слова: «Внемли себе»», — ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностью предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей пороком, очистить ее от всякого греховного срама, украсить же и просветить ее всякою красотою добродетели» [7, с. 884].

Главными носителями нравственных идей христианства на Руси в XIV — начале XV вв., как и в начальный период татаро-монгольского нашествия, являлись герои — князья, духовные пастыри и проповедники. Правила христианской жизни Василия Великого находят свое отражение в «Житиях» Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского, в жизненной позиции Епифания Премудрого.

В «Слове о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» уже в самом начале указывает на то, что «воспитан же был он в благочестии и в славе, с наставлениями душеполезными, и с младенческих лет возлюбил Бога» [16].

Все внимание автора «Слова» сосредоточено на духовно — нравственном облике Дмитрия: «...еще юн был он годами, но духовным предавался делам, праздных бесед не вел, и непристойных слов не любил, и злонаправленных людей избегал, а с добродетельными всегда беседовал. И Священное Писание всегда с умилением он слушал, о церквах Божьих усердно заботился». Дмитрий

«усердствовал в духовных делах», и хотя он «не изощрен был в книжной премудрости, но духовные книги в сердце своем держал». Тело свое сберег чистым до женитьбы и в браке соблюдал чистоту телесную: «Кто воспринял честь законной супружеской жизни, а прежде вступления в брак чистоту сохранил, те, по Василию Великому, с Авраамом вводятся в небесные чертоги, — не то, что люди мертвые, прежде смерти скончавшиеся». Дмитрий был всегда приветлив и спокоен, никого не оскорблял, помогал нуждающимся. Он отличался мудростью и прозорливостью, был скромн — «очи всегда опускал к земле, из которой и взят был, душу же и ум обращал к небу, где и подобает ему пребывать» [16].

Бедствия, обрушившиеся на Русь, рассматриваются летописцами XIV века, как божья кара за грехи. Ненависть и алчность, братоубийственные войны и ложь являются нарушением основных христианских заповедей. Призыв летописцев XIV века к раскаянию и исполнению христианских заповедей является как бы продолжением «Слов» и «Поучений» монаха Киево-Печерской лавры Серапиона (1274). «Правду отринули, любви не имее, зависть и лесь процветают в вас, и вознесся ваш разум», — писал Серапион еще в XIII веке, призывая к покаянию и борьбе с грехами. «Лучше, братья, отстанем от злого, прекратим все злодеянья: разбой, грабежи, пьянство, прелюбодейство, скряжничество, ростовщичество, обиды, воровство, лжесвидетельство, гнев и ярость, злопамятство, ложь, клевету» [15].

Скорби, как и благоденствие, являются испытанием души. Василий Великий в беседе «На слова Евангелия от Луки: «Разорю житницы моя и большие созижду» (Лк. 12, 18); и о любостыжательности» пишет, что есть «два рода искушений»: «...или скорби испытывают сердца, как золото в горниле, в терпении открывая их доброту, или нередко самое благоденствие жизни служит для многих вместо испытания. Ибо одинаково трудно — сохранить душу не униженною в затруднительных обстоятельствах жизни и не превознестись гордостью в положении блистательном» [8, с. 912].

Все величие души русских людей раскрылось в тяжелый период испытаний и, по глубокому убеждению летописца, явилось главной причиной победы в Куликовской битве.

Святитель Василий Великий в письме к воину указывал на то, что «и в военной жизни можно сохранить совершенство любви к Богу, и что христианин должен отличаться не покроем платья, но душевным расположением» [12, с. 612]. Главная причина победы — это не только личный талант полководца, но и его благочестие, высокая нравственность и духовная сила. «Дмитрий же доблестен был и добр нравом, велик в своем величии, решителен в добродетельных деяниях» [16]. Именно такой человек, в понимании русичей XIV века, мог сплотить русских князей воедино, стать победителем огромных полчищ «поганого Мамая», национальным героем, защитником православной веры и русской земли.

«Жития» Сергия Радонежского и Стефана Пермского были написаны их учеником, известным книжником начала XV века, талантливым писателем, Епифанием Премудрым.

О жизни самого Епифания известно немного. Произведения Епифания являются основным источником, из которого черпаются немногочисленные сведения о его жизни. Исследователи указывают на то, что некоторые выражения в «Похвальном слове Сергию» дали основание предполагать, что Епифаний побывал в Византии, где, очевидно, выучил греческий язык, знакомство с которым обнаруживается в его сочинениях. Последние годы жизни писатель провел в Троицкой лавре, где и умер, между 1418 и 1422 гг. «Житие Сергия Радонежского» Епифаний написал уже на склоне жизни, через 26 лет после смерти Сергия, в 1417–1418 гг. [2]. Для того, чтобы написать этот труд, Епифаний в течение двадцати лет собирал документальные данные, воспоминания очевидцев и свои собственные записи.

В самом начале «Жития» Сергия Радонежского Епифаний пишет об основной цели своего повествования: «Если же будет написано житие, то, услышав о нем, кто-нибудь последует примеру жизни Сергия и от этого пользу получит» [2].

Примечательно, что «Житие» Сергия Радонежского, как и «Житие» Стефана Пермского, Епифаний Премудрый начинает с наставления Василия Великого: «Ведь пишет Великий Василий: «Будь подражателем праведно живущим и их жизнь и деяния запечатлей в сердце своем». Видишь, как повелевает он жития святых писать — не только на пергамене, но и в сердце своем пользы ради, а не скрывать и не таить: ведь тайну цареву следует хранить, а дела Божьи проповедовать — дело доброе и полезное» [2].

В беседе «На день святого мученика Гордия» Василий Великий подчеркивает, что при описании жизни «доблестных мужей» очень важно «не уподобляться живописцам», т. е. «не уклоняться от подлинника» и не искажать истину [10, с. 1022].

Описывая личные качества Сергия, — великую любовь к людям, милосердие, доброжелательность, кротость и аскетический образ жизни, Епифаний акцентирует внимание на активной деятельности Сергия на благо людям.

«Вообще же, всякое бездействие гораздо легче какого бы то ни было дела, — пишет Василий Великий. Например, не убий, не прелюбы сотвори, не укради (Исх. 20, 13–15); каждая из сих заповедей требует только бездействия и неподвижности. Возлюбиши искренняго твоего яко сам себе (Мф. 19, 19); продаждь имение твое и даждь нищим (Мф. 19, 21); аще кто тя поймет по силе поприще едино, иди с ним два (Мф. 5, 41) — вот уже действия, приличные подвижникам, и к совершению их потребна уже душа мужественная» [6, с. 466].

Сергий основывает большой общежительный монастырь, Троицкую лавру, которая выполняла функции важного духовного центра на протяжении многих сто-

летий; занимается миротворческой, просветительской и благотворительной деятельностью, воспитывает многих последователей. Сергей выступает учителем нравственности, как для иноков своего монастыря, так и для светского населения. Он благословляет князя Дмитрия Ивановича и всех его воинов на Куликовскую битву.

По словам Епифания, облик Сергия Радонежского так полно выражал его духовную сущность, что многие приходившие к нему люди, получали радость и пользу не только от его проповедей, но и от одного лицезрения Сергия.

Стефан Пермский был одним из самых образованных людей своего времени. С детства он отличался острым умом и стремлением к постижению книжной мудрости. Желая читать творения святых отцов в подлиннике, он изучил греческий язык и владел им в совершенстве. Стефан выучил язык зырян (народов коми), перевел на него библейские книги и создал зырянскую азбуку. Делом всей его жизни стало просвещение зырян и обращение их в христианство.

Святитель Василий Великий наставлял: «Подражай земле, человек: приноси плоды, как она, чтобы не оказаться тебе хуже неодушевленной (земли). Она возрстила плоды не для своего наслаждения, но на служение тебе. А ты, если и явишь плод благотворения, то соберешь его сам для себя; потому что благотворность добрых дел возвращается к дающим» [8, с. 914].

Благочестие и бесстрашие Стефана, непоколебимая твердость характера, а так же его убедительные проповеди на родном для зырян языке — всё это располагало к нему язычников, и многие из них обращались в христианскую веру. Он собственноручно уничтожал языческих идолов и строил храмы для богослужений. Всей своей деятельностью Стефан утверждал новые для зырян духовно-нравственные идеалы. Он был воином, но воином Христовым, главным оружием которого были христианские заповеди. Мудростью и терпением, а главное — любовью к новообращаемым, Стефан заслужил их признание и любовь [4].

«Кто любит ближнего, тот исполняет свою любовь к Богу», — писал Василий Великий. Проф. А. И. Сидоров приводит по этому поводу высказывание современного психолога К. Е. Скурата: «Основная заповедь для аскетов — любовь. И от напряженной, закаленной в подвиге любви ожидал Св. Василий Великий мир для мира. Может быть, с особенной силой он настаивал на выполнении этой заповеди именно в противоположность тому раздору и распаду, который видел кругом и в среде христианской и о котором не раз говорил с болью и горечью» [14, с. 73].

Проф. А. И. Сидоров отмечал, что в творениях Василия Великого, особенно в нравственно-аскетических письмах, особенно четко проступают те характерные черты личности св. Василия, которые верно подметил русский ученый В. Георгиевский: «Строгий аскет, великий подвижник духа, он, разумеется, стоял целою головою выше того нравственного уровня, до которого достигала современная ему жизнь; обличаемые им пороки,

которые составляли камень преткновения немощи человеческой, увлекшейся их минутною прелестью, были не страшны, не соблазнительны для него самого; для него это были как бы детские увлечения, которые он давно победил в себе, подчинил строгому голосу рассудка и закона Божия и всю пустоту, суетность и ничтожность которых он видит со всею ясностью. Для него только одна добродетель представляет нечто устойчивое и постоянное, чуждое превратности и мимолетности житейских интересов, — это единственное, истинное и вечное сокровище духа, неотъемлемое даже смерти; только она одна может и должна быть достойной задачей человеческой жизни и деятельности» [14, с. 87].

Творения Василия Великого, значительная часть которых была всецело ориентирована на вопросы духов-

но-нравственной жизни христианина, оказали большое воздействие на формирование личностного подхода в духовной культуре Руси XIV — начала XV веков.

Русские летописцы и книжники XIV — начала XV веков создали образы высоконравственных и духовно прекрасных людей, жизнь которых на протяжении многих столетий и по сей день является образцами для подражания.

«Самим же праведникам не нужно приращение славы, — писал Василий Великий в одной из своих бесед, — но нам, которые еще в этой жизни, необходимо памятование для подражания. Как за огнем само собою следует то, что он светит, и за миром — то, что оно благоухает, так и за добрыми делами необходимо следует полезное» [10, с. 1022].

Литература:

1. Башкиров, Д. Л. Шпаковский И. И. Лекции по истории литературы Древней Руси. Минск: БГУ, 2008. 423 с.
2. Житие преподобного и Богоносного Отца нашего, игумена Сергия чудотворца. Написано Премудрейшим Епифанием. Подготовка текста Д. М. Буланина, перевод М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина, комментарии Д. М. Буланина: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4989> (дата обращения 20. 04. 2014).
3. Лихачев, Д. С. Литература времени национального подъема: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4882> (дата обращения 21. 04. 2014).
4. Муравьев, А. Н. Житие святого Стефана, первого епископа пермского: [Электронный ресурс] // URL: http://dugward.ru/library/muravyev_andrey/muravyev_stefan_permskiy.html (дата обращения 21. 04. 2014).
5. Прохоров, Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы: Труды Отдела древнерусской литературы/Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. Т. 34: Куликовская битва и подъем национального самосознания. 413 с.
6. Святитель Василий Великий. Беседа на первую часть первого псалма // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
7. Святитель Василий Великий. Беседа 3 «На слова «Внемли себе» (Втор. 15, 9)» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
8. Святитель Василий Великий. Беседа 6 «На слова Евангелия от Луки: «Разорю житницы моя и большая созижду» (Лк. 12, 18); и о любостыжательности» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
9. Святитель Василий Великий. Беседа 12 «На начало книги Притчей (Притч. 1, 1–5)» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
10. Святитель Василий Великий. Беседа 18 «На день святого мученика Гордия» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
11. Святитель Василий Великий. Беседа 20 «О смирennemудрии» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
12. Святитель Василий Великий. Письмо 106 (102) «К воину» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. т. 2. 1230 с.

13. Святитель Василий Великий. Письмо 277 (269) «К Максиму Схоластику» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2009. т. 2. 1230 с.
14. Сидоров, А. И. Святитель Василий Великий. Жизнь, церковное служение и творения. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т. 1. 1135 с.
15. Слова и поучения Серапиона Владимирского. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с. URL: <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (дата обращения 20. 04. 2014).
16. Слово о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского. Подготовка текста, перевод и комментарии Салминой М. А.: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб: Наука, 1999. Т. 6: XIV — середина XV века. 583 с. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4985> (дата обращения 20. 04. 2014).

Благодарненский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом

Забелин Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, доцент
Северо-Кавказский социальный институт (г. Ставрополь)

Историки и краеведы неоднократно обращались к теме благотворительности в с. Благодарном Ставропольской губернии [3]. При этом подчеркивали, что она направлялась не только на нужды своих сельчан, но и на нужды общероссийские. В данном очерке рассмотрим деятельность инициативной группы по открытию Благодарненского отдела Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом и участие в нем земства.

В начале 1914 г. по инициативе земского врача В. И. Петровского в с. Благодарном был образован Благодарненский Отдел Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом. Губернатор дал разрешение на открытие отдела. Однако, из самой лиги такое разрешение задерживалось.

На организационном собрании отдела было принято решение о начале практической деятельности в форме устройства «туберкулезного дня» в селе, с целью сбора пожертвований. Был избран временный комитет по устройству туберкулезного дня, в составе: председатель — Е. А. Мальцевская, товарищи председателя — Е. Е. Зарецкая и К. Н. Иванова, казначей — В. И. Петровский, секретарь — А. И. Баланчукова и члены: П. С. Бавыкина, А. П. Лелекова и В. А. Соколова.

Назначенный комитет обратился к членам отдела Н. Д. Зарецкому и А. Н. Мальцевскому с просьбой получить разрешение ставропольского губернатора на проведение туберкулезного дня. В соответствии с полученным разрешением 26 мая в с. Благодарном был организован сбор пожертвований путем продажи «ромашки».

Накануне сбора пожертвований, кружки в присутствии исправника и его помощника были осмотрены и опечатаны

печатью полицейского управления и розданы лицам, изъявившим желание принять участие в сборе пожертвований.

По словам современников «сбор превзошел все ожидания». Собрано было 622 рубля 84 копейки. Обществом по благоустройству с. Благодарного была пожертвована входная плата в сад, где в здании «Биоскопа», предоставленного бесплатно его хозяином Могильченко, был устроен танцевальный вечер. Сбор составил от него 15 рублей 52 копейки.

По окончании сбора кружки были собраны и исправников совместно с председателем управы положены в неогороженный шкаф Земской управы.

27 мая в здании управы в 10 часов утра в присутствии выборных от крестьян, в числе около 80 человек, членов комитета, сборщиками с участием исправника и его помощника кружки были вскрыты и было подсчитано в них содержимое (Таблица 1) [2].

Таким образом, из кружек достали монет стоимостью в 1 копейку — 1654, 2 копейки — 1918, 3 копейки — 1328, 5 копеек — 295, 10 копеек — 1203, 15 копеек — 587, 20 копеек — 450, 50 копеек — 160, 1 рубль — 52, 3 рубля — 11 и 5 рублей — 10. В одной из кружек был обнаружен маленький серебряный крестик. Такой сбор состоялся, по мнению сборщиков, потому, что «крестьяне сочувственно отнеслись как к сбору пожертвований, так и к самим пожертвованиям» [2].

Для того, чтобы оповестить население о результатах сбора и расхода денег, комитет отпечатал и роздал отчет в количестве 600 экз. Здесь же комитет выразил глубокую благодарность всем сборщикам и жертвующим, а А. В. Катковской, К. Н. Ивановой, Е. П. Витман

Таблица 1

№ кружки	В них находилось		№ кружки	В них находилось	
	Рублей	Копеек		Рублей	Копеек
1	14	77	19	33	59
2	8	22	20	2	47
3	14	12	21	5	00
4	12	56	22	6	70
5	18	55	23	11	76
6	26	00	24	14	50
7	19	34	25	119	13
8	6	31	26	11	84
9	6	04	27	15	12
10	2	13	28	10	78
11	24	64	29	16	30
12	7	99	30	9	08
13	3	85	31	6	56
14	7	72	32	24	30
15	14	42	33	8	47
16	31	38	34	11	84
17	35	61	35	23	86
18	32	22	36	5	67

и Е. А. Мальцевской за устройство чайного стола, Могильченко за предоставленный бесплатно зал «Биоскопа», музыкантам, стражникам, служащим клуба и граверу Минкину за пожертвованную каучуковую печать стоимостью 5 рублей 50 копеек. Необходимо отметить, что чайный стол был организован для сборщиков.

После успешно проведенного дня туберкулезника предполагаемый отдел продолжил работу по получению разрешения на открытие от лиги и на конкретную выработку программы своих действий.

В открытии отдела принимала активное участие земская управа во главе с председателем и почти все земские служащие. Таким образом, по мнению современников, создавались «условия тесной, согласованной работы отдела лиги с органом земского самоуправления, а через него и вообще с земством и Благодарненский отдел лиги может надеяться на широкое будущее, на бесплатное предоставление земских помещений, на организацию вместе с земскими врачами специальных амбулаторий и т. д». [1].

Основной задачей, которую ставил перед собой отдел, это было «изыскание добавочных средств на борьбу с туберкулезом для проведения в жизнь плана, выработанного совместно с земством».

В состав правления отдела были намечены следующие лица: председательница Е. А. Мальцевская и члены: Е. Е. Зарецкая, К. Н. Иванова, А. И. Баланчуков, В. А. Соколов и В. И. Петровский, т. е. тот состав, который занимался организацией туберкулезного дня.

Для создаваемого отдела членами-учредителями был разработан план деятельности, который состоял в следующем:

1) «1) Устройство специальных амбулаторий для туберкулезных больных в земских или нанятых помещениях, находя, что эти амбулатории вместе с попечительным органом (диспансеры) могут быть могущественным оружием борьбы с туберкулезом в условиях крестьянской жизни. Три врача выразили желание производить прием больных в благодарненской амбулатории отдела, раз в неделю каждый, в вечерние установленные отделом часы.

2) Точная регистрация больных туберкулезом на карточках, вырабатываемых правлением всероссийской лиги. Для этой цели желательно введение индивидуальной и семейной карточной системы в ординарных земских амбулаториях.

3) Распространение среди населения сведений об условиях распространения туберкулеза и о мерах предохранения от него; раздача карманных плевательниц, брошюр, листовок. В Благодарненском диспансере проектируется устроить постоянный музей дешевого типа (стоимость 75–90 руб.), который постепенно будет пополняться (для демонстрации больным).

4) Организация хотя бы при 1–2 больницах или разных бараках в уезде специальных отделений для санаторного лечения.

Необходимо 1–2 палаты с достаточным количеством воздуха оборудовать недорогой верандой и примитивными приспособлениями для водолечения. Некоторыми врачами, которые не решаются для туберкулезных больных, особенно с обострившимся процессом, наглухо закрыть двери больниц, они помещаются в заразные бараки (если они конечно пусты). И это все, что делается для тубер-

кулезных больниц, дающих ужасающий процент смертности, превышающий смертность от остро-заразных больных, вместе взятых.

С разрешения уездной земской управы благодарненский заразный барак, пустующий превращен во временное санитарное отделение. В данное время больных находится 6 человек (3 женщины и 3 мужчины). Больные получают улучшенный стол, пользуются уходом сестры милосердия.

Благодарненский заразный барак расположен высоко над уровнем села, в саду одной стороной обращен прямо в степь и от пыли защищен двойным рядом акаций; в палатах много воздуха и света. С устройством веранды для лежания, ванной, и комнаты для дневного пребывания больных — он вполне мог бы выполнить назначение временной санатории упрощенного типа в период, когда заразных больных нет, т. е. главным образом в три летних месяца. В бараке свободно могут быть размещены 8 человек и, значит, восьми больным может быть возвращена работоспособность, если не исцеление...

5) Санитарный надзор за школьниками, наиболее восприимчивыми к туберкулезу, борьба с антигигиеничными условиями их жизни в школе и семье; последнее может

быть достигнуто и организацией горячих школьных завтраков во время больших постов и неурожаев, когда питание учащихся наиболее страдает.

6) Помещение на средства отдела крестьян и земских служащих, больных туберкулезом, в специальные санатории.

7) Организация яслей-приютов для детей в страдную пору, т. е. в период наиболее ненормальной жизни крестьян» [1].

Таким образом, большую роль в организации деятельности отдела отводилась земству, тем более что последнее должно было завоевывать авторитет среди крестьянского населения, встретившего его введение неоднозначно.

Создаваемый Благодарненский отдел Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом должен был помочь земству в решении возникшей задачи — угрозе распространения туберкулеза. Неслучайно, поэтому, что председатель управы — органа земского самоуправления и ее члены стали членами-учредителями отдела. Так выглядело внешне для населения. На самом деле, такое сотрудничество объяснялось тем, что создаваемый отдел был лишь формой деятельности земства по сбору дополнительных средств на развитие медицинских услуг населению.

Литература:

1. В. П. Борьба с туберкулезом // Северокавказский Край. — 1914. — №959 (25 июля). — с. 3.
2. Мальцевская, А., Баланчуков А. Итоги «дня ромашки» // Там же, №934 (25 июня). — с. 3.
3. Например, см.: Забелин В. М. Из истории благотворительности в селе Благодарном в 1898 году // Забелин В. М. Благодарненская сторона: исторические очерки. — Ставрополь: АГРУС, 2012. — с. 10–15.

Мероприятия Казанского филиала Академии наук по оказанию научной помощи промышленности Татарии в начале 1950-х гг.

Закиров Альфред Фаридович, аспирант
Институт Татарской энциклопедии академии наук РТ (г. Казань).

Развитие науки в послевоенные годы демонстрирует целый ряд достижений и важнейших научных открытий. Мобилизующая функция науки проявилась в создании высокого научного потенциала, способствующего расцвету промышленных отраслей, сельского хозяйства, образования. Одной из таких отраслей является нефтяная промышленность современной Республики Татарстан. Современная нефтяная отрасль во многом обязана своим развитием именно военному и послевоенному периодам, когда был совершен прорыв, что было обусловлено развитием академических институтов послевоенной Татарии [1].

Цель данного исследования — изучить влияние академических институтов Татарии в начале 1950-х годов на развитие нефтяной промышленности Поволжья и страны. Исследование проведено методом исторического анализа на основании архивных материалов Центрального

Государственного Архива историко-политической документации Республики Татарстан, Национального Архива Республики Татарстан.

Хронологическими рамками нашего исследования является период начала 1950-х гг., когда Казанский филиал Академии Наук фактически функционировал уже в полную силу. В указанный период устоялась структура филиала, определились основные направления научных исследований. Страна постепенно включалась в нормальную гражданскую жизнь, значительно оправившись от первых послевоенных лет, когда все производство было направлено на восстановление разрушенного народного хозяйства.

По состоянию на 1.07.1951 г. в Казанском филиале АН СССР (далее — КФАН) отмечается следующий кадровый состав:

(1) Руководящий состав: а) директор, его заместитель и Ученый секретарь, имеющие ученые степени или звания — 8 чел. б) зам. директора по хозяйственной части — 1 чел. (2) Академики — нет (3) Члены-корр. — нет (4) доктора наук — 2; (5) кандидаты наук — 43; (6) профессора, преподаватели и научные работники без ученой степени — 35; (7) инженеры всех специальностей, в том числе практики — 2; (8) техники всех специальностей, в том числе практики, механики, лаборанты — 72; (9) аспиранты — 44; (10) служащие — 22; (11) прочие категории работающих — 43. Всего — 281 чел. [10, Л. 251].

Очевидно, что кадровый потенциал филиала не демонстрировал высоких показателей «остепененности» научных работников. Как видно из приведенной справки, в его составе лишь 2 доктора наук и 43 кандидата наук. Вместе с тем, это не мешало институтам в составе КФАН осуществлять множество важнейших научных разработок и исследований. Остановимся на одном из наиболее важных — разработке и научном исследовании нефтяных месторождений Поволжья.

Обоснованием нефтепромысловой зоны занимался отдел водохозяйственных проблем Геологического института Казанского филиала Академии Наук СССР (КФАН), который с использованием топографических карт проводил измерения длин и площадей бассейнов, изучение меженного режима малых рек, а также выбора мест расположения водохранилищ для содержания весеннего стока с целью повышения их энергетических ресурсов и обеспечения водных нефтепромыслов. [4, Л. 110]. К примеру, геологический отчет за 1951 год включал в себя, в том числе, исследования научного сотрудника Чернова «О результатах работ Бугульминской геологической партии ГПК треста Востокнефть», научного сотрудника Кржековской Е. А. «Геологическое строение и нефтеносность водораздела верховьев р. Зай, нижнего течения р. Дымки и Ютазы» (съемка 1942 года) [6, Л. 173].

Нефтеразведочные работы проводились для скважины №8 Альметьево (1) в интервале глубин 1090–1750 м при заборе 1757,8 м; (2) в интервале 1560–1752 м при заборе 1757 м, а также для нефтеносного пласта Д–1 нарышевского горизонта девона Бавлинского месторождения (под руководством А. И. Кринари и К. А. Богородской) [2, Л. 18].

Основной задачей Лаборатории Химии нефти КФАН (зав. лабораторией — Е. А. Робинзон) являлось широкое изучение нефти, «Второго Баку», в основном — нефти Татарской АССР. Лабораторией сделаны важные выводы о составе и особенностях нефти Татарии, путях ее улучшения, возможностях применения в народном хозяйстве страны. Особое внимание было уделено вопросам изучения химического состава нефтяных фракций (керосиновых и масляных) методом кольцевого анализа с применением гидрирования, а также получения имеющихся данных групп анализа этих же фракций и физико-химических констант исходных, гидрированных и сульфиро-

ванных фракций. Эти материалы затем были использованы при проверке упрощенного метода кольцевого анализа, разработанного в Химическом институте Казанского филиала АН» [3, Л. 29].

План закрытых изданий по Химическому институту им. А. Е. Арбузова КФАН на 1951 год включал в себя следующие наиболее важные вопросы и темы: (1) «О фосфорорганических инсектицидных препаратах» (акад. А. Е. Арбузов с сотрудниками); (2) «Нефти Урало-Волжской нефтеносной области» (проф. Е. А. Робинзон с сотрудниками); (3) «Обессеривание бензино-лигроиновых фракций нефтей Татарии» (проф. Е. А. Робинзон, Н. Г. Амирханова).

Вообще, в 1951–1952 гг. ряд институтов КФАН был сосредоточен на оказании научной помощи нефтяной отрасли республики. Так, большинство лабораторий было вовлечено в изучение вновь открытого в Татарии крупного нефтяного месторождения, по запасам превосходящего известные нефтяные месторождения Башкирии [12, Л. 351].

Химический институт им. акад. А. Е. Арбузова КФАН подготовил объемные материалы по исследованию нефтей Урало-Волжской нефтеносной области. Исследование проведено в лаборатории Химия Нефти института в течение 1949–51 гг. [5, Л. 168]. Принятое Постановление Бюро Татобкома ВКП(б) от 10.05.51 г. за №94 (параграф 4) «О мерах усиления помощи развитию нефтяной промышленности республики со стороны научно-исследовательских институтов города Казани» [8, Л. 207] оказало форсирующее действие на работу КФАН в области нефтеразведки. Этим документом была закреплена концепция, главным в которой являлось требование ускоренных темпов наращивания добычи нефти. Постановлением было организационно оформлено создание объединения «Татнефть». В 1950 году в республике было добыто 860 тысяч тонн «черного золота». На следующий год открыли крупнейшее Новоелховское месторождение.

В ответ на запрос руководства страны в Отдел нефтяной промышленности Тат. Ок. ВКП(б) была направлена справка о научно-исследовательских работах Казанского филиала Академии наук для нефтяной промышленности ТАССР за 1949–1951 гг. На основании архивных данных можно констатировать, что рядом институтов КФАН проводилась огромная работа именно в направлении содействия нефтяной промышленности республики и страны.

Так, Геологическим институтом (ведущее направление — изучение стратиграфии, литологии, гидрогеологии и условий нефтеносности осадков палеозоя и, в первую очередь, — девона) выполнено следующее:

1. Составлена структурная карта ТАССР и прилегающих частей Куйбышевской области и Башкирии по кровле нижнеказанских отложений «Палеозойские структуры ТАССР». Карта является основой при планировании нефтепоисковых и разведочных работ на территории Волжско-Камского края.

2. Проведены работы по изучению литологии уфимских, нижнепермских отложений и угленосных свит карбона с разработкой вопросов стратиграфии, условий и закономерностей накопления осадков, их пространственного размещения и фациальной изменчивости.

3. С 1948 года ведется детальное литологическое и палеонтологическое изучение пород девона и связи их с нефтеносностью. Детальному анализу подвергнуты керны 14 глубоких скважин различных нефтеразведок. На основе этих исследований разработана схема стратиграфии девонских отложений Татарии; составляется сводное литолого-стратиграфическое описание девонских отложений Татарии.

4. Для детального и всестороннего изучения Бавлинского месторождения принято изучение литологии и коллекторских особенностей продуктивной толщи девона. В мае 1950 года был передан тресту «Бавлы-нефть» и объединению «Татнефть» предварительный очерк «О некоторых литологических и коллекторских особенностях пласта Д–1 Бавлинского месторождения».

5. Проводилось и ведется изучение битумов и закономерностей их распределения в толще палеозоя. Установлена связь поверхностных битумо-проявлений с глубинными месторождениями нефти, со структурными особенностями и литологией района. На основании этих исследований обоснованы перспективы нефтеносности ряда площадей и даны рекомендации тресту «Татнефтегазразведка» и объединению «Татнефть» на дальнейшие направления нефтепоисковых работ в Татарии.

6. Начата разработка в 1949 году темы «Глубинные структуры Среднего Поволжья».

7. В области гидрогеологии изучены подземные воды нефтеразведочных районов и нефтяных месторождений Татарии; изучены подземные воды и особенности воды, связанной с осадками девона Бавлинского месторождения с точки зрения эксплуатации месторождения; организована лаборатория по изучению водоносных горизонтов по филтратам глинистых растворов на Бавлинском месторождении; разработан гидрохимический метод поисков нефтяных месторождений, проведена на его основе оценка перспектив нефтеносности Татарии; проведены работы по методике изучения химизма и физико-химических свойств вод нефтяных месторождений; оказывается систематическая консультативная помощь ЦНИЛам треста «Татнефтегазразведка», объединениям «Татнефть» и «Молотовнефть».

Химический институт им. А. Е. Арбузова в рамках работ по оказанию научной помощи нефтяной промышленности

республики и страны проводил исследование химического состава нефтей Татарии, исследованием охвачены все месторождения республики. Отмечается, что наиболее перспективные месторождения нефтей расположены в трех районах Татарии: Шугурове, Ромашкине и Бавлах. Всего исследовано около 20 нефтей. Материалы послужили основанием для классификации нефтей, для выводов генетической зависимости между свойствами нефтей и условиями их залегания. Данные дают возможность определить основные пути рационального использования нефтей в народном хозяйстве Татарии и Союза.

В связи со специфическим характером нефти Татарии, большим содержанием в них серы и получением сернистого бензина, возник вопрос о разработке метода обессеривания бензинов. В лаборатории Химии Нефти был разработан в лабораторных условиях термическо-каталитический метод обессеривания бензино-лигроиновых фракций прямой гонки нефти Татарии с помощью местного сырья — глины Татарии. Месторождение этих глинистых пород — село Муслумкино. В очищенном бензине содержание серы снижено до нормы, качество бензина, в частности — его октановая характеристика, значительно повышены. Разработанный метод, являясь эффективным и экономически выгодным, передан в Техническое управление Министерства нефтяной промышленности для его апробации [9, Л. 220–226].

В научно-техническом отчете «Исследование состава естественных газов нефтяных месторождений ТАССР» КФАН содержался анализ естественных газов из нефтяных районов ТАССР: Бавлы, Ромашкино, Альметьево и Шугурово [11, Л. 266]. Сообщалось, что в настоящее время институт ведет исследования особенностей толщи девона Ромашкинского месторождения как наиболее богатого и наиболее качественного месторождения нефти в Татарии.

Одновременно Физико-технический институт КФАН усиливает работу по разработке вопросов, связанных с интенсификацией добычи нефти. Для этих целей в 1953 году открыли лабораторию подземной гидравлики [13, Л. 48–51].

Академические институты Татарии в начале 1950-х годов в тесном взаимодействии с промышленными предприятиями республики совершили в буквальном смысле прорыв в научно-исследовательской деятельности по разработке нефтяных промыслов Поволжья, чем принесли огромную пользу всей стране. В результате проведенной плодотворной работы к середине пятидесятых годов Татарстан располагал самыми крупными разведанными запасами нефти в СССР.

Литература:

1. Иванов, А. А., Хабибуллина Ф. С. Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Казань, 2000. 374 с.
2. Национальный Архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 5854. Оп. 3. Ед. хр. 1. Переписка с Академией Наук СССР. Т. 1. (2.01.–7.08.1951 г.). с. 18.
3. Там же Л. 29.

4. Там же Л. 110.
5. Там же Л. 168.
6. Там же Л. 173.
7. Там же Л. 207.
8. Там же Л. 220–226.
9. Там же Л. 251.
10. Там же Л. 266.
11. Там же Ед. хр. 2. Переписка с Академией Наук СССР. Т. 2. (9.08.–31.12.1951 г.). Л. 351.
12. Центральный Государственный Архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 4557. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 48–51.

История развития пожарно-прикладного спорта в России

Коробова Надежда Александровна, аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

Для ряда профессий существуют специальные прикладные виды спорта. Для пожарных это пожарно-прикладной спорт, содержание которого составляют наиболее важные профессиональные навыки и умения, необходимые для борьбы с огнем.

Появлению пожарно-прикладного спорта предшествовала необходимость развития физической подготовки пожарных. Особенностью стало то, что в ней учитывалась специфика пожарного дела, развивались и совершенствовались именно те физические способности пожарного, которые необходимы для успешной борьбы с огнем. Возникла необходимость включения в программу физической подготовки личного состава пожарных частей наравне с общими видами спорта специальных упражнений: надевание боевой одежды и снаряжения, переноска колонки и двух рукавов, хождение по бревну, лазание по канату, преодоление заборов и других препятствий, тушение горящей жидкости и другие. Работа на быстроту выполнения отдельных комплексных профессионально-прикладных упражнений начала принимать характер соревнований по техническим и временным показателям.

Вскоре личные соревнования по отдельным упражнениям стали выходить за рамки пожарных частей. Так в 30-е годы прошлого столетия в СССР возник и начал развиваться пожарно-прикладной спорт. История пожарно-прикладного спорта берет свое начало в 1937 году, когда состоялись первые состязания пожарной охраны НКВД СССР в Москве. В программе соревнований были следующие виды: подъем по штурмовой лестнице на 4-й этаж учебной башни; установка выдвижной трехколенной лестницы и подъем по ней на 3-й этаж учебной башни; преодоление 100 метровой полосы препятствий; пожарная эстафета шесть по 100 с тушением горящей жидкости (командный вид), а также боевое развертывание (командный вид) — тушение условного пожара. Кроме того, в программе первоначально были гимнастика, легкая атлетика и стрельба.

Московская спортивная газета в то время писала: «Интересные соревнования начинаются сегодня в Москве на стадионе «Динамо». В этих соревнованиях примут участие спортсмены частей пожарной охраны НКВД, съехавшиеся в столицу из разных городов страны.... Необычная пожарная эстафета проводится 12 сентября. Первый ее этап: участники бегут в противоипритном костюме, резиновых сапогах, противогазе, во втором со стендером в руках, в третьем участники бегут со складной лестницей. На четвертом этапе каждый из бегунов должен взять с собой два рукава, проложить рукавную линию на 40 метров, проползти по коридору 20 метров. Пятый, предпоследний этап надо пробежать с двумя заряженными огнетушителями, причем по пути потушить горящий керосин. И, наконец, на последнем этапе преодолеть забор, высотой 2,2 метра и продемонстрировать методы спасения человека».

На соревнованиях были установлены и первые рекорды страны:

- в подъеме по штурмовой лестнице на 4-й этаж учебной башни — 29,8 с;
- в установке и подъеме по трехколенной выдвижной лестнице на третий этаж учебной башни — 29,0 с;
- в пожарной эстафете — 4 минуты, 49,6 с;
- в боевом развертывании — 10 минут, 42,0 с.

Несколько отличалось от современных требований снаряжение и обмундирование спортсменов. Лестница штурмовая весила не менее 10 кг, 3-х коленная выдвижная лестница была деревянной весом 64 кг, рукава не менее 5 кг. Участники соревнований на старт выходили в стандартной боевой одежде, кирзовых сапогах, надевался спасательный пояс, на котором крепились топор, карабин и рукавицы и обязательным элементом была каска военного образца. Спортсменам в то время не разрешалось использовать облегченное оборудование и снаряжение.

Основоположниками создания и развития пожарно-

прикладного спорта в стране явились работники оперативного отдела ГУПО НКВД, Центрального и местных советов общества «Динамо».

После Великой Отечественной войны соревнования по пожарно-прикладному спорту были возобновлены. В 1945 году впервые были разработаны правила соревнований по пожарно-прикладному спорту и программа Всесоюзных лично-командных соревнований пожарной охраны МВД СССР. В программу соревнований добавились — преодоление 100-метровой полосы с препятствиями и двоеборье.

С 1948 года во Всесоюзных соревнованиях по пожарно-прикладному спорту начали принимать участие команды других ведомств: Министерства обороны, Министерства путей и сообщения, Министерства угольной промышленности. В этом же году из упражнения по преодолению 100-метровой полосы с препятствиями была исключена переноска 60-килограммового манекена, а из пожарной эстафеты — бег в защитной одежде.

Пожарно-прикладной спорт с годами претерпевал изменения. Так менялись снаряды, уточнялись условия выполнения отдельных упражнений. Например, до 1948 года пожарная эстафета состояла из 6-ти этапов по 100 м:

1-этап — бег 100 м из 6-ти этапов по 100 м;

2-этап — преодоление домика;

3-этап — преодоление малого забора (2 м);

4-этап — прокладка рукавной линии с присоединением к разветвлению, «мышеловка» (проползание 10 метров под планками, укрепленными на высоте 50 сантиметров от земли);

5-этап — преодоление бума с переноской огнетушителей (2) и тушение горящей жидкости;

6-этап — преодоление большого забора (3,5 м) при помощи лестницы-палки.

В 1954 году вновь внесены изменения в преодоление 100-метровой полосы с препятствиями и пожарную эстафету. Исключение ряда снарядов и их перестановка дали другую возможность спортсменам демонстрировать навыки владения сложными техническими приемами на высокой скорости, уменьшилась возможность получения травм, повысилась динамичность и зрелищность соревнований. В 1959 году была введена спортивная классификация по пожарно-прикладным упражнениям и утверждены нагрудные знаки, а также положения о порядке присвоения звания «Мастера спорта СССР» и спортивных разрядах.

Пожарно-прикладной спорт становится массовым видом спорта, которым с увлечением занимаются в пожарных частях, коллективах физкультуры. Начинается проведение в стране массовых соревнований на первенство районов, городов, областей, республик, добровольных спортивных обществ и ведомств, организуются чемпионаты общества «Динамо», «Локомотив», Вооруженных сил, Министерства угольной промышленности, именно там, где в структуре имеются пожарные подразделения.

Но наиболее значимым для спорта событием явилось включение пожарно-прикладного спорта в Единую Всесоюзную Спортивную Квалификацию. Решение об этом было принято Союзом спортивных обществ и организаций СССР в 1963 году. Отныне спортсмены имели право получать спортивные разряды и звания по пожарно-прикладному спорту вплоть до «Мастера спорта СССР».

Значительной вехой в развитии пожарно-прикладного спорта явилось образование в 1964 году Федерации пожарно-прикладного спорта СССР. С ее созданием спорт поднялся на качественно новую ступень своего развития. В лице федерации спорт приобрел единый информационный, аналитический и управленческий центр, которому по плечу стало решение многих перспективных задач развития пожарно-прикладного спорта.

Первый Чемпионат СССР по пожарно-прикладному спорту состоялся в 1965 году в Ленинграде. С 1966 года становится регулярным проведение ежегодных чемпионатов спортивных обществ и ведомств. В этом же, 1966 году впервые сборная команда СССР участвует в показательных соревнованиях в Югославии.

Пожарно-прикладной спорт окончательно принимает современные черты: утверждается окончательная расстановка снарядов, виды упражнений.

В феврале 1968 года решением Федерации введены пластиковые каски, разрешена облегченная боевая одежда для спортсменов, разработан и утвержден проект металлической штурмовой лестницы. Утверждены звания «Чемпион СССР» в штурмовании учебной башни, преодолении 100-м полосы препятствий с вручением малой золотой медали.

1968 год считается годом выхода советских спортсменов-пожарных на международную арену. На первых четырех турнирах (1968 г. — Ленинград; 1969 г. — Бухарест; 1970 г. — Варшава; 1971 — Будапешт) советские прикладники одержали четыре убедительные победы, заняв первые общекомандные места. Это было только началом большого триумфального шествия наших сильнейших спортсменов по спортивным аренам Европы. Впервые у наших мастеров было очень много побед.

А тем временем в стране в конце 60-х, начале 70-х годов, как и в других видах спорта, отмечен рост внимания к развитию юношеского спорта. Как и всякий другой вид, пожарно-прикладной спорт черпает свои резервы из детского и юношеского спорта. К тому же у пожарных — свои виды на подрастающее поколение. Помимо общих задач укрепления здоровья молодежи, привлечения ее к регулярным занятиям спортом, при помощи средств пожарно-прикладного спорта достигается и другая цель — ранняя профессиональная ориентация будущих потенциальных работников пожарной охраны. Позже в России — работниками всероссийского добровольного пожарного общества и общества «Динамо» был введен комплексный зачет результатов взрослых и юношей на внутренних соревнованиях в стране, что заставляло региональные Федерации пожарно-прикладного спорта уделять больше

внимания юношескому спорту. За минувшие 30 лет работы с молодежью подготовлено более 400 тысяч спортсменов разрядников, 4238 МС, более 50 тысяч КМС, 389 чемпионов страны среди юношей.

С самого начала своего развития и по сей день работники пожарной охраны постоянно заботились о создании спортивной базы для пожарно-прикладного спорта. Для достижения спортсменами высоких спортивных результатов необходим круглогодичный цикл учебно-тренировочной работы, который возможен только при создании крытых специализированных спорткомплексов. Первый такой комплекс был построен в Ростове-на-Дону в 1970 году, а спустя 20 лет в стране функционировали уже 93 подобного рода спортсооружения, не говоря уже о плоскостных специализированных стадионах. К концу XX века в России для занятий пожарно-прикладного спорта имеются более 170 таких стадионов, на которых можно проводить соревнования самого высокого уровня.

К последним достижениям можно отнести завершение в 1999 году строительства в Москве на Центральном стадионе «Динамо» современного спорткомплекса с учебной башней на 4 дорожки.

В 1970 г. внесены изменения в правила проведения соревнований. До 1970 г. спортсмены при выполнении упражнений должны были надевать на себя боевую одежду пожарного и снаряжение, которое включало в себя: металлическую каску военного образца, боевую одежду пожарного — куртку и брюки из грубого брезентового материала, широкий кожаный пояс с металлическим карабином, кирзовые сапоги, которые для укрепления привязывали веревкой к ноге. С принятием поправок в правила спортсменам разрешили использовать облегчённое спортивное снаряжение и одежду: пластиковые каски, лёгкие удобные комбинезоны, облегчённый пояс без карабина, легкоатлетические шиповки.

С течением времени изменения происходили и в видах программ. Менялось пожарно-техническое вооружение: например, деревянная трехколенная штурмовая лестница поменялась на легкую дюралюминиевую.

Возвращаясь к событиям тридцатилетней давности, отметим, что в 1971 году в Единой Всесоюзной Спортивной Квалификации появились нормативные требования к спортсменам, претендующим на звание «Мастера спорта международного класса» по пожарно-прикладному спорту.

С 1973 года Международный технический комитет по предотвращению и тушению пожаров (КТИФ) принял решение о регулярном проведении (один раз в четыре года) международных соревнований на Кубок КТИФ, иными словами — неофициальных чемпионатов Европы. Наши спортсмены с самого первого турнира и до настоящего времени являются неизменными победителями и призерами этих состязаний. И, конечно же, «законодателями мод» в разработке и совершенствовании правил соревнований.

Начиная с 1993 года сборная команда России (на правах правопреемницы сборной СССР) достойно приняла эстафету победных выступлений: в нашей стране подготовлено 126 мастеров спорта международного класса, 86 рекордсменов международных соревнований, 109 неоднократных победителей различных международных турниров. Славу отечественного пожарно-прикладного спорта в различные годы «ковали» лучшие представители пожарной охраны страны. Среди них первый мастер спорта международного класса (1971 г.) Г. Заплатин из Омска, а также мастера-международники: Ю. Бадер (1971 г., Ярославль); А. Антипов (Орехово-Зуево); В. Кипко (Москва), В. Клейков (Луганск) — 1973 г.; В. Мартынов (Ростов-на-Дону), Ю. Канунников (Омск), В. Кивиренко (Днепропетровск), А. Ловецкий (Москва) — 1975 г.; А. Бородин (Казань), Ю. Поликарпов (Москва), А. Шерстюк (Николаев), Н. Стриев (Ростов-на-Дону), В. Немилов (Минск) — 1981 г.; А. Коноплев (Горький), И. Громадский (Киев) — 1984 г.; Л. Костенко (Киев) — 1985 г.; В. Иванов (Запорожье) — 1988 г.; С. Бакиров (Свердловск), С. Возмилов (Омск) — 1989 г.; О. Багиров (Речица), Я. Немченко (Луцк), А. Рогозин (Иваново), В. Ункрасский (Ростов-на-Дону), В. Тарасов (Ленинград) — 1990 г.; С. Козлов (Минск), А. Гейко (Киев), В. Трофимчук (Николаев), А. Чабан (Львов) — 1991 г.

Широкое развитие пожарно-прикладного спорта в стране в 80-х годах имело огромное значение для дальнейшего повышения уровня боевой подготовленности личного состава пожарной охраны.

Так, в 1937 г. рекорд по «штурмовке» был равен 28,8 сек (установлен Лескиным из Свердловска), а в 1999 году он уже составил 13,44 сек. (установлен В. Тарасовым из Санкт-Петербурга), рекорд в «треколенке» в 1937 г. был равен 29,0 (установлен Пищурой и Татьяниным из Москвы), а в 1998 г. он составил 11,86 сек (установлен И. Чауковым и А. Вершковым из Самары). Лучшие результаты являются своего рода «маяками» для всего личного состава пожарной охраны страны, стимулируя общий уровень подготовленности профессионалов.

В 80-е годы наши сильнейшие спортсмены выигрывали практически все официальные старты как внутри страны, так и за рубежом. Сборная команда общества «Динамо» обрела статус сборной команды Советского Союза, что давало ей право официально представлять страну на международной арене. В состав команды тогда входили: А. Коноплей (Н. Новгород), И. Громадский (Киев), В. Иванов (Запорожье), Н. Стриев, В. Унковский и Е. Киринос (Ростов-на-Дону), И. Дорностул, С. Бакиров, О. Мозговой и М. Мерзликин (Свердловская обл.), С. Возмилов (Омск), В. Тарасов (Санкт-Петербург), Ю. Шпигунс (Рига), Р. Казлаускас (Вильнюс), И. Душенко (Львов). Тренировали команду сильнейших в Европе А. Ивахненко (Н. Новгород) и В. Мартынов (Ростов-на-Дону).

По инициативе пожарных Украины, ГУПО МВД СССР и ЦС «Динамо» приняли решение, начиная с 1988 г., про-

водить ежегодные соревнования по пожарно-прикладному спорту Мемориал пожарных-героев Чернобыля. Первый турнир состоялся в г. Вишневый (Киевская обл.) летом 1988 года. Соревнования проводятся и по сей день, правда, начиная с 1992 года это международный турнир, организуемый Федерацией Украины, в котором успешно выступают Российские спортсмены. А с 1994 года аналогичный мемориал проводится и в г. Москве под руководством УГПС Москвы и Федерации пожарно-прикладной спорт России. В настоящее время состоялось уже три турнира: (в 1994 г., в 1996 г. и в 1999 г.), в которых приняли участие значительное количество стран ближнего и дальнего зарубежья. В 1991 году сложила свои полномочия Федерация пожарно-прикладного спорта СССР. На смену ей в качестве правопреемницы пришла Федерация пожарно-прикладного спорта России, которая с 1993 года получила статус юридического лица — самостоятельной общественной организации. Именно с этого момента начинается своего рода новый отсчет времени для Российского пожарного спорта.

Сборная России по пожарно-прикладному спорту по-прежнему на протяжении уже четырех Олимпийских циклов является сильнейшей в Европе. В состав национальной сборной Российской Федерации начала XXI столетия входят следующие прикладники: Вершков Александр, Чауков Игорь — Самарская область, Баранов Сергей, Алексеенко Владимир, Алексеенко Александр, Полозов Эдуард, Демин Дмитрий, Евдокимов Валерий — Свердловская область, Мишакин Вячеслав, Труфанов Николай, Лучков Евгений — Московская область, Шильников Игорь, Адушкин Сергей, Москаев Андрей, Маямсин Александр — Тюменская область, Тарасов Вячеслав, Денисов Максим — Ленинградская область, Стрелков Вячеслав — Удмуртская Республика, Ломакин Алексей, Забаев Михаил — Оренбургская область, Пыхтин Дмитрий — Нижегородская область, Акшенцев Сергей — Республика Башкортостан. Начальник команды Костенко Сергей — Кемеровская область.

Тренируют сборную: главный тренер Столяров Сергей, тренер — Кобцев Виктор.

На чемпионатах России 1999–2000 годов наиболее успешно выступают сборные команды Санкт-Петербурга, Свердловской, Тюменской, Московской, Омской, Оренбургской, Челябинской, Нижегородской, Ростовской, Волгоградской областей и Республики Татарстан.

Состав сборной России: Панченко Роман, Калинин Алексей, Тарасов Вячеслав — Московская область, Козлов Сергей, Малышев Сергей — Новосибирская область, Гурский Сергей, Тращенко Константин — Ростов — на — Дону, Бесчаснов Владимир — Н. Новгород, Демин Дмитрий, Баранов Сергей — Свердловская область.

Начальник команды: Калинин Андрей Петрович.

Тренерский штаб сборной команды возглавил: Калинин Петр Андреевич.

В 2002 году прошел первый Чемпионат Мира среди пожарных и спасателей в г. Москве на стадионе «Ди-

намо». Состав сборной команды России: Панченко Рома, Тарасов Вячеслав — Московская область, Калинин Алексей — Республика Коми, Баранов Сергей, Демин Дмитрий — Свердловская область, Гречко Максим — Челябинская область, Вершков Александр — Тюменская область, Синицин Игорь — Вологодская область, Акшенцев Сергей — республика Башкортостан, Маньков Евгений — Омская область, Гурский Сергей — Ростов-на-Дону, Бесчаснов Владимир — Н. Новгород, Щербинин Сергей — Пермская область.

Начальник команды: Калинин Андрей Петрович.

Главный тренер: Калинин Петр Андреевич.

Тренера команды: Возмилов С.В., Козлов С.В., Воднев В.П.

На первом Чемпионате Мира принимали участие команды:

Сборная России, сборная Беларусь, сборная Украины, сборная Монголии, сборная Чехии, сборная Польши, сборная Венгрии, сборная Латвии, сборная Литвы, сборная Эстонии и сборная Казахстана.

Калинин Алексей выиграл в финальном забеге штурмовую башню с результатом 13,67 сек., а Баранов Сергей выиграл в финальном забеге по 100-метровой полосе с препятствиями с результатом 15,97 сек. На этих соревнованиях была местовая система очков, т.е. если команда занимает в отдельном виде 1-ое, 2-ое, 3-ое места, то у ней соответственно 1, 2, 3 очка, первое место занимает команда которая набирает наименьшее количество очков.

Наша команда на этих соревнованиях заняла 2-ое общекомандное место. После этих соревнований так как Калинин Алексей стал первым по штурмовой лестнице, а Баранов Сергей стал первым по 100-метровой полосе с препятствиями им было присвоено звание Заслуженный мастер спорта России (ЗМС) они первые кто удостоился этого высокого звания в пожарно-прикладном спорте.

В 2004 году в Белоруссии г. Минске прошел второй чемпионат Мира среди пожарных и спасателей. Который показал, что эти крупные соревнования станут регулярными и будут проходить 1 раз в 2 года. В состав сборной России вошли: Панченко Роман (Московская область), Калинин Алексей (Республика Коми), Баранов Сергей, Демин Дмитрий (Свердловская область), Кисляков Алексей (Академия ГПС), Гурский Сергей, Андрианов Алексей (Ростов-на-Дону), Бесчаснов Владимир (Нижегородская область), Щербинин Сергей (Пермская область), Маньков Евгений (Омская область) Дубровин Евгений (Новосибирская область). На этих соревнованиях Баранов Сергей выиграл 100 — метровую полосу препятствий и стал двукратным чемпионом Мира. Андрианов Алексей занял 2-е место, а Панченко Роман 3 место по штурмовой башне, сборная команда России заняла 2 место по эстафете и 5 общекомандное место.

На Зимнем Чемпионате России в 2004 году проходившем Екатеринбурге Академия заняла 1-е общекомандное место, а Кисляков Алексей улучшил свое высшее достижение по 100 — метровой полосе с препятствиями

с результатом 15,37 секунд, до этого этот рекорд был равен 15,61 секунд.

В 2005 году на Зимнем Чемпионате России в г. Рязани Стрелков Вячеслав установил высшее достижение по штурмовой лестнице с результатом 13,29 секунд, до него этот рекорд держался 13 лет и составлял 13,32 установил его Тарасов Вячеслав.

В 2006 в Иране г. Тегеране прошел третий чемпионат Мира среди пожарных и спасателей. Который заранее обещал стать очень интересным и захватывающим. В состав сборной России вошли: Гурченков Сергей, Кисляков Алексей (Московская область), Калинин Алексей (Ханты-Мансийский АО), Ярославцев Сергей (Свердловская область) Щербинин Сергей; Кашин Юрий; Гладких Николай (Пермский край), Маньков Евгений (Омская область), Хубецов Руслан (Санкт-Петербургский университет) Хорешко Константин (Челябинская область). Ст. тренер Калинин П. А. тренер Морозов А. Ю. На этих соревнованиях в составе сборной команды России чемпионов в личном первенстве не было, второе место

на учебной башне занял заслуженный мастер спорта Калинин Алексей, третье место в этой же дисциплине занял дебютант сборной команды России, курсант 4-го курса Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России Хубецов Руслан; в стометровой полосе на третью ступень пьедестала поднялся мастер спорта международного класса Ярославцев Сергей (Свердловская область) По результатам всех проведенных дисциплин сборная России впервые в истории своего существования заняла первое место и стала сильнейшей сборной в мире.

Пожарные в боевой обстановке постоянно сталкиваются с тяжелыми физическими нагрузками. Каждый из них должен обладать большой физической выносливостью, ловкостью и четко отработанным профессиональным мастерством. Постоянно занимаясь пожарно-прикладным спортом, пожарные становятся натренированными, ловкими, приобретают быструю и четкую реакцию. Мастера этого вида спорта героически проявляют себя в самых трудных условиях огненных сражений и всегда являются победителями.

Литература:

1. В. А. Сергеев. «Пожарно-прикладной спорт» // БСЭ, 3-е изд. «Современный пожарно-спасательный спорт» Калинин А. П., 212 стр., Москва
2. Грачев, В. А., Теребнев В. В., Шехов Д. А. Пожарно-строевая подготовка. — М., 2008.
3. Родионов, А. В. Психология и современный спорт. — М.: Физкультура и спорт. — 1982.
4. Юдичев, А. А. Пожарно-прикладной спорт. — Екатеринбург.: Екатеринбургское пожарно-техническое училище. — 1997.

Генерал Власов

Красавин Владимир Александрович, соискатель
Московский государственный областной университет

Ложь тоталитарной идеологии порождает мифы. Мифы, которые становились истиной для нескольких поколений советских людей. Одними действующими лицами этих мифов пугали, других возводили в ранг героев, а некоторые, особо резвые мифотворцы, исхитрялись зарабатывать на своей работе звания, чины и весьма неплохие социальные блага.

Но история — это страшная штука, и рано или поздно правда, какая бы она не была неприглядная, становится известной. Люди же, как правило, не спешат расставаться с мифами. Так — удобнее...

Генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов — личность столь же легендарная, столь же «мифологическая», как и маршал Г. К. Жуков. В годы войны его имя стало в Красной армии синонимом предательства. После войны эмиграция второй волны превозносила Власова до небес как идейного борца со сталинским режимом. В таком качестве генерала вновь начали представлять в 90-х гг

в новой России. Этот человек — одна из самых спорных фигур Второй Мировой Войны.

«Родился 1 сентября 1901 года в селе Ломакине Гагинского района Горьковской области в семье крестьянина-кустаря. Жена, Анна Михайловна Власова (девичья фамилия Воронина), уроженка той же местности.

Главное занятие родителей моих и жены до Октябрьской революции и после — земледелие. Хозяйство имели середняцкое...

Я окончил сельскую школу. После чего на средства родителей и брата был отдан учиться в духовное училище.

С пятнадцати лет, занимаясь подготовкой малолетних детей (репетитор), я сам зарабатывал себе средства на право обучения. По окончании духовного училища в гор. Нижнем Новгороде два года учился в духовной семинарии на правах иносословного (то есть не духовного звания). В 1917 году, после Октябрьской революции, поступил в Нижегородскую единую трудовую школу 2-й сту-

пени, которую и окончил в 1919 году. Поступил в 1919 (1918) году в Нижегородский государственный университет по агрономическому факультету, где и учился до призыва в РККА» [1].

В историографии также встречается утверждение, что Андрей Андреевич Власов в 1918 году поступил в Московский сельскохозяйственный институт, но весной 1919 или 1920 г ушел в Красную армию.

Существенные разночтения имеются в них и в пункте образования. И здесь также необходимы пояснения. Пребывание Власова в университете и академии РККА ограничилось одним годом, и его утверждение: «...я учился на гроши, добился высшего образования» — не соответствует действительности. Более объективным генерал оказался в 1946 году, будучи на скамье подсудимых. В ходе одного из судебных заседаний он написал: «Окончил два класса семинарии и курсы «Выстрел»». Отсюда вывод: высшее образование он так и не получил.

Власов достаточно быстро поднимался по служебной лестнице. «Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя, командующего фронтом».

С 1922 года находился на командных должностях и преподавательской работе в Ленинградской школе тактики им. В. И. Ленина. В 1929-м окончил курсы «Выстрел» — высшие армейские командные курсы в городе Солнечногорске Московской области, основанные в 1918 году, которые осуществляли переподготовку командного и политического состава сухопутных войск звена полк — батальон. Спустя год вступил в ряды ВКП (б). Присягал Родине, клялся в верности Сталину, а изменилась ситуация — предал его и пошел в услужение к Гитлеру. Умение приспосабливаться к любым жизненным обстоятельствам с возможностью получить для себя хоть какую-нибудь выгоду — вот кредо этого человека. Если бы он стал священником, то разве мог бы мечтать попасть в анналы истории?..

С 1938 по 1939 год Андрей Андреевич Власов находился в Китае в качестве военного советника Чан Кайши.

В январе 1941 года Власова назначили командиром 4 — го механизированного корпуса в Киевском военном округе. Здесь он и встретил Великую Отечественную войну.

В открытом письме Власов пишет: «В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако неизлечимые болезни Красной армии сделали свое дело. Фронт был прорван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район» [2].

Однако генерал А. Н. Сабуров после войны, когда Власов по приговору суда был уже повешен, рассказывал, как «он во главе небольшой горстки работников НКВД прорывался из немецкого окружения под Киевом. В каком-то отдаленном от Днепра перелеске его группа встретилась со штабной группой генерала Власова. Решили выходить из окружения сообща.

Однако ночью Сабурову якобы стало известно, что генерал Власов отбирал в своем штабе офицеров, согласных сдать немцам в плен, а несогласных приказал расстрелять. Сабуров и его подчиненные, не дожидаясь утра, сбежали от Власова, а потом, создав партизанский отряд, остались воевать в тылу врага» [3].

Генерал Сабуров утверждал, что Власов перед выходом из вражеского тыла уже побывал в немецком плену и был «отпущен» немцами, взяв перед ними обязательства содействовать успехам гитлеровских войск. Эта версия не подтверждена архивными документами. Однако Сабуров А. Н. дорожил своим словом.

В середине ноября Сталин прямо с больничной койки вызвал Власова в Кремль и приказал ему сформировать 20-ю армию, в последующем отличившуюся при обороне Москвы. Это была его первая встреча с Верховным главнокомандующим.

6 января 1942 года за умелое руководство 20-й армией и успешно проведенную операцию по освобождению Волоколамска и Солнечногорска Власову было присвоено звание генерал-лейтенанта и вручен орден Ленина. «В войсках его стали называть не иначе как спасителем Москвы. Над страной гремела его слава. О нем слагались даже песни:

Грохотали пушки басом,
Гром военный бушевал,
Генерал товарищ Власов
Немцу перцу задавал!» [4, с. 86—87]

В марте 1942 года Власов как заместитель командующего Волховским фронтом был направлен командующим фронтом генералом армии Кириллом Афанасьевичем Мерецковым во 2-ю Ударную армию, где сложилось тяжелое положение. 20 апреля его назначили «по совместительству» командующим этой армией. 2-я Ударная еще до прибытия Власова оказалась связана со своими лишь узким коридором. Немцы все более сужали «горловину», насквозь простреливаемую артиллерией, а у нового командующего не хватало сил и средств выправить положение. В 20-х числах июня в войсках кончились боеприпасы и продовольствие, нарушалось управление дивизиями. Разрозненными группами бойцы 2-й Ударной пытались пробиться к своим. С несколькими сотрудниками штаба и личным поваром Марией Вороновой Власов около трех недель блуждал по лесам и болотам. 11 июля они остановились на ночлег в деревне Туховежи. Местный староста запер их в сарае и сообщил немцам. Когда те ворвались в сарай Власов на ломаном немецком закричал: «Не стрелять, я генерал Власов». [4, с. 94]

Летом 1942 года Власов верил в победу Германии и решил связать свою судьбу с Гитлером. Власова отправили в Винницкий лагерь, где содержались советские генералы. Там с ним встретился офицер-переводчик Вильфрид Штрик-Штрикфельдт, выходец из Прибалтики, свободно говоривший по-русски. Власов заявил ему о своей готовности бороться против Сталина и согласился написать антисоветскую листовку.

3 августа 1942 года Власов обратился с письмом к Гитлеру, прося разрешение сформировать «Русскую освободительную армию» (РОА) из пленных и эмигрантов, поскольку, «ничто не подействует на красноармейцев так сильно, как выступление русских соединений на стороне немецких войск...» [5].

Многие пошли на службу в РОА в результате голода и невыносимых условий содержания в лагерях. Эти люди, доведенные голодом до отчаяния, принимали решение вступить в РОА и, получив оружие, перейти к партизанам. И позже они часто переходили на нашу сторону.

Весной 1943 года Андрей Андреевич Власов с разрешения немецкого командования предпринял несколько поездок по оккупированным советским территориям. Его речи перед населением были не совсем такими, каких ожидало берлинское руководство. В Смоленске, например, он сказал: «Я не марионетка Гитлера». В Луге спросил собравшихся: «Хотите вы стать рабами немцев?!» «Нет!» — отвечала толпа. «Я тоже так думаю. Но пока германский народ поможет нам, как русский народ помог ему в борьбе с Наполеоном».

В 1943 году в немецких вооруженных силах служило около 427 тыс. русских и украинцев. Впоследствии именно

их и стали называть «власовцами», хотя к самому Власову они не имели никакого отношения. Немецкое руководство не хотело предавать эти формирования под командование Власова, боясь усиления его армии. Поэтому фактически РОА до конца 1944 года не существовала. В боях против Советской армии участвовали лишь отдельные части и соединения.

В мае 1945 года большинство власовцев ушло на занятую американцами войсками территорию Чехии и Баварии. Многие из них позднее были выданы союзниками Сталину. Сам Власов со своим штабом при содействии американцев был захвачен советским танковым подразделением.

На суде Власов и его товарищи признали свою вину. Бывший главнокомандующий РОА в последнем слове сказал: «Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда, поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку. Ожидаю жесточайшую кару» [6]. Насчет кары Власов не ошибся — все подсудимые были приговорены к смертной казни.

2 октября 2001 года военная коллегия Верховного суда России отказалась реабилитировать генерала Андрея Власова и еще 11 его сообщников [7].

Литература:

1. Автобиография на комбрига Власова Андрея Андреевича.
2. Власов, А. А. Почему я стал на путь борьбы с большевизмом // Русскоязычная немецкая газета «Заря» 3 марта 1943
3. Стаднюк, И. Ф. Исповедь сталиниста. М.: Патриот, 1993
4. Красавин, В. А. Женщины в жизни генерала Власова // Актуальные вопросы гуманитарных наук. Сборник научных статей и выступлений. — М.: «Спутник +», 2013
5. Westerburg, E. J. Deutschland und Russland: Zu den außenpolitischen Konzepten des deutschen Widerstandes und der Vlasov — Anhänger im 2. Weltkrieg, Erlangen, 2000
6. Пальчиков, П. А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2
7. Коммерсант: Генерала Власова повесили правильно. 2001

Социально-экономические и административно-территориальные изменения в городе Маргилан (конец XIX века и начало XX века)

Мамадалиев Хушнудбек Исломжонович, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Город Маргилан до 1876 года был центром Маргиланского бекства, которое входило в состав бывшего Кокандского ханства. После упразднения ханств, в состав Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства был введен Маргиланский уезд.

С этого времени город Маргилан утратил своё значение как административный центр. Хотя город был самым крупным в данном уезде, но центральным сделали город расположенный дальше города Маргилан на 12 км.

Именно в этом месте построили новый русский городок, названный Маргиланом. После этого город Маргилан стал называться старым Маргиланом.

Хотя старый город Маргилан утратил своё административное значение, но сохранил социально-экономический статус. Даже и в это время Маргилан был не только крупным городом в Ферганской области, но и являлся одним из наиболее крупных городов Туркестана.

Город, окружённый большими глинобитными стенами, расположен в очень удобной и красивой местности [1], его площадь составляла 29 кв. км. Даже туристы, приезжавшие сюда в конце XIX — начале XX вв., говорили об удобном расположении и о красоте природы этого города [2].

Вокруг города и на его территории было много больших и маленьких садов и водоёмов. Особенно этим славился большой сад, принадлежавший бывшему бею Маргилана, в котором были миндальники, виноградники, персиковые, абрикосовые и другие деревья.

Город Маргилан отличался от других городов долины тем, что здесь было мало русскоязычного населения, поэтому администрация уезда не обращала внимания на строительство и благоустройство города. Но, несмотря на это, жители города имели исторический опыт в области бахчеводства, садоводства, шелководства, производства гончарных изделий, вышивания тюбетеек, производства медных изделий, обладали навыками и других ремёсел, а также занимались торговлей. Среди рынков в Ферганской долине Маргиланский рынок стоял на втором месте после Кокандского и отличался своей розничной ценой и разнообразностью изделий. Даже люди, проживавшие в старом городе Маргилан, приходили именно на этот рынок, пройдя несколько километров.

В городе Маргилан, как и в прошлом веке, сохранили значительную роль рыночные отношения с Кашгаром (Кошигар), Товары, привезённые из Кашгара, направлялись в Ферганскую долину, в города Коканд и Маргилан, и именно отсюда распространялись по всему Туркестану [3]. Таким образом, даже в области рыночных отношений Маргилан стоял на втором месте после Коканда.

Традиционным ремеслом города Маргилан было шелководство. Шелководством продолжают заниматься и в настоящее время. С целью получения значительной прибыли и оптимизации процесса размножения гусениц шелкопряда, правительство в городе создало новую лабораторию.

Для развития качества шелководства, широко использовались не только научные средства, но и традиционный опыт. По качеству шёлка, Маргилан занимал первое место среди городов Ферганской долины. Ткани из шелка увозились из Маргилана в Марсель (Франция), Константинополь и в европейскую часть России [4]. Также шелковые ткани пользовались спросом в таких государствах как Индия и Иран.

Особенно шелк играл важную роль в рыночных отношениях с Россией. Спрос на шёлк рос год за годом. Например, если в 1886 году из Маргилана вывезли продуктов шелководства на сумму 1.400 руб., то в 1885 году эта сумма составила уже 228.000 руб. [5].

Кроме этого из Маргилана вывозили в Россию различные ткани, кожу и мех, тюбетейки, а из России в Маргилан поставляли железо, краски, сахар, промышленные продукты. Маргилан, как и Туркестан, был основным продуктовым источником метрополии. По статистическим

данным, в 1895 году из России в Маргилан был привезён товар на сумму 332.800 рублей, а из Маргилана в Россию было отправлено товара на сумму 911.000 рублей, то есть в три раза больше [6].

Правительство империи организовало в городе Маргилане предприятия по расширению и развитию производства шелковичных червецов, а также станции для высушивания шёлковых волокон [7]. Таким образом, правительство старалась обеспечивать население всем тем, что требуется для увеличения производства шёлка [8]. В 1901 году в Маргилане функционировало 911 шелкопрядных заводов.

В Маргилане работали очень опытные и известные шелководы того времени.

В этой отрасли работали, в основном, женщины. Например, в 1901 году в Маргилане из 9669 домохозяек 1638 (16%) занимались шелководством [9]. Шелководство приносило доходы не только русским капиталистам, но и правительству.

Наряду с производством шелковой ткани, шелкового атласа, в Маргилане было широко развито производство меховых и бумажных изделий. Самыми распространёнными были хан-атлас и восьмиступенчатый атлас. В конце XIX — начале XX вв. всего 2000 человек занимались шёлкоткачеством [10].

Кроме этого в городе широко развивалась изготовление адраса, кисеи и других видов ткани. Например, в конце 80 гг. XIX в. в Маргилане действовало 61 предприятие по изготовлению адраса, 12 предприятий по изготовлению кисеи, 33 предприятия по изготовлению шёлковых платков, 154 кокономотальных предприятия [11].

В Маргилане было не так много промышленных заводов, по сравнению с другими городами Ферганской долины. В городе работали всего 4 небольших хлопкоочистительных цеха, шелкопрядильные цехи и филиал Российско-Китайского банка. Основными владельцами торговых и промышленных предприятий городов Ферганской долины, таких как Коканд, Андижан и Наманган, составляли представители московских фирм, а также местные еврейские фирмы. В Маргилане же, основную часть владельцев составляли представители местного населения [12].

В 1901 году расходы города Маргилан составляли 38.333 рубля, а прибыль составляла 42.395 рублей и это явно показывает экономическое состояние города [13]. Но администрация городского уезда в 1913 г. израсходовала на городские потребности всего 480 рублей на образование (только для русско-туземных школ), 28.271 рублей на 53 направление полицейское и 15.000 рублей на санитарное состояние города.

В это время, в городе функционировали 25 медресе. Кроме этого, в 1908 году в городе работали 56 начальных школ для мальчиков и 25 для девочек. В них учились 1246 мальчиков и 330 девочек [14]. Все эти школы были отремонтированы с помощью местных бизнесменов, с вакфного имущества и с помощью родителей учащихся.

Не обращали внимания не только на образование, но и на строительство и благоустройство города. Значительную роль в таких ситуациях, как решение социально-экономических проблем, играла щедрость местных, авторитетных капиталистов. По заметкам сотрудника Маргиланского уезда, Мухаммада Азиза Маргилани, все авторитетные капиталисты не жалели собственных денежных средств на урегулирование социального состояния города. Местные капиталисты на собственные средства строили новые бани, мечети, школы, старые рынки ремонтировались и дополнялись новыми лавками. Мухаммад Азиз Маргилани в своём сочинении упоминает имена 15 таких купцов и знатных людей вместе с их благими делами [15].

В связи появлением в начале XX в. на территории Средней Азии кино, в Маргилане местные богачи из своих денежных средств построили кинотеатр. В Маргилане любители искусств весьма интересовались литературой и поэзией [16]. Ходжимухаммад Азимжон Маргилани был одним из представителей местной власти, построил издательство для выпуска художественной, поэтической и религиозной литературы. Кроме этого, в городе беспрерывно работали 16 книжных лавок [17].

В своём сочинении, Мухаммад Азизжон Маргилани приводит интересные сведения о нефтяных запасах, найденных неподалёку от города. По его утверждению, в то время в пустыне между Чимня и Олтиарык, где была найдена нефтяная скважина, под землёй сохранились лестницы из дерева арча [18], и это в очередной раз доказывает тот факт, что здешний народ раньше умел пользоваться подземельными маслами.

Действительно, в последние годы функционирования Кокандского ханства, на территории Маргилана было 15 нефтяных скважин, а в долине было всего 200 нефтяных скважин и население свободно умело пользоваться ими. В 1860 году по приказу хакима области Султана Мурадбека, у скважин были выкопаны арыки и пруды, и с целью сохранения их окружили стеной. Накопленную нефть наливали в кожаные мешки, затем привозили в Маргилан для получения керосина, для чего кипятили нефть в чугунных котлах. Керосин был самым ходовым товаром, так как он являлся дешёвым источником света и им широко пользовались на железнодорожных станциях.

Особенно качественным был керосин, полученный из нефти, привезённой на верблюдах и лошадях из села Чимян, в 25 верстах дальше города Маргилана, поэтому чимянская нефть привлекала большое внимание состоятельных людей.

Самой распространённой отраслью было изготовление масел, вследствие чего в Маргиланском уезде в начале XX века число маслосточных заводов увеличилось в два раза. По сравнению с маслами, изготовленными на маслосточных заводах русских предпринимателей, потребности населения удовлетворяли масла и масляные продукты местных заводов.

Вообще, как уже было сказано, по сравнению с другими городами долины, в Маргилане промышленных объ-

ектов было немного. В городе и в его окрестностях вели деятельность всего лишь 13 хлопкоочистительных цехов, филиал Российско — Китайского банка. Однако, все активные экономические перемены, происходившие на территории Ферганской долины, серьезно повлияли на жизнь города, обширно стали развиваться такие отрасли как виноделие, хлопководство, шелководство. Наряду с ними, стало широко развиваться виноградарство, так как в это время, развитие виноделия шло быстрыми темпами, и потребность в винограде росла. В итоге в городе увеличивалось число виноградных садов. Так, на территории Маргиланского уезда в 1891 году виноградники занимали 1350 десятин земли [19], а в 1897 году это число достигло 2352 десятины [20].

С этого времени, количество продукта, получаемого из винограда, увеличивалось. Так, например, если в 1880 году количество выращенного винограда составляло 93.000 пудов [21], то к 1897 году этот показатель достиг 352.000 пудов [22], а в дальнейшие годы ещё более увеличился. Если раньше на территории Маргилана виноград употребляли в высушенном виде, то потом стали изготавливать вино. По сведениям источников, в 1892 году на территории Маргилана, работали 5 винных заводов и они в 1 год произвели 28.200 вёдер вина (если 1 ведро равняется 10 литрам, то 282.000 литров) и 200 вёдер уксуса [23].

Население города год за годом росло. По официальным данным, в городе в 1897 году было 36.000 человек, а к 1910 году, численность населения достигла 47152 человека [24]. Однако, сумм, выделенных на социальную жизнь города, не хватало. Так в городе работало 2 аптеки, 2 врача, 1 больница на 20 человек и 1 детская и женская больница на 10 человек [25], что было недостаточно для увеличивавшегося населения города.

Несмотря на малочисленность пунктов медицинского обслуживания, климат города был чистым и свежим, что способствовало низкому уровню заболеваний. Люди приезжали из соседних городов в Маргилан, чтобы лечиться [26].

В конце XIX — начале XX вв. в городе Маргилан не произошло значительных изменений по сравнению с другими городами Ферганской долины. Этому способствовала малочисленность русскоязычного населения, в связи с чем, город остался без значительного внимания. Несмотря на ускоренное развитие производства продовольственных изделий и их переработки, вывод их на рынки империи, это не мешало продолжению многовековых традиций местного ремесла, в особенности шелководства и некоторых других видов, а наоборот способствовало их оптимизации. Оставшийся без внимания, город самостоятельно поддерживал свою экономическую, социальную и культурную жизнь с помощью местных предпринимателей и благородных людей, чему, конечно же, способствовал также труд и многовековой опыт народа. Благодаря этому, местное население сохранило национальные и исторические традиции.

Литература:

1. Volume V17, Page 705 of the Encyclopedia Britannica.
2. Мурахина., Л. По Средней Азии и Тибету: Путешествие Свена Хедина. Вокруг света. 1899. №3, с. 38–42.
3. Ежегодник Ферганской области. Том I. Выпуск 1902. Новый Маргелан. 1902. С. 45–48
4. Там же, С. 190–191.
5. ЦГА РУз. 23-фонд, Д. — 470, Л. — 188–190, 115–146
6. ЦГА РУз. Оп. — 1, Д. — 188, Л. — 242
7. Кустарные промыслы в быту народов Узбекистана в XIX-начале XX вв. Т. 1986. С. 47
8. ЦГА РУз. 19-фонд, Оп. — 1, Д. — 1170, Л. 430
9. Там же, Л. 181
10. Курбангалиева, Р. Быть и культура рабочих узбеков шелководной промышленности города Маргелана. Ташкент, 1966. С. 37
11. ЦГА РУз. Ф. И–19, Оп. — 1, Д. — 1170, Л. 233
12. Статистический обзор Ферганской области за 1905 год. г. Скобелев 1908. с. 67
13. Ежегодник Ферганской области. Том I. Выпуск 1902. Новый Маргелан. 1902. С. 6
14. ЦГА РУз. Ф. 2412, Д. — 1, Л. 31
15. Мухаммад Азиз Маргилоний. Тарихий Азизий (Фаргона чор мустамлакаси даврида). Нашрга тайёрловчилар, сўз боши ва изохлар муаллифлари Ш. Вохидов, Д. Сангирова. 1999 йил. 66–67, 87–90 бетлар. Полный текст данного произведения хранится в виде рукописи в фонде хранения института Востоковедения имени Академии наук Республики Узбекистан под номером № 11108.
16. Журнал «Мухбир», 1982. № 1. 46–47 стр.
17. Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. г. Скобелев 1912. С. 174
18. Там же, с. 74
19. Обзор Ферганской области за 1891 год. Новый Маргелан. 1898. с. 5
20. Обзор Ферганской области за 1897 год. Новый Маргелан. 1899. с. 5
21. Обзор Ферганской области за 1890 год. Новый Маргелан. 1893. с. 10
22. Обзор Ферганской области за 1897 год. Новый Маргелан, 1899. с. 5
23. ЦГА РУз, 19 фонд, опись — 1, Д. — 24243, Л. 16, 18
24. Статистический обзор Ферганской области за 1910 год. г. Скобелев 1912. С. 170
25. Там же, с. 171.
26. Материалы для статистики медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. (В. И. Кушелевского). том II, Издание Ферганского областного статистического комитета. Новый Маргилан. 1891. с. 55

Changes in the administrative-political and regional administrative system of the cities of Fergana valley (in the example of 1917–1924 years)

Мансуров Улугбек Умарович, старший преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Ulugbek Mansurov, senior teacher of Namangan State University.

The beginning of XX century is one of the periods in which the most serious change took place in the history of Turkistan. During the past decades the processes done in the region drifted into the surface of social life, and opened the deep stinginess which encircled its basis. The processes appeared due to the outer and inner factors were not naturally the same, but they were single by the aspect of their destructive influence. In the beginning of XX century the territory of the present Uzbekistan included the Turkistan general governorship which was founded after the Empire of Russia conquered Central Asia and added as a colony in its structure, the emirate of Bukhara and the khanate of Khiva.

Among them Turkistan general governorship was in the first place by its territory and population. Turkistan general governorship composed of Samarqand, Sirdarya, Fergana, Caspian and Ettisuv provinces. The population of Turkistan was more than five million people, most of them were the Uzbek, the Tajik, the Kirgiz, the Kazak, the Turkmen and other nations. All of them were Muslims believing in Islam.

In the beginning of XX century Kokand uyezd was situated in the west of Fergana valley, its total area was 12701 square verst, and the population was 460 thousand people. According to the national composition, the Uzbek were 358 thousand people, the Tajik were 52 thousand people,

the Kirgiz were 19 thousand people, the Russian were 16 thousand people, the Karakalpak were 7 thousand people and other nations. Administratively the uyezd ((*Russian*) *smallest administrative unit until 1923*) was divided into 23 volost ((*Russian*) *smallest administrative unit in Tsarist Russia*), 137 rural communities. Also, Kokand city consisted of 4 police officers and 4 local chiefs which were under the command of the head local chief. All the population of the uyezd was separated into Kokand city and 828 communities. Kokand city functioned as a centre in the trade not only of the uyezd, but also of Fergana valley. In 1917 the population of the city was 115 thousand people. Kokand uyezd was divided into Prigorodniy, Kudash, Serova and Yangi-kurgan districts. The new and the old parts of the city in Kokand were joined each other. The territory of the new part of the city was 310 dessiatina (*measure of land = 10,900 sq. metres or 2.7 acres*) including residences and gardens, and the population was 31117 people. 12213 of them were Russians, 18904 of them were the local nations. In the new part of the city there was a hospital with 110 places, and 2 doctors, 4 assistances of the doctors, 2 midwives worked there. The old part of the city together with residences and gardens was 1239 dessiatina.

Every city in the valley had their own territory as follows¹: The territory of Fergana city was 913 dessiatina, the territory of Kokand city was 2149 dessiatina, the territory of Margilan city was 1868 dessiatina, the territory of Namangan city was 3489 dessiatina and the territory of Andijan city was 3045 dessiatina.

There were 7 cities in Fergana valley. They were divided into New Margilan, 4 uyezds (Kokand, Namangan, Andijan and Osh) and 2 cities without uyezd (Old Margilan, Chust)².

In 1917 2 million 45 thousands of the population of Fergana province lived in the villages and 388 thousands lived in towns³. In 1920 the population of Turkistan was 5664500 people and the population of Fergana was 2 million 112 thousand people and it comprised 37,3% of the population of Turkistan⁴. In 1920 64,8% of the population of Fergana valley was comprised of Uzbeks, and only 19,2% of them lived in towns⁵. Also, in Fergana valley 362900 people were Kirgiz, 10700 people were Karakalpak, 42500 people were Kipchak (they lived mainly in Northern Fergana, Andijan and Namangan), 167800 people were Tajik (they lived in Namangan and Kokand uyezds).

In the result of the February bourgeois democratic revolution happened in Russia in February 1917, the system of monarchy was turned down and the Temporary government under the leadership of Kerenskiy was founded. In 1917 the council of worker-farmers and soldiers was organized in Andijan, Skobelev, Namangan and Osh on March 3 and in Kokand city on March 4. In 1917 on March 14 the election was held for Andijan uyezd-city executive committee⁶. According to the result of the elections Maslov, F.T. Chaykin, V.A. Tur-sunkhodjaev, Braizgalov, Rozaliev, Sumarokov were elected to the council of worker-farmers and soldiers.

In Turkistan the work of Councils especially played an im-

portant role in solving the national problems. They began to be founded after the February revolution. Up to March of 1917 their number increased to 75. In Fergana, Tashkent, Samarkand, Andijan, Osh and other cities the councils of Muslim worker deputies and in Kokand Skobelev, Margilan cities the councils of Muslim workers, Ittifaq (the Union), the council of the poor, the union of Muslim workers were established⁷.

In November 1917 in Namangan city the council of worker and soldier deputies was organized. In the meeting of the new elected deputies the new composition of the executive committee was elected. G. Bildin (a worker, a member of RSDWP), S. Daudyans (an Armenian, a servant, the head of bolsheviks'faction of RSDWP), I Khokhlov (a servant, the head of the social revolutionaries'faction) were at the head of the city executive committee⁸. None of the local people representatives was included in the position of chairmanship. Also, there were only three or four uneducated workers from the local people representatives. They didn't participate in the work of the executive committee at all.

There were administrative positions with different names in Fergana valley. For example, in Andijan they were called «Duma», In Osh «Oqsoqol», in Kokand «Qurboshi»⁹. In 1918 May Duma was dispersed in Old Margilan, Osh and Skobelev (Fergana), and in December in Andijan. According to the decision of the meeting of Namangan city worker-soldiers and Muslim deputies held on May 14 in 1918, Namangan city Duma and the city administration were dispersed¹⁰. In 1918 on June 20 the chairman of the council of Fergana valley Krutikov approved this decision¹¹. In 1918 on May 12 the chairman of Deputies' council of Namangan city I.T. Hohlov, a member of executive committee Surobov having checked the work of Chust city state Duma, didn't satisfied with its work. It was confirmed that the head oqsoqol of the Duma Fayozboev and his secretary Mirzahamid Mirzakhujaev hadn't held any meeting among the members of the Duma in the past years and their work was taken under the criticism¹². In May 1918 the Duma of Chust city was dispersed¹³.

During 1918 in the result of destruction of the local self-governing authorities the control on the local economy and cultural establishments passed completely to the hand of the new government.

In 1918 on January 17 the Council of Osh city was founded under the leadership of the Bolsheviks. A.G. Anoshin was elected as the chairman of the Council and Kudrat Abdu-rasulov was elected as an assistant. In 1918 on February 5 in the uyezd of Osh the government of Bolsheviks was set up¹⁴. In 1918 on December 9 the revolutionary committee took the control of the administration of the Osh uyezd-town.

From 1918 October to 1919 August the executive committee of the worker and soldier deputies of Namangan uyezd-town worked as the branch of the Soviet government in Namangan uyezd and town. The executive committee of the Namangan uyezd-town council worked under the control of the worker and soldier deputies' council of Fergana valley. The committee of Namangan uyezd consisted of the

following departments: the head of security department of Namangan city, the department of Finance, the committee of Public property¹⁵. In September of 1919 the revolutionary committee of Namangan uyezd-town was formed. This revolutionary committee worked from 1919, September to 1921, March 10, and was under the control of the revolutionary committee of Fergana valley. The revolutionary committee consisted of the following departments: the detachment of Food, the department of Education, the department of town property, Health department, the department of Finance, the Police department, Social support and Labour department, the department of land and water property, the council of public property, the committee of cotton of the district¹⁶. On March 11, 1921 the Namangan uyezd-town council was formed and the first meeting of worker-farmers and soldiers was held. In this meeting the following departments of the executive committee of Namangan uyezd-town were founded: the department of administration, political bureau, military commissariat, the department of land and water property, the council of public property, the department of public property, the department of food, Health department, the inspectorate of workers, communal department, the department of Finance, the department of social support, Labour department¹⁷. The council of Namangan uyezd-town, as the higher organ of the government, solved all the questions and problems in the region, and also controlled all the existed establishments and enterprises. The executive committee of Namangan uyezd-town worked under the control of the council of worker and soldier deputies of Andijan okrug.

The question of forming the Turkistan soviet autonomous government was officially looked over in the V congress of the region's councils in 1918. The congress of the councils of workers, soldiers, farmers and Muslim farmers was introduced as the higher legislative body of TASSR, and the Central Executive committee was introduced as the permanent legislative body. It was emphasized that the local councils and their executive committees should do the functions of the government¹⁸.

In summer 1920, according to the decision of TurkMIK, Turkcommission and communist party of the region, several works were carried out about the elections for volost and village councils. In 1920 on June 14 the compound meeting of the revolutionary committee of the uyezd-town and the committee of Party took place in Namangan too. According to the decision of it, the governors of volost, the local chiefs of town and villages and the title of *ellikboshi* (*hist. military rank of officer in charge of 40–50 cavalry; title of prerevolutionary minor official*) was ended. Immediately it began to organize the district committees and volost councils. The volost governors in force were not included in the composition of the councils and Revolutionary committees. In Namangan too, instead of local chiefs and *mingboshi* (*head of a local district or town; head of an army, commander*) the district committees were organized and the members of the party — communists were appointed to their chairmanship¹⁹.

Although the Soviet government was established in Namangan in 1918, January 7, the former administrative customs remained in the uyezd until 1920²⁰. Particularly, in the Volosts — volost governors, in the villages — village chiefs, in the residential part of the town — the administration of local chiefs remained²¹. In 1920 on June 14 in Namangan city, the special compound meeting of the uyezd-town revolutionary committee was held about organizing the revolutionary committees in the committees of the Part and uyezd. The chairman's speech about the questions above was listened to and the following decision were made. «To put an end to the administration of volost, the administration of local chiefs of town and villages. To organize the household associations of town and volost. Not to get the former volost governors into the composition of the new established volost and revolutionary committee»²².

In June and July 1920 in Namangan uyezd the first elections for the local authorities and revolutionary committees were held²³. According to it, 29 volosts, 4 villages and 8 district revolutionary committees were established²⁴. The local chiefs, *mingboshis* in the old part of Namangan city were changed to block committees. On October, 1920 the 4 district governors of the old city were newly appointed. Ismoil Babaraimov was appointed to Labbaytoga district, Abdulqori Toshboev was appointed to Degrezlik district, Marufkhujja Akhmadkhujjaev was appointed to Chukurkucha district, Nusratulla Kurbonov was appointed to Sardoba district²⁵.

On May 26, 1922 the Central Executive Committee of Turkistan introduced the judges' power of attorney. According to it, the judges might see the following matters in the circle of their power of attorney. 1). Family events. 2). Inheritance. 3). Civil affairs not more than 500 sums. 4). Affairs concerning land not more than 15 *tanob* (*arch. (Arabic) cord used for land measure; cord; unit of land equal to 1/6–1/2 hectare*) and others. Judges were elected to their position by the agreement of the local people and the complaints to them were accepted in written form. There were also biy courts in Fergana province, as a rule they saw the affairs of livestock breeders²⁶. In May, 1922 180 judge courts worked in Fergana province²⁷.

In January, 1920 the Central Executive Committee of Turkistan made a decision to name the city of Skobelev as Fergana²⁸. The city was officially called Fergana in 1924²⁹.

According to the administrative division, the Republic of Turkistan was divided into 6 provinces in 1922, on February 15. According to it, Fergana province consisted of five uyezds. Namangan uyezd consisted of 29 volosts, Osh uyezd consisted of 14 volosts, Andijan uyezd consisted of 23 volosts, Kokand uyezd consisted of 23 volosts, and Margilan uyezd consisted of 20 volosts³⁰.

There were 64 towns in the Republic of Turkistan in 1923, and 946512 people were registered in them. Particularly, 222789 people lived in the 12 towns in Fergana province and they comprised 23.5 % of the population of the province³¹.

In 1924 the territory of the cities of Fergana valley was 11466 dessiatina 1.950 square sazhen [*'sa:zen*] (*mea-*

sure of length = 2.134 metres). In 1923–1924 the number of the population of Fergana valley was 1297239 people. 222789 people lived in towns and 1074450 people lived in the countries. In 1924 the population of Fergana province was comprised of 68,2% Uzbeks, 17,2% Kirgizs, 8,9% Tajiks, 2,3% Russians and 3,4% other nations³². The number of the population of the cities of Fergana province decreased 45% in 1923 than in 1920³³. That is, in 1920 the population of the cities of Fergana province was 405301 people, and in 1923 their number decreased to 222789 people.

In conclusion, in the influence of the February revolution in 1917, in Turkistan, particularly, in the cities of Fergana valley the political processes grew active, national organizations and societies were established, Duma began to work in the administration of towns all over the region. In the result of the elections held in summer in 1917 in the cities such as Kokand, Samarkand, Andijan the local people took positions in Dumas. Local political organizations were established in the cities, their members, huge capitalists, local

businessmen, progressivists were actively involved in political processes. But, in October, 1917 Bolsheviks took the government by force, and the progress of the events changed. Because, they didn't let the local people not only in the administration of towns, but also in the government of the region. Though the freedom appeared in the administration of towns in the cities of Fergana valley in the result of the February revolution, the October overthrow put an end to this freedom.

In the result, armed opposite movements against Bolsheviks began. The soviet government was settled by force in the cities of Fergana valley too. But, in this time although Bolsheviks had promised to create a condition for the nations in the places to maintain their own destiny themselves, practically they achieved to put down any kind of movements on this way strictly. The Turkistan autonomous government established in Kokand city ended by force, this case caused to increase the public movements against politics of Bolsheviks in the region. The increase of the internecine struggles intensified the socio-economic situation and moral situation in the cities.

Reference:

1. ЎЗРМДА. Р. 39-фонд, 2-рўйхат, 578-иш, 5-варақ.
2. Записки о состоянии Ферганской области. 1906 г. — с. 14.
3. Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. — Москва: Госполитиздат, 1958. — с. 22.
4. Статистический Ежегодник 1917–1923 гг. Составлен под редакцией Д. П. Красновского. Том I. — Ташкент: Издание ТЭС-а, 1924. — с. 42.
5. Муллажонов И. Р. Ўзбекистон аҳолиси. — Тошкент: Ўзбекистон, 1974. — Б. 51.
6. Туркестанский голос. 1917, 14 марта.
7. Камилов А. А. Туркистонда миллий масала муаммоларни ҳал этишда Туркистон МСР миллатлар ишлари халк комиссарлигининг фаолияти. Тарих. фан. ном. диссертацияси. — Тошкент, 1993. — Б. 30.
8. НВДА. Р. 796-фонд, 1-рўйхат, 51-иш, 5-варақ.
9. ЎЗРМДА. Р. 17-фонд, 1-рўйхат, 336-иш, 227-варақ.
10. Щит народа (Фергана). 1918, 3, 4.
11. ЎЗРМДА. И. 19-фонд, 1-рўйхат, 35203-иш, 16-варақ.
12. Чуст давлат архиви. Р. 222-фонд, 1-рўйхат, 18-иш, 428–432 — варақлар.
13. ЎЗРМДА. Р. 25-фонд, 1-рўйхат, 84-иш, 147-варақ.
14. Маллабаев Д. М. Проблемы власти в истории Оша (с древнейших времен и до наших дней). Ош и Фергана в исторической перспективе. Выпуск 3. — Бишкек: Мурас, 2000. — с. 109.
15. НВДА. Р. 13-фонд, 1-рўйхат, 7-иш, 102-варақ.
16. НВДА. Р. 13-фонд, 1-рўйхат, 3-иш, 93-варақ.
17. НВДА. Р. 13-фонд, 1-рўйхат, 13-иш, 25-варақ.
18. Усмонов К., Содиқов М. Ўзбекистон тарихи (1917–1991 йиллар). — Тошкент: Шарк, 2002. — Б. 29.
19. НВДА. Р. 796-фонд, 1-рўйхат, 51-иш, 20–21 варақлар.; Приказы Наманганского-уездно-городского ревкома // Рабочий путь, 1920. 14 апрель.
20. НВДА. Р. 796-фонд, 1-рўйхат, 59-иш, 3-варақ.
21. НВДА. Р. 796-фонд, 1-рўйхат, 51-иш, 20-варақ.
22. НВДА. Р. 13-фонд, 4-рўйхат, 9-иш, 1,8-варақлар.
23. НВДА. Р. 243-фонд, 1-рўйхат, 34-иш, 139-варақ.
24. ЎЗРМДА. Р. 25-фонд, 1-рўйхат, 316-иш, 98–99 варақлар.
25. НВДА. Р. 13-фонд, 4-рўйхат, 9-иш, 22-варақ.
26. ЎЗРМДА. Р. 17-фонд, 1-рўйхат, 45-иш, 20-варақ.
27. ЎЗРМДА. Р. 25-фонд, 1-рўйхат, 19-иш, 117-варақ.
28. ЎЗРМДА. Р. 17-фонд, 1-рўйхат, 687-иш, варақ–20.
29. Уразаев Ш. З. Туркестанская АССР и её государственно правовые особенности. — Ташкент: Госиздат УЗ ССР, 1958. — с. 155.

30. ЎзРМДА. Р. 17-фонд, 1-руйхат, 687-иш, 20-варак.
31. Классовый и профессиональный состав городского населения ТССР в 1923 г. — Ташкент: Издание Туркестанского Экономического Совета, 1924. — с. 1.
32. Якубов Б. Из истории партийной организации Ферганы. — Ташкент: Фан, 1967. — с. 201.
33. ЎзРМДА. Р. 25-фонд, 1-руйхат, 1391-иш, 114-варак.

Организация научно-исследовательской деятельности Русского географического общества

Мудрова Наталья Петровна, аспирант
Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

В первой четверти XVIII в. сложились предпосылки для создания научных обществ в России, интенсивное развитие которых пришлось на следующее столетие. Недостаток сведений о России в географическом и статистическом отношении ощущался как правительством, так и частными лицами. Формирование капиталистических отношений, способствовало проявлению интереса к собиранию детальных сведений о ее природных ресурсах, промыслах, земледелии, торговли и населении. Возникает настоятельная потребность в создании организации, способной дать ответы на возникавшие вопросы.

В 1845 г. было основано Русское географическое общество. Особая роль в его создании принадлежит Академии наук, с самого своего основания (1724 г.) живо интересовавшейся вопросами, связанными с географическим изучением Российской империи. Об этом свидетельствует создание при Академии наук Географического департамента (1739—1799 гг.) [1, с. 151]. В деятельности Общества было заинтересованно и Военно-морское ведомство. Колониальная политика основных морских держав (Англия, Франция), требовала не только внешнеполитических усилий России, но научной океанографической информации, эволюции проблематики морской биологии.

Морское Ведомство России оказало решающее влияние на организацию научных изысканий Географического общества. «Исследование русских морей — дело русского государственного интереса и инициатива здесь должна принадлежать исключительно России...» [2]. Создалась редкая в истории науки ситуация совпадения государственных и общественных интересов.

Идея создания Общества появилась в четырех кружках, члены которого «близко принимали к сердцу интересы науки и отечества». Один из этих кружков состоял из русских мореплавателей (Ф.П. Литке, И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Врангель и др.). Вторым был академический кружок, состоявший из физиков и математиков Академии наук (К.М. Бэр, В.Я. Струве, Г.П. Гельмерсен, П.И. Кеппен и др.). В третий кружок входили бывшие офицеры Главного Штаба (Ф.Ф. Берг, М.П. Вронченко, М.Н. Муравьев и др.) Состав четвертого кружка был не многочислен, в него входили деятели по различным отраслям русской

науки (А.И. Левшин, П.А. Чихаев, В.И. Даль) [3, с. 1.]. 17 человек стали членами учредителями Общества [4].

В докладной записке, направленной адмиралом Ф.П. Литке Министру Внутренних Дел, необходимость учреждения Общества мотивировалась обширностью территорий и малой изученностью Российской империи. Им же весной 1845 г. был разработан проект Устава будущего Общества. В нем четко определялись главные цели и задачи общества: «Собирать и распространять в России географические особенно, статистические и этнографические сведения вообще и в особенности о самой России, а также сообщать достоверные сведения о России другим землям» [5].

По повелению императора Николая I об учреждении Общества было сообщено Министром Внутренних Дел Правительствующему Сенату и напечатано в Сенатских Ведомостях 15 (27) августа 1845 г. В официальном сообщении говорилось, что «по ходатайству Генераль-Адъютанта Литке и других лиц об учреждении Русского Географо-Статистического Общества, в состоянии его в ведомстве Министра Внутренних Дел, к ведению коего принадлежит статистики государства, он, Министр Внутренних Дел, входил о сем с представлением в Комитет Министров, по положению коего Государь Император 6-го августа на ходатайство учредителей соизволил, с наименованием Общества, коего цель состоит в разрабатывании отечественной географии, статистики и этнографии, Географическим, благоволив утвердить в то же время представленный учредителями Временный Устав и даровать Обществу по десять рублей серебром ежегодно из Государственного Казначейства» [6, с. 5.]. В 1849 г., по повелению императора Николая I, Общество получило титул Императорского.

Общество стало четвертым по времени возникновения в Европе. К этому времени аналогичные Общества существовали в Париже (1821 г.), Берлине (1828 г.), Лондоне (1830 г.). По размерам финансирования Русское географическое общество было вторым среди европейских географических обществ, на первом месте было Королевское общество Англии. Первым председателем общества стал Великий князь Константин (второй сын Николая I — Н.М.). Вице-председателем Общества был избран граф Ф.П. Литке, бывший фактически его главой с 1845—

1850 гг., однако с 1850 г. по январь 1857 г. его на этом посту сменил сенатор М. Н. Муравьев, но уже в 1857—1873 гг. Обществом вновь руководит Ф. П. Литке, в дальнейшем вплоть до 1914 г. Географическое общество возглавлял П. П. Семенов [7].

В момент создания Общества, согласно его Уставу, предусматривалось четыре отдела: общей географии руководил Ф. П. Врангель, географии России — В. Я. Струве, этнографии — К. М. Бэр, статистики — П. И. Кеппен [8, с. 6.]. Отделы Общества объединяли передовых людей страны, объединенных общими интересами, не регламентированных образовательными, имущественными и словесными границами.

Буквально с первых дней его создания начинается активная и плодотворная деятельность не только по изучению огромной территории Российской империи, но и «стран с нею сопредельных» (Китайская империя, Афганистан, Персия, Азиатская Турция, а также Балтийский полуостров). Географическое общество быстро охватило своими подразделениями всю территорию страны.

В 1848 г. Обществом была разработана этнографическая программа, изданная и разосланная в количестве 7 тысяч экземпляров во все уголки России. Программа включала 6 разделов: относительно наружности; о языке; о домашнем быте; об особенностях общественного быта; об умственных и нравственных способностях и образовании; о народных преданиях и памятниках [9, с. 52.]. Собранные по данной программе материалы легли в основу уникального архива Русского географического общества.

Для более глубокого изучения районов Российской империи, ее окраин, отличавшихся своеобразием природы и истории, родилась идея учреждения постоянных региональных отделов Русского географического общества. В июле 1851 г. открываются два первых региональных отдела — Кавказский (Тифлис) и, Сибирский (Иркутск). Затем создаются отделы: Оренбургский, Северо-Западный (Вильно), Юго-Западный (Киев), Западносибирский (Омск), Приамурский (Хабаровск), Туркестанский (Ташкент).

За время существования, Географическое общество неоднократно меняло свое название. С 1917 по 1925 гг. оно именуется как Русское географическое общество,

а с 1925 по 1932 гг. Общество стало именоваться как Государственное географическое общество, все более ощущая «усиление» идеологического давления власти. С 1932 по 1938 гг. Общество стало именоваться — Государственное географическое общество РСФСР, существовавшее до 1938 года, курируемое и отчасти финансируемое Министерством Внутренних Дел, а затем Народным комиссариатом просвещения.

В 1938 г. Общество оказалось включенным в число учреждений Академии наук, что считалось актом «положительной оценки деятельности Общества» Протокол №3 заседания Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1938 г. зафиксировал факт передачи Академии наук при Совете народных комиссаров СССР Всесоюзного Географического Общества в Ленинграде. С этого момента Общество стало именоваться Всесоюзным, являясь таковым до 1945 г. Уже с 1945—1992 гг. оно становится Географическим обществом СССР, а 21 марта 1992 г. Ученый совет Общества принял историческое решение: «В связи с ликвидацией союзных структур и необходимостью переименования, возратить Географическому Обществу СССР его первоначальное историческое название и впредь, до съезда, именовать «Русское Географическое Общество» [10].

Сегодня Русское географическое общество — это все-российская общественная организация, которая объединяет около 27 тыс. членов на территории всех субъектов Российской Федерации и за рубежом, имеет региональные и местные отделения, а так же филиалы и представительства по всей России. [11].

В 2009 г. в Москве состоялся внеочередной XIII съезд Географического общества. На съезде был избран президент Общества, им стал министр по чрезвычайным ситуациям РФ Сергей Кужугетович Шойгу. В ходе съезда премьер министр РФ Владимир Владимирович Путин принял предложение возглавить Попечительский Совет Русского географического общества [12].

Несмотря на изменения в исторической судьбе страны и неизбежные организационные преобразования Русское географическое общество сыграло и продолжает играть значимую роль в научной и культурной жизни российского общества.

Литература:

1. Берг, Л. С. Очерки истории русской географической науки. Л., 1949. с. 151.
2. Русский флот и гидробиологические экспедиционные исследования южных морей// Режим доступа: <http://www.navycollection.narod.ru/>
3. Семенов., П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического общества 1845—1895. Ч 1. СПб., 1896. С 1.
4. П. И. Рикорд, А. И. Левшин, П. А. Чихаев, В. И. Даль, Ф. Ф. Берг, М. П. Вронченко, М. Н. Муравьев, К. М. Бэр, В. Я. Струве, Г. П. Гельмерсен, П. И. Кеппен, Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, Ф. П. Врангель, В. А. Перовский, К. И. Арсеньев, В. Ф. Одоевский.
5. Проект Устава Русского географического общества. Положения общие. СПб., 1845. с. 1.
6. Семенов., П. П. Указ. соч. с. 5.
7. Русское географическое общество// Режим доступа: <http://www.rgo.ru/rgo/istoriya>

8. Семенов., П.П. Указ. соч. с. 6.
9. Программа для соби́рания сведений по этнографии. Живая Старина. Вып. 1. СПб., 1890. с. 52.
10. Русское географическое общество// Режим доступа: <http://www.rgo.ru/rgo/istoriya/>
11. Там же.
12. Там же.

To the history of relations between countries of Central Asia and the Russian Federation

Муллаев Азиз Шомахматович, ассистент, соискатель
Самаркандский государственный университет (Узбекистан)

Mullaev Aziz Shomakhmatovich Assistant-seeker of Samarkand State University,
The Republic of Uzbekistan

In today's age of globalization economic and socio-political development of each country is associated with the integration into global community. From the very first years of independence the Republic of Uzbekistan is the supporter of deepening of comprehensive integration processes. Regarding to geographical location, the possession of ground and underground resources, the size of economy, the cultural level, Uzbekistan ranks its inherent position in Central Asia.

The further profound fraternity of our country with inherently connected states in economic, political, historical and cultural fields corresponds to the vital interests of the Republic of Uzbekistan. Therefore, the deepening and development of the relations of Central Asia with the CIS countries are constantly in the spotlight of Uzbekistan's foreign policy.

In this field, the main priority is consistent and turn-based regional integration. Uzbekistan along with the development of bilateral and multilateral trade and economic ties with neighboring and foreign countries attached great importance to sustainable peace and tranquility. In order to reinforce peace and stability in the region and on the whole earth, the intensification of the cooperation in the field of safety is paramount direction of Uzbekistan's foreign policy.

In this direction, Uzbekistan has established stable strategic cooperative ties with a number of countries in the world. It had been established strong ties with the Russian Federation on March 20, 1992. In the late 20th century and early 21st century in the areas of economy and culture policy on the part of Central Asia and Russia new views and attitudes emerged. In general, the values of these relations are very important and endless.

As the President of the Republic of Uzbekistan, I. A. Karimov, in the first session of the second meeting of Oliy Majlis stated: «Establishing a Russian economic, cultural and friendly ties is important for Uzbekistan and the region. I would like to mention that multilateral cooperation between two countries established on the basis of equality and mutual interests, currently manifested new opportunities for strengthening the strategic partnership meet the interests of both sides — Russia and Uz-

bekistan. The reasonable approximation when considering the issues of the centuries-old spiritual and cultural trade ties between people of Central Asia and Russia shows their logical continuation; in essence, these countries attach a great importance to the development of various ways of cooperation among themselves, particularly:

— Achieving the sovereign independence of the Central Asian Republics and the yield on the world stage gave the opportunity to establish an independent form favorable to both sides of the legal basis for cooperation;

— At the present stage the feature of cooperation is that the independent countries of Central Asia are building relations with Russia as equal partners.

— After the disintegration of the Soviet Union cultural ties between Central Asian countries and Russia rose to a new level.

These Republics realized the retardation of progress of the country and society without deep cultural ties. The relations between the states of Central Asia and the Russian Federation are studied by researchers, for the development of this area the conferences, academic forums are arranged.

The performed investigations of the establishment, formation, development and the current state of cultural relations between the Central Asian Republics and Russia Federation can be mainly divided into three groups:

The first group includes the researches and the works of scientists completed in the period of independent development of the Republic of Uzbekistan. In particular, it is worth to study the researches of the following scientists: M. Rakhimov (22, 23), N. Ziyamov (6), A. Kirgizboev (33), E. Nuridinov (21), A. Masimov (11), S. Sharapov (31) as well as other scientists. In scientific works they created a number of features of the theme of cultural and diplomatic ties between Central Asia and Russia takes an independent place.

The second group includes performed in the same direction researches of Russian scientists. It should be noted that the study of these scientists is detached. For instance, in the studies of K. Mescheryakov (12;13;14;15;16;17;18;19;20),

L. Levitin (10), L. Fridman (28), A. Vasil'ev (3), S. Savoskul (24), S. Lunev (9) and other scientists (2;6;25;32), in separate monographs praised the relations between Central Asia and the Russian Federation, the growth of the authority of the Republic of Uzbekistan in the international arena, as well as the initiative of the Republic of Uzbekistan and Russian Federation on safety and stability within Central Asia region.

The third group includes the works of scientists of foreign countries and the scientists of CIS. The proceedings of N. Lubin (34), A. Dzhenshenkulov (4) on the participation of independent Central Asian states in the international arena, as well as their coverage of diplomatic and cultural ties with Russian Federation arouse heightened interest. They separately stopped position of Central Asia, particularly Uzbekistan, in foreign policy, as well as on co-opera-

tional issues with the states of the international community, in particular with Russian Federation. Meanwhile, special attention is given to the geopolitical role of Central Asia in Eurasia, the attraction of the attention of leading states of Asia. In general, the works of scientists from Russia and Uzbekistan related to this topic deserves special attention. (2,9,13,30).

In conclusion we can say that a large-scale study of the literature on foreign policy, international as well as cultural relations help for the obtaining general ideas and scientific illumination of the object investigated.

We can be sure that in the future the executed works, published primary sources and scientific works of scientists of the Republic of Uzbekistan, Kazakhstan, in the years of independence for covering mutual and multilateral relations are an important factor for the development of these regions

References:

1. Каримов И.А. Озод ва обод Ватан, эркин ва фаровон ҳаёт-пировард мақсадимиз. — Тошкент: Ўзбекистон, 2000. — Б. 347.
2. Бирюков С.В. Россия и Центральная Азия. Политика России в отношении Новых Независимых Государств: проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана)/Восток. — 2001. — №1;
3. Васильев А.М. Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. — М: Восточная литература РАН, 1998.
4. Дженшенкулов А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. — Бишкек: 2000.
5. Зияев Х. Ўзбекистон Россия дўстлик алоқалари. — Тошкент: 2002.
6. Зиямов Н. Роль Узбекистана в развитии межгосударственного экономического и культурного сотрудничества стран Центральной Азии (1991—2001 гг.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Ташкент: 2002.
7. Касымов А., Васькин И. Основные направления внешней политики Республики Узбекистан. — Ташкент: Узбекистан, 1994.
8. Корнеев. А. Н. Россия и Китай и проекты региональной интеграции в Центральной Азии (на примере ШОС) // Кавказ и Центральная Азия на современном этапе. — М: 2003.
9. Лунев С.И. Независимые республики Центральной Азии и Россия. — М: РАН, 2001.
10. Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента И. Каримова. — М: Вагриус, 2001.
11. Масимов А. Мустақиллик шароитида Ўзбекистоннинг Марказий Осиё мамлакатлари геосиёсатидаги ўзига хос тутган ўрни. Автореф. дисс.... с. ф. н. — Тошкент: 2007.
12. Мещеряков К.Е. Российско-узбекские межгосударственные отношения в политической сфере в 1991—2001 гг. Мировая политика и международные отношения. — СПб.: 2001. — с. 191—194.
13. Мещеряков К.Е. Российско-узбекистанское сотрудничество в военно-политической сфере в 1991—2002 гг. Россия в глобальном мире. — СПб.: 2002. — с. 82—86.
14. Мещеряков К.Е. Военно-политическое сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан Международные отношения: вчера, сегодня, завтра. — СПб., 2003. — с. 221—224.
15. Мещеряков К.Е. Республика Узбекистан: опыт формирования авторитарного режима Международные отношения: вчера, сегодня, завтра. — СПб.: 2003. — с. 216—220.
16. Мещеряков К.Е. Проблема делимитации государственной границы во внешней политике Республики Узбекистан Россия в глобальном мире. — СПб.: 2003. — Ч. 1. — с. 262—266.
17. Мещеряков К.Е. Организация «Центральноазиатское Сотрудничество»: опыт интеграции в центральноазиатском регионе Россия в глобальном мире. — СПб.: 2003. — Ч. 1. — с. 257—262.
18. Мещеряков К.Е. Региональное лидерство в Центральной Азии/Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 6. — Вып. 1.
19. Мещеряков К.Е. Проблема русскоязычного населения в Узбекистане и российско-узбекские отношения/Вестник СПбГУ. 2007. Сер. 6. — Вып. 3. — с. 485—493.
20. Мещеряков К.Е. Российско-узбекские межгосударственные отношения: основные тенденции и проблемы развития. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008.
21. Нуриддинов Э.З. Международное сотрудничество Республики Узбекистан со странами Европы. — Ташкент: Чулпан, 2002.

22. Рахимов М. Сотрудничество Республики Узбекистан со специализированными учреждениями ООН 1991–1999 гг. (на примере ЮНЕСКО): Дис... канд. ист. наук. — Ташкент: 2000.
23. Рахимов М. Сотрудничество Узбекистана с зарубежными странами и международными организациями в обеспечении стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии (1991–2010 годы). Автореферат Дис... докт. ист. наук. — Ташкент: 2012.
24. Савоскул С.С. Русские в государствах Центральной Азии: проблемы и перспективы // Отечественная история. — 1996. — №3.
25. Сыздыкова Ж.С. Геополитическая ситуация в Центральной Азии и интересы России // Кавказ и Центральная Азия на современном этапе. — М: 2003.
26. Очилов Б. Геополитические детерминаты Центральной Азии в контексте глобального политического развития: Дис... канд. полит. Наук. — Ташкент: 2006.
27. Пулатов А. Марказий Осиёда этносоциал муносабатлар: назарияси, муаммолари, ечимлари: Дис.... Фалсафа фан. д-ри. — Тошкент: 2004.
28. Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. — М: 2002.
29. Хўжанов Б. Геомафкуравий ўзгаришлар шароитида миллий-этник муносабатлар (Марказий Осиё минтақаси мисолида): Дис.... сиёсий фан. номзоди. — Тошкент: 2002.
30. Шамгунов Р.Г. Государства Центральной Азии и проблемы обеспечения безопасности/Содружество Независимых Государств: уроки и вызовы современности. Аналитический сборник/Отв. ред. Ф.Л. Казин. — СПб.: 2002. — с. 101–109.
31. Шарапова С.Ш. Основные проблемы становления и развития внешней политики Республики Узбекистан: Автореф. дисс.... канд. полит. наук. — Ташкент: 1997.
32. Центральная Азия: по пути в мировое сообщество. — М.: Институт востоковедения РАН, 1995.
33. Қирғизбоев А. Ўзбекистон Республикасининг Осиё мамлакатлари билан халқаро ҳамкорлиги. — Тошкент: Фан, 2004.

Институционализация красно-крестного движения на Урале

Олешкова Анна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

Оформление красно-крестной организации происходило под влиянием западных идей и собственных национальных традиций. Крымская война и подписание Женевской конвенции обусловили воплощение идеи о создании организации, способной противостоять разнообразным экстремальным ситуациям, стихийным бедствиям, войнам.

Структура Красного Креста (Российское общество Красного Креста — РОКК) оформляется к концу XIX в. Каждое подразделение могло существовать автономно, при этом представляя собой сеть учреждений: окружное управление, местное управление, местный комитет, община сестер милосердия. Первые, окружные управления, действовали в наиболее отдаленных частях государства и являлись посредниками между главным и местными управлениями. В сферу контроля управлений были включена работа местных комитетов в городах и иных населенных пунктах.

Первоначально отделения РОКК появились в крупных городах, затем филиалы начали открываться повсеместно. С конца XIX в. наблюдается расширение сети учреждений РОКК.

К началу Русско-японской войны не было ни одного губернского или крупного уездного города, где бы не было

представительства РОКК [25, с. 11]. В это же время процесс оформления основных ячеек организации происходил и на Урале.

Самым последним к красно-крестному движению присоединилась Уфа. По вопросам открытия уфимского и пермского отделений существуют противоречивые сведения [21]. В Екатеринбурге РОКК функционировал с 1876 г. [2]. К 90-м гг. XIX в. Пермское управление включало 3 комитета: Екатеринбургский, Кунгурский, Нижнетагильский. Вятский Красный Крест с 70-х гг. XIX в. действовал в Елабуге, Котельниче, Нолинске, Орлове, Сарапуле, Уржуме, Яранске, всего было 15 филиалов [22, с. 23].

Уральские отделения начали свою работу практически сразу после образования РОКК в Российской империи. В красно-крестной системе Урала очевидно лидирующее положение Вятского региона, в рамках которого действовало более 20 подразделений. Открытие и дальнейшее функционирование учреждений РОКК активно анонсировалось и подробно описывалось в местной прессе.

В функциональном отношении можно выделить распорядительные, исполнительно-финансовые, врачебно-санитарные, заведения для помощи нуждающимся, а также

Таблица 1

Число учреждений РОКК*

№	Год	Число учреждений
1	1867	24 (218 чел.)
2	1868	87
3	1869	145
4	1875	170
5	1894	332
6	1896	457
7	1900/1902	518/365
8	1904/1906	700/636
9	1911	888 (в том числе 106 общин сестер милосердия).
10	1 октября 1915	1916
11	1917	2255

Источники: [19, с. 189; 13; 15, с. 8; 16, с. 28; 17, с. 318; 11, с. 48; 20, с. 188; 24, с. 26; 18, с. 23].

Таблица 2

Местные управления РОКК на Урале*

Год возникновения	Название управления	Кол-во
1867	Вятское	1
1868	Оренбургское	1
1868/1870	Пермское	1
1870/1890	Уфимское	1
Всего по России, на 1917 г.		99

*Источники: 2, с. 1; 21, с. 280; 26.

реабилитационные учреждения РОКК. Особое значение имели врачебно-санитарные учреждения целевой направленности, осуществляющие помощь на фронте. Такие структуры действовали по ситуации, при необходимости возникая и самоликвидируясь. Такой же целевой характер имели комиссии, состоящие при главном управлении. Они возникали по мере необходимости и охватывали предельно широкий круг вопросов: ревизионная, наградная, комиссия по выработке уставов для сестер милосердия и лечебных заведений, лечебная, психиатрическая, комиссия по разработке вопроса об институте братьев милосердия в России, автомобильно-техническая и др. Самым разветвленным отделением РОКК являлась канцелярия главного управления, которая характеризовалась большим числом сотрудников и отделений: II и VI делопроизводство, бухгалтерия, инспекторский отдел, административно-расчетный, санитарно-статистический, мобилизационный отделы, секретарская и казначейская части, делопроизводство по психиатрической комиссии, отделы кружечного и церковного сбора, справочный отдел о раненых, бюро печати, автомобильное отделение и др. [13; 21, с. 189, 274–278].

Механизм выборов и собраний в центральных и местных учреждений был одинаковым. С целью увеличения явки анонс предстоящих собраний размещался в циркулярах и прессе. Циркуляры, информация в которых, как правило, дублировалась в губернской прессе,

отражали решение центра по разного спектра вопросам: от ключевых, до второстепенных.

Интересно, что члены РОКК могли инициировать внеплановые собрания сами, не дожидаясь директивных распоряжений. Инициатива внеплановых собраний могла исходить как снизу, так и сверху. Уральские управления в основном являли собой примеры второго варианта [3, с. 4; 1, с. 8]. Установлению продуктивных связей между отделениями организации способствовала возможность участия членов РОКК в собраниях разного уровня. Стоит отметить, что в уральском регионе к такой возможности относились достаточно равнодушно [4]. Кроме того, в систему функционирования РОКК были заложены процедуры дополнительных и чрезвычайных собраний. Первый вид подразумевал решение текущих вопросов, которые должны быть рассмотрены до ежегодного собрания. Второй приводился в действие, когда возникали форс-мажорные обстоятельства. При этом именно данный вид собраний вскрывал нарастающую бюрократизацию РОКК. Несмотря на непредвиденные обстоятельства требовалось заявление, подписанное не менее чем 50 членами. Собрание считалось состоявшимся, если в работе принимало участие не менее 35 членов, кроме того, должно было присутствовать как минимум 5 представителей главного управления. Процедурный механизм и специфика собраний в центре и на местах были аналогичны [21, с. 187,

Таблица 2

Распределение государственных субсидий по отделениям РОКК в 1878 г.*

№	Подразделение РОКК	Сумма, тыс. руб.
1	Уфимское	480
2	Пермское	114
3	Вятское	147
4	Казанское	319
5	Самарское	359
6	Симбирское	324
7	Саратовское	161
8	Тульское	20

*Источник: [9].

188; 5; 10; 14]. При отсутствии кворума спустя две недели проводилось новое слушание по данному вопросу, когда число присутствующих уже не имело значения. Такая деталь создавала опасность случайных решений, что отрицательно сказывалось на работе организации.

Важная особенность РОКК заключалась в его «способности» к горизонтальному разрастанию структуры и увеличению количества однопорядковых отделов, не дублирующих функционал друг друга. При этом организационные основания РОКК подразумевали жесткий принцип «вертикали власти» как в плане документооборота, так и в вопросах всех распоряжений по схеме «сверху вниз». Если второй признак потенциально мог тормозить работу РОКК, снижая инициативу на местах, то первый как раз ей способствовал. Структура управления РОКК на Урале включала дополнительные учреждения «второго порядка» (кружки, приюты, столовые и др.) [24, с. 16]. Эти отделения организовывались самими жителями губерний и существовали на добровольные пожертвования. Работа данных ячеек была формой выражения гражданской активности местного населения, личного интереса к проблемам, решаемым РОКК, что придавало красно-крестной организации общественный характер.

Для реализации уставных целей все учреждения РОКК должны были собирать денежные и вещевые пожертвования. С каждого собранного рубля 10 коп. отсылались в Петербург, а из 90 коп. (за вычетом расходов на местные цели) 2/3 поступали в запасный капитал на нужды военного времени, а 1/3 — в капитал для пособия увечным

воинам [25, с. 10; 6]. Каждый год в кассу ГУ поступало 10 % от денежных доходов отделений. На благотворительные дела тратились единовременные пожертвования, для чего была организована так называемая «подписка» [23, с. 8–9], организация которой активно осуществлялась в годы Русско-японской войны [7]. На Урале особую активность и оперативность в организации подписки на сбор пожертвований на нужды РОКК проявляли как крупные, так и мелкие учреждения [9]. Для стабильного и эффективного функционирования важное значение имели государственные субсидии, существенно способствующие работоспособности местных отделений.

Приоритетное положение уральских губерний в списке государственных дотаций, по-видимому, связано с серьезными последствиями неурожайных лет (1877–1878 гг.). На рубеже XIX — XX вв. суммы взносов и пожертвований были скромными, поэтому важное значение имела помощь государства.

Таким образом, на стартовой фазе своего существования красно-крестное движение в рамках уральского региона обладало серьезным организационным и финансовым потенциалом, что позволило в дальнейшие сложные периоды российской истории оказать существенную помощь населению Урала и страны в целом. При этом с самого начала в работу РОКК были заложены механизмы, придающие структуре тяжеловесность, снижая оперативный характер действий в экстремальных ситуациях, что привело к тому, что сотрудникам РОКК приходилось действовать вопреки системе.

Литература:

1. Отчет Вятского местного управления РОКК за 1904 г. [Текст] — Вятка: Вятская Губ. тип., 1905. — 194 с.
2. Отчет Екатеринбургского местного комитета РОКК за 1898 г. [Текст] — Екатеринбург: тип. Ф.К. Хомутова, 1899. — 106 с.
3. Отчет Пермского местного управления РОКК за 1915 г. [Текст]. — Пермь: тип. П. Ф. Каменского, 1881. — 67 с.
4. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 57. Л. 17; Д. 44. Л. 21.
5. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9. Л. 42; Д. 57. Л. 73а; Д. 53. Л. 4; Д. 59. Л. 27.
6. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 15 об.
7. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 47. Л. 12–56.
8. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

9. Государственный архив Пермского края. Ф. 136. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 13 об., 20.
10. Государственные архив Кировской области. Ф. 638. Оп. 1. Д. 80. Л. 1–3;
11. Иллюстрированный календарь Красного Креста на 1916 г. [Текст] — М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. — VI, 216, 326 с.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 6. Л. 53–107.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 12651. Оп. 1. Д. 6. Л. 53–107
14. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И–415. Д. 11. Л. 2, 7
15. Бадя, Л.В. Благотворительность и меценатство в России [Текст]: краткий ист. очерк/Л.В. Бадя. — М.: Наука, 1993. — 74 с.
16. Благотворительность в России: сост. по высочайшему повелению с. е. и. в. История государственной благотворительности России Канцелярии по учреждениям императрицы Марии [Текст]. — СПб.: типолитогр. Н.Л. Ныркина, [1907?]. — Т. 1–3.
17. Благотворительные учреждения Российской империи = Institutions de bienfaisance de l'Empire de Russie [Текст]: 3 т./сост. Н.С. Постниковов [и др.]; под ред. А.А. Толубьева. — СПб.: тип. СПб. АО печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900.
18. Боцяновский, В.Ф. Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста [Текст]/В.Ф. Боцяновский. — СПб.: Гос. тип., 1896. — 148 с.
19. Братья милосердия [Текст]: историко-документальное издание/авт-сост. В.Н. Занозина. — СПб.: Лики России, 2000. — 248 с.
20. Васильчиков, И.С. То, что мне вспомнилось... [Текст]/И.С. Васильчиков. — М.: ОЛМА-Пресс, 2002. — 189 с.
21. Грицаева, А.Н. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий [Текст]: дис. ... канд. ист. наук/А.Н. Грицаева. — М.: Российский гос. ун-т им. А.И. Герцена, 2008. — 249 с.
22. Касанов, С.А. «Дорогой милосердия» 1867–1914 [Текст]/С.А. Касанов. — Киров: Артекс, 1992. — 71 с.
23. Маркова, Г.Н. На страже здоровья и мира. Страницы истории Кировской областной организации общества Красного Креста [Текст]/Г.Н. Маркова. — Киров: Гос. издательско-полиграфическое предприятие «Вятка», 1994. — 62 с.
24. Орлов, В.Д. Русский Красный Крест и его задачи в военное и мирное время [Текст]/В.Д. Орлов. — Киев: тип. Императорского ун-та Св. Владимира, 1904. — 36 с.
25. Тарнавский, А. Красный Крест [Текст]/А. Тарнавский. — СПб.: Синод. тип., 1904. — 16 с. — (Бесплатное приложение к журналу «Народное образование»).
26. Симонов, Ю.П. Башкирскому Красному Кресту исполняется 133 года [Электронный ресурс]. — URL: www.regnum.ru/expnews/114089.htm (дата обращения 13.06.2010).

Деятельность астраханской милиции по охране общественного порядка в годы индустриализации и коллективизации

Осокина Мария Олеговна, учитель истории и обществознания
ГБОУ АО «Санаторно-лесная школа» (г. Астрахань)

На рубеже 20х–30-х годов в Астраханском крае, как и по всей стране, развернулась сплошная коллективизация. Этот процесс сопровождался коренной ломкой традиционного сельского уклада, что вело к росту преступных элементов, становившихся резервом преступности. Кроме того, сопротивление крестьян коллективизации приобретало и крайние формы — убийства партийных и советских работников, поджоги амбаров с зерном, кража и убийство общественного скота, уничтожение орудий лова рыболовных судов. Противодействие колхозному строю приводило к кровавым трагедиям, подобным Началовской. Вечером 22 февраля 1930 года началовские зажиточные крестьяне, оборвав телефонные про-

вода, окружили здание сельсовета, где заседали колхозные активисты. Секретарь партийкеи Андронов, представитель Наримановского Райкома партии Рыбкин и участковый инспектор милиции Давлатов пытались успокоить толпу, предлагая разойтись. В ответ из толпы полетели камни, а затем к крыльцу был брошен труп председателя местного товарищества Фёдора Кривых. Активность противников колхозного строя росла, подогреваемая самогоном. Раздались выстрелы. Закрывшись в здании, активисты несколько часов выдерживали осаду. При попытке выбраться из дома и сообщить о бунте в район погибли Фрол Фаломеев и Михаил Рыбкин. Сломав телефонный столб, бунтовщики пробили дверь сельского совета и раз-

рушили часть стены. Участковый инспектор С. А. Давлатов несколько раз предупреждал, что будет стрелять и, когда в пролом полезли бандиты, открыл огонь, но силы были неравны. Началась зверская расправа над активистами.

На подавление мятежа из города был спешно направлен конный взвод милиции, а из села Мошаик — отряд активистов из 12 человек. В ходе Началовского восстания погибли Иван Сафатов, Анастасия и Сергей Аверьяновы. Остальные 8 активистов были спасены. Избитый до полу-смерти участковый инспектор Семён Аветович Давлатов 10 дней находился между жизнью и смертью, а после выздоровления врачи отправили его на пенсию по инвалидности. Однако уже через 4 года мужественный милиционер был снова в строю. В дальнейшем он работал оперативным уполномоченным БХСС, следователем. Примерная работа Давлатова была отмечена в 1945 году медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». [5]

Серьёзное сопротивление политике сплошной коллективизации ожидалось в зажиточных рыбацких сёлах Икрянинского района: Рынок, Вышка, Рыжково. В феврале 1930 года в распоряжение начальника райотдела ОГПУ Макарова был отправлен И. А. Чубо. С помощью оперуполномоченного Икрянинского райадмотделения В. А. Шашакина удалось раскрыть в селе Рынок контрреволюционную группу из 11 человек, которую передали суду Особой тройки. В результате оперативных действий милиции удалось избежать случаев подобных Началовскому.

Новый поворот получила борьба с проституцией. С введением на рубеже 1932–1933 гг. паспортов ситуация изменилась и в рядах проституток. Проститутки стали пополняться представительницами рабочего класса. В 1934 г., по данным Ленинградского городского отдела социального обеспечения, они составляли более 60 % всех продажных женщин в городе. Это полностью опровергает утвердившийся в советской исторической литературе тезис о том, что число проституток в эпоху социализма множилось лишь за счет деклассированных слоев: дочерей бывшей буржуазии и дворянства. Аналогичные сведения за 1936 г. вообще свидетельствуют о резкой «пролетаризации» средней проститутки. Кроме того, как правило, молодые работницы имели вполне определенную специальность. Резко выросло в среде торгующих собой женщин и число семейных, особенно разведенных, а также коренных горожанок.

Но год великого перелома стал зловещим рубежом не только для народного хозяйства. Тяжелым катком прошелся он и по росткам советского милосердия. Филантропию было решено идеологизировать. Летом 1929 г. после принятия постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах по борьбе с проституцией» началось насильственное уничтожение института продажной любви. Жесткому преследованию подверглись и мужчины — потребители проституции.

Однако опыт советской истории достаточно ярко показал, что нетерпимость при отсутствии законов, охраняющих права любой личности, даже склонной к асоциальному поведению, гораздо более опасна для морального

здоровья общества, нежели терпимость, имеющая юридические основания. [4]

Развал в ходе коллективизации традиционной деревни, массовые высылки вновь раскулаченных увеличили число беспризорных. Только в феврале 1931 года в Астрахани за сутки задержано 102 беспризорника от 11 до 20 лет.

В результате непродуманных действий в кратчайшие сроки в стране вновь обострилось продовольственное положение. Резко возросло число преступлений, связанных с хищениями продуктов питания, кражей и забоем скота, спекуляцией. Значительный размах приобрели кражи хлебобулочных изделий. С конца 1931 года и в январе 1932 года в милицию стали поступать сведения о хищениях хлеба и неправильной выдаче хлебобулочных изделий на ранее похищенные талоны. Краденный хлеб продавался на базарах по спекулятивным ценам. Удалось арестовать 25 воров и спекулянтов. В марте 1932 года за аналогичные преступления был задержан 21 человек. [2] С целью борьбы с хищениями хлеба на мельницах, хлебозаводах, в пекарнях на этих предприятиях организовывались ячейки Осодмила.

Традиционными для Астраханского края видами преступлений являлись браконьерство и хищение рыбной продукции. По поводу скупки рыбы было заведено 7 дел, по которым проходило 12 человек. Попутно решалась задача ликвидации частника в рыбном промысле. Это называлось нажимом на зажиточных ловцов, сопротивляющихся выполнению твердых заданий по вылову рыбы.

14 января 1932 года в милицию поступило заявление о систематическом хищении красной рыбы и паюсной икры на Астраханском Краснорыбном комбинате [2]. При обыске на квартире у помощника солильщика Сивцова было обнаружено 18 кг красной рыбы и икра. Весной того же года работники милиции задержали 3-х человек, промышлявших кражей рыбы из прорезей, у которых обнаружили 1153 кг рыбы. Массовые хищения и спекуляция рыбой происходили в Камызякском районе, что вело к срыву планов по вылову рыбы и поставки рыбобулочных изделий. Для борьбы с этим злом в Камызякский район на должность начальника райотдела милиции был направлен И. А. Чубо. В селе Тишково была раскрыта группа браконьеров и спекулянтов в числе 18 человек. Их действия были расценены как экономическая контрреволюция и все виновные предстали перед судом Особой тройки. Немало проблем доставляли «гастролёры». В ночь с 10 на 11 марта 1932 года в квартиру гражданина Кожевникова в рыбном городке вошли 3 человека, представившиеся работниками милиции. Угрожая револьверами, они загнали семью Кожевникова и их квартиру Куприянова в угол комнаты и вскрыли сундук. Они похитили одежду, продуктовую карточку и деньги. Налетчикам удалось скрыться. 25 марта около железнодорожных путей был обнаружен труп одного из налетчиков, принадлежавший Ножкину. Выяснилось, что это известный бандит, который вместе со своими поделниками Череменцевым и Золотовым был приговорён в 1929 году к расстрелу, заменённому 10 годами заклю-

чения. Однако преступники сумели бежать. Позднее выяснилось, что Ножкин был убит главарём банды Черемнецевым. Преступникам долгое время удавалось уходить от милиции благодаря сведениям, предоставляемым милиционером-оборотнем Толстовым [3].

Случались и рецидивы в духе первых лет после окончания Гражданской войны. 4 апреля 1932 года из состава отдельного дивизиона ведомственной милиции города Астрахани дезертировали 2 бойца — Жидовкин и Шешалавин, скрывшиеся с ранее уволенным со службы милиционером Секачёвым. 5 апреля днём между селом Старая Кучергановка и молочной фермой Наримановского района проезжали колхозник с женой. На них вышли двое неизвестных, вооруженных винтовочными обрезами, и потребовали молока и денег. Денег у проезжих не оказалось, тогда преступники забрали всё, что у них было, и скрылись в степи. Несмотря на угрозы, колхозник сообщил о нападении. Председатель сельсовета собрал 6 колхозников и попытался задержать грабителей, но грабители открыли огонь, отряду пришлось отступить. Вернувшись в село, председатель сельского Совета собрал еще несколько колхозников, вооруженных охотничьими ружьями, и вернулся к месту пребывания бандитов. Колхозники открыли шквальный огонь, под давлением которого грабители сдались. Это оказались Жидовин и Секачев. [1]

1930-е годы в истории нашей Родины ознаменовались не только крупными победами в деле развития экономики,

но и политическими процессами, ознаменовавшими становление тоталитарного общества. Однако борьба с контрреволюцией, напрямую затрагивавшая и милиционеров, не исчерпывалась поиском бабушек, распространявших нелепые революционные послания. В фондах информационного центра УВД Астраханской области содержится поистине страшный документ. В 1932 г. Милиционер В.М. Гаврилов, член ВКП (б) в частной беседе опрометчиво высказался следующим образом: «Я сегодня до 6 часов утра был на операции ГПУ, производил обыски у граждан, искали золото. Ходил в три адреса. По ул. Туйбахтина дом №4 к старухе лет 85, у ней из вещей одно барахло. Мне было приказано арестовать ее, но я не решился, так как она по дороге могла рассыпаться. По ул. Советской делал обыск у члена ВКП (б), красного партизана, занимающего должность комполка, жена его тоже член ВКП (б). При обыске ничего не нашли, но их арестовали и посадили. Делал обыск по ул. Гнедича у рабочего-кровельщика, а кого нужно-то — не нашли, но начальник Хворов сказал: «Все равно, делайте здесь». Мне очень не нравится эта работа, не могу равнодушно смотреть на такие безобразия». [3]

Бурные 30-е годы характеризовались усилением ответственности как за контрреволюционные, так и за общеуголовные преступления. Сталинский тезис об усилении классовой борьбы в процессе построения социализма вынуждал искать след классовых врагов в любом антиобщественном деянии.

Литература:

1. Воронцов, С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы РФ. Ростов-на-Дону, 1999.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО) Ф. 435. Д. 60. О. 1.; Ф. 435. Д. 60. О. 2
3. Казаков, П. В., Казакова Е. В., Лебедев С. В. На страже правопорядка и законности. Научно-популярное издание. Астрахань. 2002.
4. Левина, Н. Б. Повседневность 1920—1930 гг.: Борьба с пережитками прошлого. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. 1997.
5. Максимов, Е. А. За высоту-высота. М., 1973.

Власть и Русская православная церковь в 20–30 гг. на примере Кемеровской области

Титоренко Елизавета Эдуардовна, студент,
Кемеровский государственный университет

Юг Западной Сибири к 1917 г. составлял каноническую территорию Томской епархии (обр. в 1834 г.). К началу XX в. Томская епархия включала в себя территорию современных Кемеровской, Новосибирской, Томской областей, Алтайского края и Республики Алтай. [1. В.А. Овчинников Монастыри и монашеские РПЦ на территории юга Западной Сибири в начале XX века // Вестник Томского Государственного университета №1 (13), с. 70–72, 2011.]

Как и по всей России, в Западной Сибири были монастыри, соборы, храмы. В 1917 г. из 11 было 8 женских (4 монастыря и 4 общины) и 3 мужских (2 монастыря и 1 пустынь) обители. [2. Там же.]

Также следует отметить, что в 1917 г. из 11 обителей епархии три женских и один мужской монастырь были городскими, остальные 7 обителей были расположены в сельской местности или местности, где традиционно проживало инородческое население. Возраст насельниц

женских обителей не старше 30 лет. Средний возраст насельников мужских обителей был выше, чем в женских, но у большей части братии также составлял менее 50 лет. [3. Там же.]

Во всей России в 1920–30-е гг. отношения между Церковью и государством определялись советским репрессивным законодательством. В 1922 Томско-Алтайский епископ Тихон обращается к сибирским приходам с призывом к лояльности в отношении власти. В 1925 советом этой епархии принят опубликованный властями Устав религиозных общин, получавших статус религиозных обществ. Существенные ограничения делались в области имущественных прав и внутренней жизни: для созыва церковных собраний стало необходимо разрешение административных отделов, зарегистрированные общины могли быть закрыты по постановлению губернских органов власти и т.д. Но, как отмечалось в докладе епархиального совета Московскому собору 1925, несмотря на эти трудности, епископ Тихон привел в «образцовый порядок» управление епархией, способствовал открытию нескольких новых приходов. [4. Из истории земли Томской: 1921–1924. Народ и власть. Томск, 2000.]

И чтобы рассмотреть какие были взаимоотношения РПЦ и государства в Кемеровской области, то я хочу рассмотреть их на примере Никольской церкви и Щегловской Епархии г. Кемерово (1920–1930 гг.).

В Кузбассе в 20–30-е гг. были закрыты церкви и молитвенные здания, подвергнуты репрессиям прихожане и представители церковного актива, священнослужители. Решением Новосибирского облисполкома, а ранее Западносибирского края в 1931–37 гг. на территории Кузбасса было закрыто 40 церквей, с 1939 г. до образования Кемеровской области еще 70. Всего по данным на 1.01.1945 г. на территории области находилось 164 действующих церковных здания и молитвенных домов. [5. А.В. Горбатов, У.И. Зенькович, А.П. Самович. Религиозные организации в Кузбассе. <http://oldwww.history.kemsu.ru/public/read/s2/gor.htm>].

Этому свидетельствует постановление №1962, из которого можно увидеть, что Президиум Облисполкома решил закрыть церковь в г. Кемерово по ул. Чапаева. [6. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25. Л. 8]

По воспоминаниям Мазуриной Матрены Тимофеевны «Во время коллективизации церкви закрывались. У нас в деревне была своя маленькая церквушка. Её не стало. Сняли колокола и кресты, но саму не разрушили. Церкви использовали под склады, куда ссыпали зерно. Священников ссылали». [7. Мазурина Матрена Тимофеевна родилась в 1917 г. в д. Демидово-Карповка Мариинского района Кемеровской области. Живет в д. Сокольники. Рассказ записала Луконина Светлана в декабре 1999 г.]

В Кемерово, как и во всем государстве, закрывались церкви и снимались колокола, например, справка №1362, по которой, известно, что в 1934 году были сняты все колокола с молитвенных домов. [8. ГАКО Ф. Р–18. Оп. 1.

Д. 25. Л. 10]

Также этому может свидетельствовать справка №13196, по которой известно, что церковь была закрыта и использована для хранения хлеба. [9. ГАКО Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25. Л. 9]

В середине 20-х гг. XX века в Кемеровской области взаимоотношения между РПЦ и государством были такими же, как и во всем государстве. Например, в г. Тисуле есть храм, установленный в самом центре поселка и напротив того места, где когда-то располагался старый собор. Первая Тисульская каменная церковь Святой Троицы была построена в 1880 году и вмещала в себя более 300 человек. В храме была большая звонница, а главный колокол весил 122 пуда 22 фунта (около двух тонн), звук от него распространялся на 20 верст (более 20 километров). А в 1935 году местные жители наблюдали, как колокол-великан летел с высоты и как при ударе о землю раскололся, издав глухой звук.

В 1935 году большинством голосов местного населения было решено закрыть храм в Тисуле. Колокол увезли тогда в Новокузнецк на переплавку: стране нужен был металл. По воспоминаниям очевидцев, через неделю вынесли из церкви все иконы, священные книги. Кое-что успело спасти население, остальное бросали в костер, пускали по воде. В церковь вошли солдаты и, увидев возле алтаря троих священнослужителей, расстреляли их в упор. Отодрав доски от пола, они сбросили убитых вниз. А еще за год до закрытия церкви солдаты под предлогом необходимости причастить больного в одном из сел отвезли настоятеля церкви отца Николая ночью на озеро Большой Берчикуль, где и расстреляли.

В 30-е годы в поселок Тисуль привозили осужденных священнослужителей из области и других регионов. На Флоре, на месте старого сереброплавильного завода, были казнены около 20 человек. После войны 1941–45 гг. останки убитых тайком вытаскивали местные жители и похоронили на Тисульском кладбище.

По дороге на кладбище была тополиная роща, в этой роще также происходили расстрелы. Убитых волокли через дорогу, как собак, закапывали как попало, некоторых заставляли копать себе могилу, а потом расстреливали.

Из воспоминаний Карпова: «Мне было 10 лет, нас вместе с другими осужденными привезли на кладбище, заставили копать могилы. Когда начали стрелять, я упал, и меня завалило трупами. Нас присыпали землей 30 см. Ночью я выбрался и убежал. Не всех, видно, убили, кто-то был ранен, шевелился, умирая, поэтому земля буграми была. Люди боялись ходить».

Отца Владимира выманили обманом, вывезли за Тисуль, в Ремок, расстреляли. Позже дьякона на площади (где сейчас больница) скинули в кипящий котел, его жену расстреляли.

Такие расправы творились по всей области. Священников обвиняли в антисоветской агитации, распространении провокационных слухов; такие обвинения попадали

под ст. 58–10, 11 УК РСФСР — расстрел. На территории Мариинского района располагалась расстрельная тюрьма, где приводились в исполнение приговоры. Среди заключенных Сиблага были и священники, и прихожане, которые даже под страхом смерти не отреклись от христианских заповедей. В годы сталинских репрессий они были сосланы, замучены, расстреляны или умерли в застенках Сиблага.

Следуя из протокола 1926 года, Щегловская Епархия просила административный отдел разрешить им провести съезд, чтобы решить несколько важных вопросов, например, об издательском деле, избрании делегатов, о миссионерской деятельности и др. [10. ГАКО Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25. Л. 14]

Также можно сказать о том, что согласно показаниям верующих, власти угрожали активистам — членам общины привлечением к суду за сбор подписей для открытия церкви. Одновременно им предлагалось поставить подписи в решении технической комиссии. Опасаясь наказания, представители церковного актива подтвердили акт комиссии. [11. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. Томск, 2008. с. 128.]

Также можно привести в пример протокол № 11. В нем описаны, что было проведено заседание под руководством Преосвященного Епископа Василия 26 января 1927 г. Как и предыдущем протоколе на этом заседании решались самые важные вопросы, например, отчет о деятельности Щегловского Центрального управления. [12. ГАКО Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25. Л. 18]

Щегловская епархия, проводя какие — либо мероприятия, должна была спрашивать разрешения у административного отдела, например, следуя из заявления Щегловской епархии, то в нем просилось разрешить шествие на р. Томь 19 января 1929 г. [13. ГАКО Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25. Л. 20]

Следуя негласной установке Совета по делам РПЦ «новые церкви не открывать», Кемеровский облисполком направил на имя председателей горайсполкомов «Разъяснения по поводу случаев нарушения верующих и духовенства установленного порядка», в которых запрещалось давать разрешение на покупку дома для молитвенных целей незарегистрированной общине. Если же община производила богослужение в доме, приобретенном физическим лицом, то соответствующие меры должны были приниматься по линии административных и налогов органов. Подобная практика когда властные структуры отказывали в передаче верующим бывшего церковного здания и противодействовали в покупке нового, повторялась в различных регионах Сибири. [14. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. Томск, 2008. с. 128.]

Таким образом, ситуация в Кемерово была точно такая же, как и во всем государстве в этот период, а именно:

- как и во всем государстве, в Кемерово закрывались церкви;
- репрессировали священников;
- снимали колокола с церквей.

Приложения

Рис. 1.

Священник Топоров Евдоким Васильевич в кругу семьи

Рис. 2.

Литература:

1. В. А. Овчинников Монастыри и монашествовавшие РПЦ на территории юга Западной Сибири в начале XX века // Вестник Томского Государственного университета № 1 (13), с. 70–72, 2011.
2. Из истории земли Томской: 1921–1924. Народ и власть. Томск, 2000.
3. А. В. Горбатов, У. И. Зенькович, А. П. Самович. Религиозные организации в Кузбассе. <http://oldwww.history.kemsu.ru/public/read/s2/gor.htm>
4. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 25.
5. Воспоминания Мазуриной Матрены Тимофеевны
6. Горбатов, А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е — 1960-е гг. Томск, 2008.

Артиллерийский боезапас г. Тара в конце XVI–XVII в.

Фаистов Тимофей Николаевич, студент

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Исследования остатков Тарской крепости в г. Тара Омской области ведутся экспедицией Омского филиала ИАЭТ СО РАН и Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского при сотрудничестве с Томским государственным университетом с 2009 г. На данный момент накоплен значительный материал позволяющий говорить исследователям о широком развитии г. Тары в культурном, социально-экономическом, военном планах. Данной работой хотелось бы продолжить выявление линии военного развития города в период конца XVI–XVII в., и уделить внимание артиллерийскому боезапасу.

Важным фактором, послужившим завоеванию Сибири и продвижению русского воинства на восток, стало ак-

тивное применение ручного огнестрельного оружия и артиллерии. Вопрос оснащения русского воинства необходимым боезапасом может стоять наравне с проблемой организации ремонта русского оружия, поскольку от того сколько выстрелов могло производить орудие зависел исход схватки. При этом данного вопроса исследователи фактически не затрагивали.

Тара, основанная в 1594 г. А. Елецким должна была выполнять функции оказания противодействия татарской знати, создания условий для продвижения русского воинства на восток, контроля торговых путей из Средней Азии в Сибирь, а так же наладить добычу соли с Ямышевских озер. Поэтому отряд основавший город был оснащен

по тому времени достаточно сильно. Согласно наказу царя Федора Иоанновича, отряд имел 23 артиллерийских орудия, а количество боезапаса доходило до 4600 ядер, 50 пудов зелья (пороха) и 50 пудов свинца [6, с. 281]. Согласно грамоте от 10 февраля 1595 г., «на Тару» были отправлены «с Москвы» пушкарки, чтобы «держат наряд для похода на Кучума царя», наряд был довольно значительным: на 5 скорострельных пищалей приходилось 600 железных ядер [Там же, с. 335]. Оснащение отряда таким количеством боезапаса помогло уже в марте 1595 г. взять штурмом и сжечь Тунусский городок [Там же, с. 362]. Тарская артиллерия смогла сломить сопротивление и разбить хана Кучума в 1598 г. [1, с. 3–5].

После Кучума, Тара и ее округа все так же подвергалась нападению Ногайской орды, позже калмыков. Исходя из этого артиллерийский наряд — совокупность орудий, пороховых запасов, ядер, увеличивался. На 10 затинных пищалей находящихся на башнях приходилось 160 ядер, т.е. по 16 ядер в среднем на орудие, на раскатной башне имелась пищаль с 280 железными ядрами, на Новой Пятницкой, Чацкой и воротной Борисоглебской башнях также были установлены пищали скорострельные с 270 ядрами, если брать по одному орудию на башню, то на него приходилось 90 ядер, кроме того, по всем четырем башням — волконейки с 2600 ядрами, т.е. в среднем по 650 ядер на орудие [7]. Согласно росписи служилых людей, военных запасов и пр. на 1684–1685 гг. в городе к орудиям имелось 770 ядер железных и 1927 свинцовых, на тот период большой боезапас имелся лишь в Тюмени и Тобольске [4, с. 267–271]. К 1689 г. на зеленом погребке была установлена пищаль скорострельная с 431 ядром [8].

Оснащение порохов сибирских гарнизонов ложилось на плечи европейской части России. Пороховое производство к концу XVII — началу XVIII в. было налажено по большей части в Москве и в Казани (однако к 1715 г. уже прекратилось), а к 1715 г. шаг вперед в пороховом деле сделал Санкт-Петербург. Для данной работы более важны центры производства находящиеся ближе к Сибири для организации более быстрой транспортировки пороха к городам и острогам, поэтому ссылаясь на Н.Е. Бранденбурга выделим д. Кадышево и производство близ Симбирска на р. Свияг [2, с. 85–86]. Можно предположить, что именно оттуда зачастую поступал порох в Сибирь. Цена на порох к концу XVII в. в Сибирских городах устанавливалась на уровне «2 рубли по 20 по 3 алтына по 2 денги за пуд, а за свинец по 20 алтын за пуд» [4, с. 85].

Транспортировка наряда была проблемой в виду того что она могла осуществляться по рекам, из-за чего запасы могли тонуть, намокать; стоит так же учитывать и другие погодные условия Сибири: дожди, туманы, снега. Особенности транспортировки боезапаса не отличались от тех, которые применялись в других регионах Сибири. Если учесть, что отряд А. Елецкого собирался в Москве, то он передвигался по рекам. Во время похода на Тунусский го-

родок, о котором было указано выше, отряд Б. Доможирова и С. Рупосова передвигался на лыжах [6, с. 362], поэтому можно предположить, что какое-то количество боезапаса участники похода тащили на себе. Порох мог перевозиться в бочках [5, с. 107], которые затем могли использоваться в хозяйственных целях.

Если перейти непосредственно к имеющемуся у нас материалу, можно говорить о нескольких типах артиллерийских ядер, применяемых в Таре.

Тип 1. Чугунные ядра. Находящиеся в фондах Тарского историко-краеведческого музея, представлены 1 полным (Рис. 1) и 2 полными идентичными ядрами (Рис. 2). Такие представители артиллерийского боезапаса применялись как в центральной части России, так и в Сибири. Интересны для нас особенности ведения стрельбы полными ядрами. Для начала, стоит отметить, что такой снаряд называется гранатой (поскольку его вес до 16 кг, снаряд весом 16 кг и выше именуется бомбой) [10], в отверстие в снаряде вставлялась трубка, оснащенная горючим составом. При воспламенении горючий состав в трубке загорался, когда он сгорал, огонь перемещался на разрывной заряд, от которого ядро разрывалось. Такие ядра обладали большим осколочным эффектом, а также обладали большим ударом и взрывной волной.

Тип 2. Свинцовые ядра (Рис. 3). Представлены в единственном экземпляре. Происходят из частной коллекции Тарского краеведа. Такой тип, как и первый, применялся в центральной России и в Сибири. Он обладал значительной пробивной способностью, а значит, был эффективен против укреплений и живой силы противника. Причина применения свинцовых ядер видимо крылась и в том, что они могли меньше изнашивать ствол орудия, например медного, а таких в Тарском гарнизоне в обозначенный период было 5 [11, с. 171]. Более твердое железное или чугунное ядро, обладая меньшим диаметром, чем канал ствола интенсивно изнашивало его при движении ядра (болтаясь и ударяя по стенкам). Свинцовые ядра при выстреле, слегка деформируясь от нагрузок, выбирали зазор и давали большую дальноточность и меткость стрельбы, снижая при этом износ ствола до минимума.

Тип 3. Каменные ядра (Рис. 4). Обнаружены в ходе археологических работ в г. Тара. Находятся в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея. Данный тип представлен так же единственным экземпляром. Это один из самых ранних представителей артиллерийских боеприпасов. Данная находка достаточно хорошо обработана, однако создается впечатление о небольшой приплюснутости. С развитием металлических ядер они начали выходить из употребления, однако применение таковых в Сибири диктовалось в первую очередь экономией боеприпаса металлического. Кроме этого стоит отметить, что камень обладает меньшим весом, отсюда вытекает уменьшение пробивной способности, возможно даже доспехов противника.

Тип 4. Деревянные ядра (Рис. 5). Обнаружены в ходе археологических работ в г. Тара. Находятся в фондах Ом-

Рис. 1 (фото). Чугунное ядро

Рис. 2 (фото). Полое чугунное ядро

Рис. 3 (фото). Свинцовое ядро

ского государственного историко-краеведческого музея. Представлены двумя находками. Сделаны из хвойных пород древесины. На данный момент нами сделано лишь предположение, о том, что это были действительно пушечные ядра, поскольку аналогий пока не выявлено. По предположению Л.В. Татауровой, эти находки могли быть детскими игрушками или их составными частями. Если исходить из экономии боезапаса служилыми людьми г. Тары, тогда они вполне могли, были использоваться, однако стоит учитывать их вес. Такой снаряд вряд ли мог разрушить укрепление даже легкого типа,

но нанес бы удар по телу противника. Стоит так же помнить о применении в мире деревянных артиллерийских орудий, и хотя они были не долговечны, поскольку не выдерживали долгой стрельбы, их применение оправдывало себя.

При сравнении боезапаса острогов Западной Сибири и Дальнего Востока видно, что первые снабжались куда лучше, ввиду того, что власть Российского государства там становилась сильнее. Так к 1685 году в Тобольск имелось: 941 пуд 24 гривенки порошу ручного и пушечного Московской присылки, 224 пуда 10 гривенки с по-

Рис. 4 (фото). Каменное ядро

Рис. 5 (фото). Деревянное ядро

лугривенкою пороху Тобольского кручения, 7126 пуд 15 гривенок с четью гривенки свинцу [4, с. 269—272]. К этому же году в Нерчинске: 66 пуд 1 четь пороху ручного и пушечного, 77 пуд 36 фунтов с полуфунтом свинцу» [9, с. 85]. В Албазинском остроге: 112 пуд 36 фунтов с полуфунтом пороху ручного и пушечного, 60 пуд 6 фунтов с полуфунтом свинцу» [3, с. 260; 9, с. 84].

В заключение стоит отметить, что в целом обеспечение Тарского гарнизона артиллерийским боезапасом было вполне на достаточном уровне. Использование его в полевых условиях на первых этапах послужило раз-

грому хана Кучума, а затем охране города. За обозначенный период в официальных документах отсутствуют просьбы о присылке наряда в Тару, очевидно снабжение осуществлялось властями в срок. Оказалось возможным подтвердить письменные источники данными археологии и указать на то, что Тарскими служилыми людьми использовались артиллерийские снаряды, обозначенные в данной работе. К сожалению, на сегодня не выявлено еще одно важное звено — артиллерийский арсенал города, он отсутствует на картах, что создает трудности для археологов.

Литература:

1. Акты исторические. — СПб., 1841. — Т. 2. — 482 с.
2. Бранденбург, Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России (Приказ Артиллерии). — СПб., 1873—568 с.
3. Дополнение к Актам историческим. — СПб., 1867. — Т. 10. — 504 с.
4. Дополнение к Актам историческим. — СПб., 1869. — Т. 11. — 332 с.
5. Ионин, А. А. Новые данные к истории Восточной Сибири XVII века (г. Иркутска, Иркутского Вознесенского монастыря, Якутской области и Забайкалья). — М.: Издательство Оникс, 2012. — 250 с.
6. Миллер, Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. — М.: Изд-во «Восточная литература», 1999. — Т. I. — 630 с.
7. РГАДА., — Ф. 214. — Д. 1296. — Столб. 4. — Л. 227, 429—429 об.
8. РГАДА., — Ф. 214. — Кн. 11. — Л. 429.
9. Русско-китайские отношения в XVII веке. 1686—1691. — М.: Наука, 1972. — Т. 2. — 834 с.
10. Техническое оснащение русской артиллерии начала XIX в. URL: <http://www.museum.ru/1812/Army/RussArtillery/part5.html> (дата обращения 06.04.2014).
11. Фаистов, Т. Н. Артиллерия г. Тара в 1594—1689 гг. // Материалы VII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 420-летию со дня основания города Тары. (г. Тара 14—15 марта 2014 года). — Омск: ООО «Амфора», 2014. — с. 167—171.

Политика губернского земства по отношению к кустарным промыслам Нижегородской губернии в конце XIX в. (на основе материала работы «Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства»)

Чиркунов Илья Вячеславович, аспирант

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

Нижегородскую губернию с уверенностью можно охарактеризовать как местность с бурно развивающейся сельской промышленностью. Особенность такого развития находит свое оправдание в ряде факторов, которыми выступают географические, почвенные и экономические условия развития губернии XIX—XX вв. Население истари усваивало особые приемы производства. На них держались промышленные предприятия, и этими же приемами продолжали пользоваться тогда, когда обстоятельства требовали их быстрой смены, для более продуктивного развития. В России началась развиваться фабрично-заводская промышленность. Железнодорожное сообщение позволяло доставлять и реализовывать продукцию не только местного производителя, но и продукцию заграничного производства [1]. Она оказывалась качественнее товаров кустарного производства, и главное, дешевле. Таким образом, наблюдался общий упадок производства среди кустарей, причиной которого являлся «тающий» спрос на производимую ими продукцию. Поведение кустарей было не однообразным: одни, понимая сущность происходящего, не выдерживая конкуренции, вынуждены были закрывать своё производство и уходить на заработки, другие через посредников пытались найти новые рынки сбыта и т.д. Отрицательный опыт развития кустарных промыслов привлекал к себе внимание губернского земства. Им делается попытка внушения уездным

земствам о необходимости поддержания кустарных промыслов. В отдельный перечень идей поддержки сельского производства стоит выделить попытки создания промышленных артелей и ссудо-сберегательных товариществ [1]. Забегая вперед, стоит отметить, что эти попытки не принесли положительных результатов, так как большинство уездных земств были не согласны с предложенными идеями, за исключением южных уездов губернии, где были основаны ссудо-сберегательные товарищества. Для более глобального вмешательства в жизнь кустарно-промышленного населения губернского земству были необходимы статистические данные и исследования, характеризующие общие тенденции в развитии промыслов [2]. Работа по сбору информации началась быстро. Была создана специальная комиссия по исследованию кустарных промыслов, которая была возглавлена в Нижегородской губернии А. С. Гациским [1]. Таким образом, в руках губернского земства скапливался необходимый материал, относительно которого оно могло действовать и стимулировать развитие сельской промышленности. Однако складывалась еще одна парадоксальная ситуация. Губернское земство полагало, что инициатива должна исходить от земств уездных. Последним был поставлен вопрос, не пожелают ли они воспользоваться собранным материалом в целях, которые будут поставлены членами губернского земства. Уездные собрания, как и в пре-

дыдущей ситуации, ответили отказом, ссылаясь на отсутствие необходимых средств. Голод 1891–1892 гг. — время, которое косвенно упрочило мысль в губернском земстве о необходимости организации ряда мер по содействию кустарной промышленности [3]. После кризиса встала задача, связанная с созданием плана мероприятий по отдельным отраслям. Так же встала необходимость дополнения материала местными исследованиями. Работа должна была оказать помощь в выдвигании и подчеркивании нужды промыслов, требовавших наибольшего содействия со стороны земских учреждений. Например, в 1893 году В.М. Шевелин, который являлся гласным Балахнинского уезда, внес в губернское земское собрание так называемую обстоятельную записку, с требованием организации мер по содействию развитию кустарной промышленности [1]. Вполне понятны действия губернского земства. Оно передало эту записку на рассмотрение в экономический совет при губернской земской управе. Экономический совет в свою очередь высказывался за проведение ряда мер относительно сельской промышленности губернии. На фоне общего упадка крестьянских кустарных промыслов губернское земство поручило губернской управе выработать план мер, целью которых являлись содействие кустарной промышленности Нижегородской губернии. Для обсуждения вопросов были приглашены инженер-технологи: Леккюрель и Кржижановский [1]. Собрание привело управу к заключению о необходимости свой первый опыт в деле содействия кустарной промышленности сосредоточить в промысловом районе Ветлужского края Макарьевского уезда. Такой выбор обуславливался рядом причин: опыт содействия выбранному району имел значение для всей северной полосы Нижегородской губернии; выбранный для эксперимента край являлся наиболее бедным и «недоимочным»; в Ветлужском крае не наблюдалось давления со стороны крупного машинного производства и т.д. Благодаря Кржижановскому были собраны ценные материалы, которые дают весьма подробную и четкую картину социально-экономического положения отдельного ряда промыслов. Работа позволила земству выработать ряд мер, которые могли оказать положительное влияние и повысить заработок значительной группы населения губернии.

Исследования Кржижановского показывают, что в рамно-стекольном промысле страдала заготовка сырого материала и сбыт уже готовых изделий. Относительно техники производства замечаний сделано не было. Все это точно намечало характер мер, которые способствовали бы повышению заработка кустаря. Меры сводились к облегчению закупки материала кустарями из казенных лесных дач, а так же созданию рядом с местом производства или на месте средства производства специального кредита под рамы. Ранее кустари данного промысла вели закупку леса у частных землевладельцев, однако материал иссякал и единственное, что могло спасти производство так это обращение внимание на участки вышеупомянутых казенных дач. Относительно кредитов можно сказать следующее,

что земство приходило к идее создания в селе Владимирском, как центре промысла, склада для готовой продукции, с полномочиями выполнения ряда кредитных операций. Примерно таких же идей придерживалось земство и по отношению к рогожному промыслу, где меры содействия, как и в рамно-стекольном промысле, было решено проводить в моментах заготовки, т.е. покупки сырого материала, самого производства, и сбыта изделий. По количеству людей, которые были заняты промыслом, следует выделить Воскресенский район. Отрицательным моментом производства являлось отсутствие самостоятельной выработки ткачами-рогожниками сырого материала производства, т.е. мочала. Он являлся для кустарей покупным, приобретался в основном на рынке [4]. Земство своими действиями могло оказать услугу, основав в селе торговый склад, продававший материал кустарям, по фиксированным ценам, контролируемые земскими учреждениями. Не стоит забывать и о том, что склад мог выступать в роли центра реализации товаров. Иначе обстояло дело, связанное с так называемым смоло-скипидарным промыслом Ветлужского края. Помимо устранения трудностей, которые были связаны, с заготовкой материала, и сбыта изделий, открывалось широкое поле технического улучшения и усовершенствований. Т.е. в данной ситуации решалась задача, преимущественно технического характера. Данный промысел развивался в казенных лесах макарьевских лесничеств. Сырым материалом выступал так называемый осмол. По сути, смолокуры не являлись самостоятельными предпринимателями. Они работали в артелях, насчитывавших от трех до пяти человек. Работа проводилась относительно договора артели и крупного скупщика смолы относительно предстоящего сезона смолокурения. Артель получал денежные средства и обязался передать все продукты — смолу, скипидар, уголь — скупщику [4]. Цены на производимые товары в большинстве случаев были оговорены в договорах и зависели от цен на рынке. Следовательно, можно наблюдать прямую зависимость заработка кустарей от ситуации на рынке. Задача содействия данному виду промыслов была достаточно простой и заключалась в попытке развития и введения более совершенных приемов производства, с помощью создания образцового завода-мастерской. На нем кустари могли учиться не только добывать из сырья смолу, с помощью новых приемов производства, но и скипидар, уголь, переработанную подсмольную воду и так далее. Стоит отметить, что благодаря докладу Кржижановского уездное земство ассигновало в распоряжение губернского земства сумму в 1000 рублей для постройки упомянутого выше образцового завода по сухой перегонки дерева. Позже было принято решение о поддержке завода другими мерами, а именно: отведение удобного места в казенном лесничестве; ходатайство в ведомстве государственных имуществ; вложения средств в размере 2000 рублей; льготное снабжение необходимыми материалами и так далее [1].

Таким образом, разрешался вопрос, связанный с несколькими важными секторами сельской промышленности

Ветлужского края Макарьевского уезда. Однако, после губернской управой был сделан вывод о том, что масштабное содействие развитию кустарных промыслов губернии не может основываться на тех скромных средствах которые находятся в ее введении. Дальнейшее развитие программы, естественно, требовало все больших средств. Земству было необходимо прибегнуть к помощи Государственного банка и прибегнуть к ходатайству об открытии банка в селе Воскресенском, который мог бы сотрудничать по вопросам кредита кустарям и кустарным производствам при посредничестве губернского земства. Именно так закончился период теоретических исследований сельской промышленности в Нижегородской губернии. Необходимо было переходить на путь практических мероприятий, которые повлекли бы за собой положительные сдвиги в развитии «кустарщины». Первым из таких действий стало создание кустарного отделения при земской управе. На него были возложены задачи, связанные с контролем исполнения мероприятий губернского земства. Управа продолжала полагать, что должна оказывать содействие кустарям именно в организации сбыта произведенных товаров. Как отмечалось, сбыт есть одна из главных задач, решение которой может за сравнительно короткий промежуток времени вывести кустарную промышленность на новый уровень. Как следствие — гарантия успеха другим мероприятиям, которые связаны с проведением «политики содействия». Члены управы пришли к выводу о необходимости создания в центре губернии — Нижнем Новгороде — своего рода торгово-промышленного склада кустарных изделий. Постройка имела свои задачи: прямое содействие производителям путем поставок к более выгодному сбыту их товаров; знакомство потребителей с изготавливаемой продукцией; содействие улучшению производства кустарных изделий и техники производства. Управа так же обращала внимание на тот факт, что с помощью работы склада, может быть оказано большое положительное влияние на производителя, ведь склад мог напрямую поставлять изделия для удовлетворения потребностей, например, железных дорог или даже армии. Нижегородская губерния практически центр Европейской части России, через нее проходят мощные речные артерии, она обладала таким большим центром торговли как Нижегородская ярмарка. При таких условиях склад выступал бы в роли посредника для ряда других земских складов по сбыту произведенных кустарными изделий на ярмарке. Склад мог бы развивать торговые операции и ока-

зывать положительное влияние не только на население, но и на развитие кустарного производства в целом. Возвращаясь к вопросам кредитования, стоит сказать, что управа пришла к выводу о формах кредита в виде подтоварной ссуды. Т. е. при такой ссуде, денежные средства выдавались под залог имеющихся на складе товаров. В свою очередь Государственный банк давал возможность складу выдавать кустарям денежные авансы либо полный расчет за произведенные товары. Далее управа приходила к выводу, что кустарь, который самостоятельно пытался купить материалы для производства, в большинстве случаев переплачивал за них. Естественной являлась ситуация, что при таком ведении дел, снижался его и без того не высокий заработок. В данном случае еще раз подтверждается положительная роль идеи строительства складов, которые продавали бы сырье для производства по фиксированным ценам подконтрольных земству. Позднее XXXI очередное собрание приняло выработанные управой предложения по ассигнованию: на содержание земского кустарного техника ассигновано 3100 рублей; на устройство завода сухой перегонки 2200 рублей; на оборудование склада, на расходы по его содержанию и на его оборотные средства ассигновано около 10000 рублей [1]. Кроме того, губернской управе было поручено ходатайствовать перед кустарным отделом Министерства земледелия о выдаче субсидий складу, о льготном снабжении железом и сталью для продажи кустарям, о предоставлении заказов и поставок сельской промышленности.

Таким образом, в заключение обзора мероприятий по оказанию содействия в развитии кустарным промыслам наблюдается наличие положительных моментов в работе губернских земств. Прделанная работа отдельными государственными структурами носит серьезный исторический характер, так как побуждение земства к поддержке кустарных промыслов побудило к созданию ряда работ, статистических данных, оказывающих большую помощь в изучении ряда вопросов данной тематики в современное время. Однако следует отметить, что в начале XX века сельская промышленность, наряду с промышленностью фабричной, столкнулась с рядом кризисных явлений. Они отрицательно сказались на развитии, и практически свели на нет все старания и начинания государственных структур, целью которых, являлось не только оживить и обеспечить конкурентоспособность, но и поднять кустарное производство на качественно новый уровень.

Литература:

1. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. — СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения (Высочайше утверждённого Товарищества И. Н. Кушнерёв и К), Вып I—III, 1896.
2. Плотников, М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. — Издание Нижегородского губернского земства. — Нижний Новгород: Типография Ройского и Душина, 1894.
3. Погрузов, Л. Д. Кустарная промышленность России, ее значение, нужды и возможное будущее. — СПб., 1901.
4. Карпов, А. В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. — Арзамас, АГПИ, 2010.

5. АРХЕОЛОГИЯ

Семантическая общность древнего искусства: от палеолита до уральских писаниц

Карелин Владислав Георгиевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник
Всероссийский научно-исследовательский институт металлургической теплотехники (г. Екатеринбург)

*«Весь мир смотрит на то, на что смотрю я, но никто не видит того, что я вижу»
Ламенис*

Около полутора веков прошло с того времени, когда Marcelino de Sautuola впервые открыл пещерную живопись в Альтамире. За время, прошедшее со дня открытия палеолитического искусства, в Западной Европе обнаружено более 300 пещер с различными изображениями. Найдены артефакты искусства каменного века трех форм: рисунки, гравировки, рельефная скульптура. При этом произведения палеолитического искусства обнаружены как в темных пещерах, так и на открытом воздухе (под освещенными скальными навесами). Установлено, что тематика изображений в пещерах и освещенных местах одинакова. Проблеме интерпретации значения и смысла изображений искусства каменного века посвящены многочисленные публикации. Высказаны более десятка гипотез смысла палеолитического искусства (эстетическое удовольствие, тотемизм, охотничья магия, фетишизм, анимизм, культ предков, нейропсихология и др.).

На фоне обилия конкретных описательных материалов древнекаменного искусства и упомянутых гипотез у ряда исследователей звучат пессимистические высказывания. Ларичев В.Е. отмечает, что постичь содержательную сторону образов искусства каменного века «никак не удастся» и не предложено «ничего достойного внимания». Clottes J. утверждает, что «бесполезно искать смысл в древнекаменном искусстве». Jonson P. однозначно пишет о том, что цель мадленского искусства «мы не знаем, и мы никогда не узнаем».

Тем не менее, некоторые исследователи предложили, думается, весьма перспективную идею о возможной роли пещерной живописи как коммуникативной системы. Leroi-Gourhan A. высказал гипотезу о том, что изображения животных в пещерах были не просто образами реальных животных, но и символами некоторых идей, сформулированных человеком каменного века. По его мнению организация изображений в пещерах представляет четко оформленную семантическую систему, предназначенную для коммуникации между людьми палеолита [1]. Sauvet G. считал, что палеолитическое искусство является знаковой системой, своего рода языком, который служил

для коммуникации между людьми посредством своеобразного визуального канала, отличного от обычной речи [2]. Однако, упомянутые авторы не смогли раскрыть конкретные коды и содержательные формы декларируемой ими коммуникационной системы, ограничившись общими соображениями о религиозных обрядах, проводимых в пещерах, и записи мифов (мифографии) в форме образов искусства.

Ранее в нашей работе [3] было показано, что в период неолита на Среднем и Южном Урале функционировала знаковая система на писаницах (рисунки, исполненные охрой на прибрежных скалах), которая в виде знаков содержала информацию об удобных местах переходов из долины одной реки в другую, соседнюю, через перевальный участок, их разделяющий. При этом значительно сокращалось расстояние в направлении север юг вдоль Уральского хребта с использованием таких перевальных участков по сравнению с маршрутом, проложенным по соседним рекам единой речной системы. Таким образом на Урале в неолитическое время древний человек использовал своеобразную путевказательную знаковую визуальную коммуникативную систему, элементы которой являлись маркерами, указателями при передвижении в пространстве. Более того, в другой нашей работе [4] комплексная визуальная фигура, состоящая из полутора десятка знаков и расположенная на писанице на скале «Двуглазый Камень» на реке Нейва, идентифицирована как древняя схема (карта) верховьев реки Нейва.

Естественно возникает вопрос: была ли такая система писаниц изобретением уральского человека или она (система) была привнесена из далеких краев и из глубоких времен палеолита? Была ли уральская знаковая система лишь модификацией какой-то более ранней системы? Ответ на последний вопрос — положительный, по следующим обстоятельствам. В обеих системах использовались одинаковые материалы для нанесения изображений на однотипные каменные (скальные) места. И там и тут элементами изображений являлись животные, знаки и человек. В западно-европейском палеолите фигурирует ряд животных: мамонт, бизон, лошадь, олень, тур,

носорог, лев, медведь и др. В уральском неолите на писаницах встречается меньшее количество животных — мамонт, олень, медведь, утка и др. На Урале широко использовались знаки в форме треугольника в виде нескольких модификаций. Два соприкасающихся треугольника, с основаниями расположенными на общей линии, визуально символизировали две горы и понижение (перевал), расположенный между ними. Простой треугольник с дополнительными линиями, треугольник без основания (в виде углообразного знака) также являлись на писаницах символом перевала. Знаки в виде треугольника и в форме углообразного знака имеют место и в искусстве палеолита. Криволинейные знаки в форме дуг с изгибом, расположенным в верхней или нижней части дуги, встречаются и в западно-европейском искусстве палеолита и на уральских неолитических писаницах. На последних знаки в виде дуг символизировали направление движения от писаницы в сторону перевала. Знак в виде дуги с изгибом, расположенным в верхней части дуги, символизировал южное направление (в сторону максимально высокого положения солнца при его движении по дневной солнечной дуге). Знак в виде дуги, с изгибом, расположенным в нижней части дуги, символизировал северное направление (в сторону, противоположную предыдущему знаку). Пара таких знаков составляли бинарную оппозицию. И в западно-европейском искусстве и на уральских писаницах встречаются немногочисленные изображения человека. При этом в обоих случаях человек изображался в упрощенном геометризованном схематическом виде, без морфологических особенностей.

На основании вышеизложенного можно высказать следующее общее соображение.

Западно-европейское палеолитическое искусство и уральские писаницы имеют не малое число совпадающих элементов изобразительных систем. Поэтому можно предположить, что палеолитическое искусство было также коммуникативной системой, служащей для передачи информации с рекомендациями о перемещении в пространстве.

Рассмотрим далее элементы изобразительной системы западно-европейского палеолитического искусства с точки зрения высказанного предположения о коммуникативной информации о передвижении в пространстве.

Среди образов животных в искусстве палеолита наиболее интригующим является мамонт. Наши длительные рассуждения о том, какой элемент или комплекс элементов в изображении мамонта мог быть наиболее информативным, привел нас к мысли о том, что таким элементом является линия седловины между затылком головы и горбом спины мамонта. В этой линии человек эпохи палеолита увидел визуальное сходство с географическим комплексом — перевал, расположенный между двумя горами. В образном восприятии окружающего мира мышление древнего человека совместило указанный географический комплекс (перевал) по подобию с частью

абриса верхней линии головы — спины мамонта, в результате чего мамонт стал восприниматься символом перевального участка, «говорящим» о том, что от места изображения мамонта следует направиться к перевалу.

Можно полагать, что аналогичный способ — вычленение характерной части абриса животного по подобию с каким-либо предметом или понятием окружающего мира — человек эпохи палеолита использовал и в изображении других животных.

Характерная линия горба бизона древнему человеку показалась подобной дугообразной линии дневного движения солнца по небосводу и стала восприниматься как южное направление движения на перевал. А само изображение бизона стало символизировать именно южное направление. Весьма характерной частью лошади является ее голова, ориентированная вниз. Нижняя линия морды лошади представляет собою кривую линию в виде дуги, изгиб которой расположен в нижней части. В восприятии древнего человека такая линия была противоположной линии горба бизона. И тогда эта линия морды лошади стала символизировать направление противоположной линии движения солнца по дневному небосводу — то есть северное направление. А собственно изображение лошади стало символом северного направления.

Из сказанного видно, что центром символического содержания, выражаемого фигурами вышеуказанных животных, были отдельные части тела таких животных: у мамонта седловина между головой и горбом, у бизона — горб на спине, у лошади — морда. Поэтому, естественно, со временем, вместо полной фигуры этих животных стали изображать только те части тела, которые и несли символическое содержание животных. Так, например, вместо полной фигуры мамонта стали изображаться: 1. линия хобот-голова-спина (Юшар, Комбарель II, Фон-де-Гом, Кавэй а Куз), 2. линия хобот-голова (Труа Фрер, Руффиньяк), 3. линия голова-спина (Улен). Вместо полной фигуры бизона стали изображаться: 1. передняя часть (Марсеулас), 2. голова бизона (Пеш-Мерль, Ляско), 3. голова и горб бизона (Бернифаль). Вместо полной фигуры лошади стали изображаться: 1. передняя часть лошади (Портель), 2. голова и верхняя часть туловища лошади (Рокамадур), 3. только одна голова (Пеш-Мерль, Ляско) и иногда несколько голов лошадей (Гаргас — 2, Шове — 4, Хаувет — 4). Как следует из описанного достаточно было отразить главный смысловой элемент фигуры животного, а остальные детали тела животного уже не имели существенного значения.

Логично предположить, что совместное изображение мамонта и лошади или мамонта и бизона, будет составлять законченное информационное сообщение: «перевал на севере» или «перевал на юге». Таких примеров в палеолитическом искусстве Франции находится немало количество. Прежде всего, отметим сочетание пары «мамонт-лошадь» в искусстве малых форм, по материалам Абрамовой З.А. [5]. На длинном навесе Ложери-От, расположенном на правом берегу реки Везер, была найдена

плоская плитка известняка, на одной стороне которой нанесена гравюра двух силуэтов мамонтов, наложенных одна на другую, а на другой стороне плитки — голова лошади. Среди сотни гравированных плакеток, плиток и блоков известняка, найденных при раскопках грота Ла Марш, найден блок известняка, на котором находится гравировка целой фигуры мамонта и на той же плоскости около хобота мамонта изображена голова лошади. На скальном навесе Ла Коломбьер найдена галька, на одной стороне которой выгравирован силуэт лошади, а на другой стороне — почти полная фигура мамонта. В этих случаях изображение пары животных (мамонт — лошадь) имеет одинаковое символическое содержание: «перевал — север».

Изображения пары «мамонт — лошадь» часто встречаются в пещерном настенном искусстве: примеры приводятся по материалам Абрамовой З. А. [6]. Имеют место следующие комбинации:

- лошадь расположена по отношению к мамонту рядом (Плакард, Комбарель I, Пижонье), под мамонтом (Фон-де-Гом) и над мамонтом (Комбарель I);
- две лошади расположены под мамонтом (Бернифаль) или рядом с мамонтом (Майенна-Сьянс);
- лошадь находится рядом с двумя мамонтами (Дез-Увертюр);
- лошадь изображена между двумя мамонтами (Кавэй и Куз);
- и самый любопытный вариант: лошадь изображена непосредственно на теле мамонта (Фон-де-Гом, Комбарель I, Арси-сюр-Кюр).

Во всех названных случаях, особенно в последнем, пара животных «мамонт-лошадь» символически передает визуальный смысл — «перевал-север».

Аналогичные примеры имеются и для пары «мамонт-бизон»:

- мамонт и рядом голова бизона (Бернифаль);
- бизон расположен под или над одним или двумя ма-

монтами (Руффињьяк, Фон-де-Гом, Бернифаль);

— между двумя бизонами изображен мамонт (Фон-де-Гом);

— и самый любопытный вариант: совмещение изображений мамонта и бизона (Рок аукс Сорсирс, Фон-де-Гом, Комбарель I, Дез-Увертюр).

В этих вариантах пара животных «мамонт-бизон» отражают символический смысл — «перевал-юг».

Не вызывает сомнения, что коммуникативная система с использованием изображений животных во времени совершенствовалась. Появились рисунки других животных: носорог (был символом крутого островершинного пика), олень, медведь, и др. Со временем появились знаки. Интересен тот факт, что знаки оказались нанесенными непосредственно на фигуру животного. Так, например, в пещере Руффињьяк на изображении мамонта нанесены знаки: треугольник («глаз»), дуга с верхним изгибом («бровь» и на холке мамонта). Вероятно эти знаки могли быть нанесены позднее на уже существующее изображение мамонта.

В заключении еще одно соображение. Большинство пещер с рисунками во французском департаменте Дордонь расположены по склонам Центрального массива, представляющего систему известняковых плоскогорий с отдельными высокими горами. Район изобилует скалами, в большинстве случаев имеющими вид серии пластов с вертикальными расщелинами. Именно такие скалы древний человек, вероятно, и изображал в виде знаков, которые ныне исследователи именуют тектиформами. Такие знаки помогали отыскивать конкретные места при передвижении по местности.

Изложенную выше гипотезу о коммуникативной форме палеолитического искусства в виде символического содержания, передающего информацию о путях и направлениях перемещения древнего человека в пространстве, целесообразно принять для дальнейших проработок.

Литература:

1. Leroi-Gourhan, A. Prehistoire de l'art occidental. Paris: Mazenod. 1965. 480p.
2. Sauvet, G. La communication graphique paleolithique // Antropologie. 1988. Т. 92. № 1. Р. 3—15.
3. Карелин, В. Г. Путеводная гипотеза семантики уральских писаниц // Наскальное искусство в современном обществе. Т. 2. Кемерово: 2012. с. 37—44.
4. Карелин, В. Г. Каменная «картосхема» верховьев реки Нейвы // Девятые Татищевские чтения. Екатеринбург. 2012. с. 329—334.
5. Абрамова, З. А. Каталог изображений мамонта в европейском палеолитическом искусстве малых форм // Stratum plus, В эпоху мамонтов. № 1. 2003—2004. с. 23—67.
6. Абрамова, З. А. Каталог изображений мамонта в палеолитическом настенном искусстве Европы // Stratum plus, В эпоху мамонтов. № 1. 2003—2004. с. 68—113.

Культовое значение керамики в ташковской культуре

Кузнецова Олеся Васильевна, аспирант

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В статье рассматривается значение керамики в ташковской культуре. Автор видит возможность реконструкции ряда религиозных представлений данной археологической культуры, связанных с особенностями хозяйственной жизни и отношением к керамике. Статья написана по материалам поселений ЮАО XIII, Ташкова II, Иска III.

Ключевые слова: ташковская культура, ранний бронзовый век, керамика, глина, реконструкция духовной культуры.

При реконструкции культовой практики по материалам ташковской культуры, исследователи обнаруживают, что значительное место в ней, по-видимому, занимало жертвоприношение. В свою очередь, мы хотим показать, что среди жертвенных подношений (которые фиксируются в материалах ташковской культуры) важное значение имело подношение фрагментов керамики и керамического теста. В рамках общей характеристики ташковской культуры, применительно к интересующему нас вопросу, необходимо указать, что для данной культуры характерно довольно большое число сосудов на поселениях. Величина сосудов варьируется значительно. Сосуды, за исключением единственного фрагмента металлического сосуда, керамические.

Специфической чертой ташковской культуры является необычное для Зауралья массовое использование орудий, изготовленных на фрагментах керамики, хотя в ограниченном количестве они встречаются и на энеолитических поселениях Зауралья. В.Т. Ковалева, оценивая данное явление, ссылается на С.А. Григорьева: «подобное известно в энеолитических культурах Кавказа и Средней Азии» [1, с. 210]. А.В. Шаманаев пришел к выводу, что это своеобразное решение проблемы отсутствия или недостатка сырья для производства инструментов [2, с. 47]. По мере удаления от районов богатых каменным сырьем, количество орудий на фрагментах керамики возрастает. Возможно, распространение массового вторичного использования керамики было связано с решением общей для хозяйства задачи — сокращения времени на производство орудий труда [3, с. 203]. При этом, если говорить об орудиях, необходимо указать на то, что для памятников ташковской культуры отмечается небольшое количество каменных изделий. Причиной последнего исследователи предполагают существенное изменение сырьевой базы каменной индустрии и стратегии добычи и использования камня у ташковского населения, отличной от местной энеолитической традиции [4, с. 41]. Области, в которых широко использовались фрагменты керамических изделий, точнее, керамических сосудов: изготовление широкого спектра орудий, металлургических тиглей, изготовление (спорадическое) «пряслиц» или, возможно, грузил в виде дисков, изготовление новых сосудов (шамот).

Помимо этого керамика была тем материалом, который использовался для изготовления таких массовых специализированных изделий, как рыболовные грузила с раздвоенными концами (типологически традиционных для энеолита Среднего Зауралья, которые, по мнению В.Т. Ковалевой, вряд ли стоит связывать с какой-то одной из зауральских энеолитических культур [5, с. 26]), а кроме того, и для единичных — пряслиц, или символических «булав» (по Ковалевой) и спорадически встречающейся мелкой пластики.

Иными словами, изделия из керамики, в том числе изготовленные на основе фрагментов готовых изделий, и, собственно, глина, как материал, играли в хозяйственной жизни населения ташковской культуры важную роль. И упомянутое в начале статьи широкое использование в ритуале керамических изделий, их фрагментов и керамического теста согласуется с описанной картиной хозяйственной деятельности.

Значительная часть керамики, даже использовавшейся в быту, имела не только хозяйственное назначение, но была носителем некой информации, предположительно, сакрального характера. Керамические сосуды ташковской культуры отличает сложная орнаментация, в частности, символика чисел.

Оставление сосудов, в качестве жертвенного подношения, уже отчасти исследовано В.Т. Ковалевой и мы не будем концентрироваться на этом типе подношения. Мы хотим подчеркнуть, что в ритуале жертвоприношения достаточно часто использовались не целые сосуды, а именно фрагменты сосудов, в том числе, довольно мелкие.

Одним из случаев такого подношения является жертвоприношение в непосредственной близости от северного угла самого северного из жилищ поселения Ташкова II. Согласно нашей реконструкции ритуала, на дно вырытой ямы были помещены горящие угли, после чего, поверх них были помещены множественные фрагменты керамики, обломок тигля, пряслице, кремневые пластины и зубы лошади. Существенно, что частью ритуала жертвоприношения было использование огня и, что огонь использовался только в начальной стадии ритуала. Нужно особо отметить принесение в жертву обломка тигля —

по сути, предмета, не подлежащего вторичному использованию, бесполезного для хозяйства (в отличие от фрагментов, сосудов, имевших некоторую хозяйственную ценность, в связи с традицией вторичного использования). Относительно находок тиглей в жертвенных ямах основной исследователь ташковской культуры сделала предположение о возможной связи данных жертвоприношений с металлургическим культом. Тем не менее, вопрос о существовании культа, связанного с металлургией, у населения, оставившего нам памятники ташковской культуры, — это одна из наиболее гипотетических областей исследования жертвоприношения в данной археологической культуре.

Подобное подношение керамики мы встречаем и на поселении ЮАО XIII за пределами кольца домов рядом со стеной жилища 6, расположенного в западной части поселения. Здесь, на дне вырытой ямы, был разведен огонь (от которого остался прокаленный слой грунта), который затем был слегка присыпан слоем грунта, после чего в яму были помещены обломок медного изделия, мелкие фрагменты керамики и кости животного, которые подверглись температурной обработке (кальцинировались). На ЮАО XIII подношения фрагментов керамики, по-видимому, неоднократно совершались на культовом кострище в западной части поселения, на котором зафиксированы ямки от столбов и следы многократно совершавшихся разжиганий небольших костров.

Единичные фрагменты керамики были поднесены в качестве жертвенных подношений на памятнике Иска III в культовой яме и на культовом кострище, расположенных в юго-восточной части поселения за пределами кольца застройки. О том, что эти фрагменты были жертвенным подношением, свидетельствуют не только конструктивные особенности ямы и очага (особенно: на границе очажного пятна находилась столбовая ямка, в основании которой была обнаружена охра), и не только характер находок на указанных объектах (в отличие от «точков» на ЮАО XIII и хозяйственных очагов и ям на Ташково II и Иске III), где не было ни явных следов хозяйственного назначения находок, ни массовости, так же характеризующей именно «точки» и хозяйственные объекты. О том, что мы имеем дело с жертвенным подношением, может свидетельствовать выявленный при помощи метода связей не вполне объяснимый хозяйственным использованием путь, который проделал фрагмент относительно локализации остальных фрагментов от рассматриваемого сосуда. В случае с очагом все остальные фрагменты сосуда локализируются на севере поселения, тогда как этот фрагмент единственный был перемещен через все поселение и оказался в очаге, расположенном на юго-востоке, за его пределами. При этом, подчеркнем, фрагмент не имел следов хозяйственного использования.

Преимущественно единичные фрагменты керамических сосудов, а кроме них обломок керамического «пряслища» (или символической булавы, по мнению В.Т. Ковалевой) обнаружены в культовом ровике, который

появился на поселении Иска III в промежуток времени между исчезновением жилища 3 и появлением жилища 4-а — в восточной части поселения. Это были единичные фрагменты от сосудов, в разной степени разнесенных по площади поселения, и в некоторых случаях, нам удалось выявить, своего рода, магистральные направления, такого распределения фрагментов сосуда по поселению.

Помимо подношения фрагментов сосудов, заметную роль в культе, по-видимому, имело подношение керамического теста. Говорить об этом стало возможно после раскопок памятника Иска III, а точнее, одного из объектов на межжилищном пространстве. До этого, в ходе раскопок Ташково II, в жилищах были обнаружены значительные запасы глины, вероятно, хозяйственного назначения: в жилище 9 (большое скопление у очага) и в жилище 3 (яма заполненная глиной). Затем, при раскопках Иски III, были обнаружены куски обожженного керамического теста в жилище 1 (в северном углу кв. 3–4, 5 — кусок теста с добавлением шамота весом составлял приблизительно 1 кг.), в жилище 4-а (на кв. Н–10, гл. — 60 см) — кусок глиняного теста с примесью шамота, лежавший на фрагменте керамики). Основной исследователь ташковской культуры, В.Т. Ковалева, выдвинула гипотезу о ритуальном характере этих находок, а именно, что они, скорее всего, были составной частью ритуала подготовки поселения к сожжению и оставлению. Куски обожженного керамического теста, обнаруженные в жилищах на Иске III, отличались от запасов на Ташково II, где глина хранилась в больших объемах, не имела искусственных примесей и не подвергалась обжигу. При всем этом, до тех пор, пока такие находки обнаруживались только в пределах жилищ, хотя мы склонны считать предположение В.Т. Ковалевой верным, оставалась вероятность, что они, все же, могли быть, не более чем следами хозяйственной деятельности. Расположение керамического теста в пределах жилищ согласуется с локализацией производственной деятельности, в которой оно использовалось, или, по крайней мере, с местом хранения небольших запасов. Однако, при раскопках поселения Иска III были получены данные, позволяющие утверждать, что здесь действительно осуществлялось жертвенное подношение глиняного теста. В неглубокой яме, находившейся за пределами поселения с восточной его стороны, на дне были обнаружены угли и небольшие куски обожженного глиняного теста, подобного по составу тому из которого, изготавливались сосуды на поселении. Помимо шамота, к тесту была примешана охра.

Если учесть вышеупомянутую традицию широкого вторичного использования керамики, подношение кусков керамического теста в жертвенной яме на Иске III, а возможно, так же жертвенного подношения керамического теста, в жилищах, могло иметь смысл жертвоприношения чего-то весьма значимого. Существенно, что на Иске III, в случае с ямой, относительно которого мы можем судить с наибольшей степенью вероятности из всех случаев обнаружения керамического теста в материалах ташковской

культуры, это было подношение не просто кусков глины, но керамического теста с примесью шамота, сходного по составу с тем, которое использовалось в ташковской культуре для изготовления сосудов. И, в данном случае, с добавлением охры — красителя, наделенного священными смыслами во множестве традиционных верований этнографического времени, а также, насколько можно судить, и в археологических культурах, по меньшей мере, с верхнего палеолита.

Для понимания жертвоприношения в ташковской культуре через виды подношений, нужно так же учитывать весьма не однозначные смыслы, которыми, по-видимому, могли наделяться изделия и материалы, из которых они были изготовлены. Так, например, с керамическими сосудами, исходя из расположения находок, были тесно связаны, через некоторые смыслы, орудия, изготовленные на фрагментах керамики, использовавшиеся, в частности и для чистки рыбы, тогда как глиняные рыболовные грузила, по-видимому, относились к другой смысловой области. То же можно сказать и о тиглях, изготовленных на фрагментах керамических сосудов — они, для ташковского населения были, по-видимому, чем-то заметно иным, нежели орудия на фрагментах керамики. Отдельного внимания заслуживает, на наш взгляд, культовое значение керамического теста, судя по тому, что оно было особым предметом подношения. Кроме того, следует учитывать, что для ташковской культуры характерно чрезвычайно широкое и интенсивное использование керамики. В связи с этим, можем ли мы рассматривать, жертвенное подношение керамики, керамического теста, как нечто сходное с подношением нуклеусов для изготовления каменных изделий или подношениями металлического лома.

В ташковской культуре появляются черты, несвойственные зауральному энеолиту, которые, с точки зрения здравого смысла могут показаться чем-то в роде «культурных излишеств»: огромные структурированные поселения, активная культовая жизнь, сложные ритуалы, включающие в себя сожжение поселений и обряды подготовки данного события, и всё это происходит на фоне нехватки сырья и прочих ресурсов жизнедеятельности. Отсутствие новых технологий и доступного каменного сырья и металла, доминирование присваивающей экономики, вполне возможно привело к интенсификации культовой жизни. Ташковскую культуру по уровню развития производительных сил нельзя сравнивать с мезоамериканскими культурами, но по этнографическим источникам мы знаем, что подобные процессы интенсификации религиозной жизни в сложных для общества условиях были характерны и для других культур.

Известно, что в подобных сложных условиях меняется и мировоззрение, и соответственно, культ. Глина и керамическое тесто, фрагменты керамики переосмысливаются религиозным сознанием. Учитывая культ огня, следы которого присутствуют на нескольких объектах, реконструи-

руемых как культовые и сожжение поселений, мы можем задаться вопросом о том, каким образом верования касающиеся огня могли соотноситься с религиозными представлениями относительно глины, керамического теста. Огонь преобразует глину, рождает качественно новую вещь, обладающую, возможно, отличной сущностью и существованием. Дальнейшее существование вещи также связано с огнем: в сосудах готовят пищу, фрагменты сосудов становятся плавильными тиглями.

Фрагменты керамической посуды используются в качестве разнообразных скребков различного назначения, в качестве подставок, становятся шамотом... Из глины изготавливаются рыболовные грузила, пряслица и ряд предметов не ясного для нас назначения. На наш взгляд, керамическое тесто и фрагменты керамики жертвуют не потому, что они имеют сугубо хозяйственное значение или именно этого в культуре с избыток, а потому, что они являются культурной ценностью, несоотносимой с ценностью экономической, — они объединяют хозяйственное и сакральное пространство жизни. По нашему мнению, смысл подношения фрагментов в том, что, в отличие от подношений целых сосудов, подносится не вместилище, а то, что само символизирует нечто иное: сосуд, как символ, или, скорее, вещество, возможно, в одной из принятых им форм, — то, из чего сосуд состоит или то, что еще может стать изделием (орудием, тиглем, пряслицем или грузилом, изготовленных из фрагмента) или частью нового сосуда, в качестве шамота.

Керамическое тесто/глина — одно, но в этом же заключено множество форм и свойств. Возможно, что глина, керамическое тесто и, в каком-то смысле, фрагменты керамических сосудов символизировали для населения ташковской культуры исток множества вещей. Содержание всех форм в глине/тесте, вторичное использование керамики, возможно, отражает или участвует в создании представления о жизни и смерти, вселенском порядке. А если учесть признаки воплощения в материальной культуре идей, связанных с сакральной организацией пространства, с некоторыми представлениями о модели мироздания, можно предполагать, что керамическое тесто в данной ситуации могло символизировать некую основу мироздания. С достаточной степенью уверенности мы можем говорить об идее порядка в ташковской культуре. В археологическом источнике фиксируется: 1) представление о структурировании поселения — круглоплановые поселения; 2) на керамических изделиях — сложная геометрическая орнаментация, которая носит упорядоченный характер, а так же отсутствие антропоморфизма и зооморфизма, что наталкивает на идею числовой символики; 3) «уборка» поселения перед его оставлением свидетельствует об акцентуации на идее порядка. Таким образом, инструментом отражения ряда смыслов, связанных с идеей порядка, взаимосвязью жизни и смерти, сменой времен года, в ташковской культуре становится керамика, керамическое тесто и их жертвоприношение.

Литература:

1. Григорьев, С. А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции // Сер. Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. — Челябинск, 1999.
2. Шаманаев, А. В. Вторичное использование керамики населением ташковской культуры // XIII Уральское археологическое совещание (23–25 апреля 1996 г.): Тезисы докладов. — Уфа, 1996.
3. Шаманаев, А. В., Зырянова С. Ю. Вторичное использование керамики населением ташковской культуры // ВАУ. — Екатеринбург, 1998. Вып. 23.
4. Шаманаев, А. В. Каменная индустрия поселения Андреевское озеро XIII (ЮАО XIII) // II Берсовские чтения: Материалы научной конференции. — Екатеринбург, 1994.
5. Ковалева, В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. — Екатеринбург, 1995.

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Первые письменные свидетельства о новокрещенских поселениях в Среднем Поволжье (по писцовым материалам Казанского и Свияжского уездов 1565–1568 годов)

Андреев Владимир Николаевич, учитель

МБОУ Шеморданский лицей Сабинского муниципального района (Республика Татарстан)

Как известно после крещения населения бывшего Казанского ханства после покорения Московским государством постепенно образуется группа православного тюрко-татарского населения, которое образует поселения на просторах Среднего Поволжья. Существуют несколько точек зрения ученых на образование кряшен. Самая правдоподобная — кряшены это потомки тех, которые были крещены после падения Казанского ханства в результате политики христианизации края. Предки кряшен в первоисточниках XVI–XVII вв. упоминаются как новокрещены. Этнограф Г.М. Макаров, как и многие, обратил внимание на то, что понятие происходит от слова «крещеный» и это есть синоним понятия христианин [7, с. 21]. В современной трактовке этимологии понятия «кряшен» нет единого мнения:

- 1) этноконфессиональная группа
- 2) субконфессиональная группа
- 3) отдельный народ.

Современное положение кряшен показывают последние переписи народов России за 2002 и 2010 годы. Так, например, в разборе данных переписи за 2002 год упоминаются следующие самоназвания кряшен: «крещенные», «крещенцы» и «крещеные татары», последняя самая распространенная [9]. Первыми письменными свидетельствами о новокрещенском населении Казанского и Свияжского уездов — земель бывшего Казанского ханства упоминаются в писцовых описаниях за 1565–1568 годы.

Военное присоединение привело к уничтожению, а также, частично, к выселению части населения плодородных территорий, главным образом, феодальной верхушки и части земледельцев, которые бежали от произвола новой власти и насильственного крещения. Политика России отражала стремление усиливать власть и покорение народа в регионе. По мнению немецкого историка К. Ноака, Москва развивала две пути обеспечения господства над населением края. С одной стороны, это военная сила и репрессии, а с другой стороны, это вмешательство в общественные и культурные отношения населения [8, с. 39].

3 апреля 1555 года во главе архиепископом Гурием была основана Казанская епархия. С ним в Казань отправлялись архимандриты Варсонофей и Герман с «наказной памятью»: «В крещение неволею не приводить, обращаться с иноверцами кротко, с умилением, жестокостей им не чинить, а при необходимости, освобождать их от суда воевод и наместников» [5, с. 146]. Развертывается миссионерская деятельность, которая обращала в православие, прежде всего знати бывшего Казанского ханства. Из них правительство создавало служилых людей, которые освобождались от ясака, поощрялись денежными жалованиями и поместными дачами. В ответ они служили и проводили в реальность политику правительства — покорение новых земель, были опорной силой в защите новых территорий. Часть из них приняла христианство и, возможно, содействовала насильственной христианизации зависимого от него населения. Например, есть предания о трех братьях из княжеского рода — Нырса, Василий (мусульманское имя не сохранилось) и Исках, которые, а именно, последнее двое, после покорения Казани были крещены и рукоположены в священники в Дюртиле и село Богородское, где они обратили своих родственников в христианство [2, с. 9]. Можно согласиться с историком Р.Г. Галлямом, который указывает на такие задачи правительства в регионе как:

1. Окончательное ослабление и нейтрализация части татарских феодалов, которые были оппозиционно настроены к Москве.

2. Через крестившуюся часть людей распространение христианства на остальную часть коренного населения [1, с. 24].

Так появилась новая категория населения — новокрещены, которые были и служилыми и ясачными, а с ними постепенно образуются и новокрещенские поселения. Судя по всему, новокрещены — это искусственно созданная прослойка, люди, придерживавшиеся до крещения ислама, язычество и католичество, то есть человек западного происхождения, впоследствии принявшие (часто только формально) православную веру. Их потомки до 3–4 колен продолжали считаться но-

вокрещеными. Изучая источники, Р.Г. Галлям пришел к выводу, что под наименованием «новокрещены» скрываются представители коренных этнических групп населения региона обращенные в православную веру после завоевания Казанского ханства. Татар среди прослойки «новокрещен» было большинство, но в их числе встречаются представители марийского, удмуртского, мордовского и чувашского народов, которые были, вероятно, из их социальной верхушки. Но есть вероятность, что отатарившиеся до 1552 года марийцы, удмурты, мордва, чуваша скрываются под понятиями «татары» и «новокрещены», и они составляли значительную долю населения среди новокрещен [1, с. 50–51, 59]. Встречаются проживавшие в новокрещенских деревнях вместе с служилыми новокрещеными и немногочисленные ясачные новокрещены. Например, историк Р.Г. Галлям исследуя писцовую книгу Ивана Болтина начала XVII в. упоминает в Предкамье около 200 служилых новокрещен и малочисленных ясачных новокрещен [1, с. 25]. Образование новокрещенских поселений шло путем миграции и внутреннего освоения обезлюдивших ранее деревень. В годы правления Федора Иоанновича образовавшиеся новокрещенское население изолировалось от мусульманского влияния путем правительственных мер, например, «да в котором месте новокрещеном слободу устроите, в которую церковь во имя велите в той слободе ставить» [5, с. 150]. Стремление удержать новокрещен в православии, подкреплялось религиозным притеснением мусульманского населения и сломом мечетей. Например, в царском наказе казанским воеводам говорится: «Вы б мечети татарския все велели посметати и вперед татарам мечети...ставити не велели...» [5, с. 149].

Итак, разбор писцовых описаний показывает следующие последствия завоевания края: новокрещенские поселения образовались во всех административных единицах (дорогах и станах) Казанского и Свияжского уезда. При этом, часть их, вероятно, не была зафиксирована в документах, так как зависело от целей работы писцов.

В самой Казани также были новокрещены.

Так, в посаде Казани, в Большой улице были дворы вдовы Матренки новокрещенки, новокрещенов Андрея Бурнашева, Федков да Мелентьева, Денисова, Василья Сеитова, ФедоровоМалово, Григорья да Игнатя Мартыновых [3, л. 44, 45 об.]. На Воздвиженской улице был двор Кадыша Иванка [3, л. 45–45об] и служилого новокрещена Петрова и Васильева [3, л. 46]. От этой улицы налево в тупике были две пустых новокрещенских двора. В переулке, меж улиц Большая и Воздвиженская, был двор новокрещена Матвея Нагаева [3, л. 48]. В Прямой улице к Арским воротам были следующие новокрещенские дворы — Ивана Милкоманова, Филипова Караева, Кирила и Василья Асанмурзина [3, л. 46об].

Больше новокрещенских поселений встречается в Казанском уезде, так как она была центром борьбы против Московского правительства. Сведений о новокрещенских поселениях в писцовых материалах Казанского и Свияж-

ского уездов мало. Но, несмотря на это можно представить изменения в крае в первые десятилетия после падения Казани.

Упоминаются также как новокрещенские деревни Казанского уезда как Новые Четвертые и Мемеры, где был зафиксирован двор служилого новокрещена Василия Осанова [5, л. 130, №59]. А в селе Каракчеи Кабан, где наряду с полонениками упоминается двор новокрещена Тимошки [3, л. 204]. Также новокрещен встречается в дворцовом селе Большая Шегоздана реке Суле. Здесь авторы писцовых описаний упоминают большое количество дворов, в числе которых был двор помещичьего крестьянина новокрещена Марчко [3, л. 148, №83]. Вероятнее всего, он был человеком западного происхождения.

Рассмотрим новокрещенские поселения по административным дорогам.

По Арской дороге к 1565–1568 годам новокрещенская деревня Енасала на речке Аштесуб, числилась, за старым жильцом и сыном боярским, за Прокофьем Никитиным сыном Огарева, в котором помещий двор пустовал [3, л. 118 об, №34]. Также «учинена межа цареве и великого князя села Иски Казани» с новокрещенскою землею Карпа Ебакова «с товарищы» деревни Чюрилны.

По Зюрейской дороге как новокрещенская упоминается село Бетьки. Его земли были смежны с деревней Япшеик [3, л. 472 об, №235]. Дореволюционный историк Е.А. Малов отмечал, что основание села Бетьки послужило ограждению и усмирению местности от набегов враждебных инородцев, татар, башкир и ногайцев. Он зафиксировал здесь факт обрусения крещеных татар. Он заметил, что прихожане села Бетьки и приходских деревень все русские, но большинство имеют фамилию Кульметевы, по преданию от крещеного татарина Кульмета [6, с. 1,17].

Также был зафиксирован факт ухода новокрещен из своего поселения. Так поступили жители села Елани на речке Ашти — Науросовы, Иванко и Ванок Емельян Челымов да Федор. Третя села числился за Фомкою за Васильевым сыном Шубина, а две трети за его дядьми [3, л. 121 об. №39, л. 169 об. №103]. К сожалению, причины ухода и места оседаний новокрещен не указаны.

Деревни Нижняя и Средняя также являются новокрещенскими [3, л. 171. №124].

По Алатцкой дороге, за старым жильцом и сыном боярским Богданом Ивановым сыном Чепеслина в «новокрещенской» деревне Саире числилось два полоняника — дворы Климко и Куземка [3, л. 119 об, №36]. Также упоминается из деревни Большие Бимери новокрещен Сеирей Матфей [3, л. 158 об. №98]. Зафиксирован факт размежевания новокрещенской земли Ивана Хозянякова с 11 человек из новокрещенской деревни Туры с полоняничною землею [3, л. 247 об. №220].

По Ногайской дороге как новокрещенская сельцо упоминается Куяк на речке Куяковке, где жили крестьяне, новокрещены, полоняники и чуваша. Были следующие новокрещенские дворы: монастырских крестьян Власа

Агишева и Микитки [3, л. 123].

По Чувашской дороге деревня Нырса упоминается как «татарская, чувашская и новокрещенская деревня на речке Нырсе» и «...лес пашенной и непашенной у всей деревни не в розводе. Не смешен, потому что татарская и чувашская и новокрещенская земля по государеву указу не писана» [3, лл. 128, 129 об. №55]. Вероятнее, здесь новокрещены происходили из татар.

По Свияжском уезде новокрещены жили в деревнях вместе с татарами, чувашами и полоняниками. Такая ситуация прослеживается в деревне Бурундукова, где проживали новокрещены В. Митько, В. Малайко и В. Михалко [4, с. 106–108]. Также была учтена межа Богородицкого монастыря с новокрещенской деревней Ширдан Сергея Тикеева. При межевании участвовал новокрещен Игнаша Тамачинов «с товарищи» [4, с. 128].

Таким образом, писцовые описания дают для исследователей некоторые сведения о первых новокрещенских поселениях в Среднем Поволжье. Рассматривая и изучая

их можно выделить и зафиксировать некоторые изменения после покорения края Московским государством. В том числе появление новокрещенских поселений, таких как:

Уезды	Новокрещенские поселения
Казанский уезд	д. Новые Четвертые, д. Мемер; с. Большая Шегозда на р. Суле, с. Каракчей Кабан; д. Енасала на р. Аштесуб, деревня Чурильня на р. Чурильня; с. Бетьки на р. Бетьки, с. Елань на р. Ашти; д. Нижняя и Средняя Ие на р. Ия; д. Сайря, д. Большие Бимеры, д. Туры; сельцо Куюк на р. Куюковка; д. Нырса на р. Нырса.
Свияжский уезд	Д. Бурундукова, д. Ширдан.

Также зафиксирована миграция населения, и процесс формирования поселений.

Литература:

1. Галлям, Р. Ф. После падения Казани... — Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. — 143 с.
2. Износков, И. А. Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. — Выпуск 3. — Изд. второе. — М.: Печатня А. И Снегиревой, 1895. — 47 с.
3. Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Публикация текста. — Казань: Изд-во «ФАН» АН РТ, 2006. — 660 с.
4. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567). — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1909. — 143 с.
5. История Татарии в документах и материалах. — М.: 1937. — 503 с.
6. Малов, Е. А. Село Бетьки. — Казань: В губ. типографии, 1868. — 24 с.
7. Макаров, Г. М. Перспективы развития традиционной культуры в современных условиях. // Материалы научно-практической конференции «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность». — Казань: 2001. — 19–44 с.
8. Christian Noack, Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nations bildung und National bewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861–1917; / Christian Noack. — Stuttgart: Steiner, 2000. — 616 с.
9. Всероссийская перепись населения 2002 года // Итоги переписи: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

II Международная научная конференция
Пермь 2014 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.05.2014. Формат 60х90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,96. Уч.-изд. л. 8,07. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Зебра»
614068, г. Пермь, ул. Окулова, д.75